

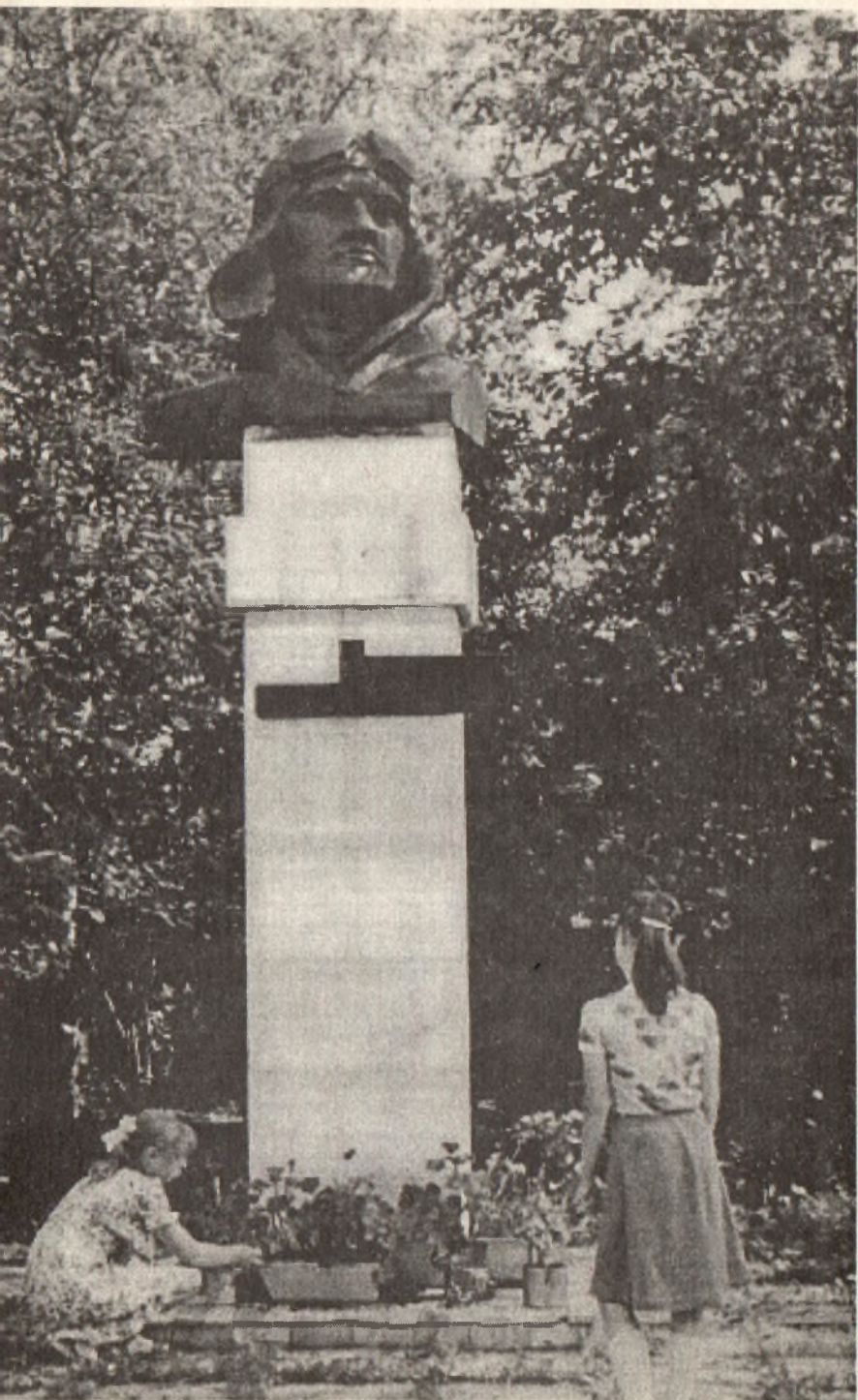
Ученики и учителя

Равиль ГАБДЕЛХАКОВ

АТАКУЮ.
ПОТОПИЛ.

- 1998 -

Документальная повесть

О жизни и подвигах летчика-североморца Евгения Францева.

“Тот, кто побывал в нескольких торпедных атаках, все, считаю - большие, смелые люди. Ведь каждая из них - море огня. Это - воскрешение, второе рождение! Больше пяти раз я бы не советовал в них бывать...”

(Из фронтового дневника героя)

**Имя героя присвоено средней школе № 9
в уральском городе Чернушка.**

63.3 (2) 722.78

A92

Г98 Габделхаков Р. М.

**Атакую. Потопил. Документальная повесть - Омск:
1998. - 220 с., ил.**

ISBN 5-85540-401-3

Документальная повесть о жизни и подвигах в Великой Отечественной войне Героя Советского Союза, летчика-торпедоносца Северного флота Евгения Ивановича Францева, имя которого присвоено средней школе №9 в городе Чернушка (Пермская область). Автор - директор этой школы Равиль Габделхаков.

**Г 4502020000
M163 (03) 98**

Без объявл. 63.3 (2) 722.78

Содержание

Вместо предисловия	5
Слово - редактору	4
Слово - автору	5
Слово - однополчанину	7
Тепло семейного очага	8
Светлая березка детства	12
Клятва юности	20
Зачислен курсантом	30
Из истории военно-морских училищ	33
Как много требований	35
И покорился пятый океан	38
Грянул гром войны	42
Свет родного дома	47
На северном фронте	55
Гром среди ясного неба	58
Тринадцать вылетов впустую	63
Всем смертям назло	75
Грохнули вторую подлодку	86
Как молоды мы были	96
Экипаж неразлучных друзей	99
Война войной, а жить-то хочется	103
Поведать о том, что знал и умел	108
Потопили и сфотографировали	110
Высокое искусство летчика	118
Бомбовые удары	122
Самолет-факел врзается в корабль	125
Мой друг Петр Гнетов	128
Воздушные удары все сильнее	132
В кругу родных и любимых	139
Высокая награда	146
Эту тайну хранит море	152
Письма	162
Записан в книгу бессмертия	175
Вернулся к стенам родной школы	178
Высокая благодарность	185
Штурман Галкин сегодня	187
“Добро” музею	191
Друг Евгения - летчик-поэт	193
Он погиб, чтоб жили мы	195
Прощальное слово о герое	197
Школа помнит героя	200
От автора	206

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Слово - редактору

Я трижды смотрел фильм “Торпедоносцы” Ленинградской киностудии, в основе которого лежат документальные события далеких военных лет. Трижды! А мог бы еще, и еще... Они, эти славные, бесстрашные ребята, остались в моей памяти навсегда!

Да, я с ними не был знаком, но я навек благодарен им за их мужество и смелость в лихую годину, за их отчаянную любовь к Родине, их безграничную ненависть к врагу. Они, презревшие смерть, бесстрашно ложили свои молодые жизни на алтарь великой Победы...

Был среди этих молодых героев и мой земляк, выпускник той же школы, где я учился позже - Евгений Францев.

В Североморске свято чтут аллею летчиков-героев. Там стоит и бюст моего земляка, летчика-торпедоносца Евгения Ивановича Францева, погибшего в просторах Баренцева моря. Тогда ему было всего-навсего 22 года.

Его короткой, но яркой жизни, отчаянным и смелым подвигам и посвящена эта книга. Она написана директором Чернушинской средней школы № 9 Равилем Габделхаковым, той самой, в которой обучался летчик-герой и которой присвоено его имя.

Эрнест ЧЕРНЫШЕВ,
редактор книги

Слово - автору

До 1979 года я не знал о Евгении Францеве, ничего не слышал о морской авиации, ставшей для него смыслом жизни. Но потом не раз читал о нем в газетных и журнальных публикациях, изучал его письма, дневники, воспоминания его друзей и родственников. А главное - слушал рассказы его братьев и сестер - живые, наполненные любовью к нему, и мне уже кажется теперь, что я был с ним знаком, наблюдал за ним, хотя и ни разу не разговаривал. Я смотрел в чистые, словно промытые, северные небеса и тяжелые волны Баренца и вспоминал его...

Полвека студеное Баренцево море хранит тайну случившегося с самолетом и его бесстрашным летчиком, отважным экипажем после атаки торпедоносца на немецкий транспорт в Порсангер-фиорде 15 сентября 1944 года в 17 часов 20 минут московского времени...

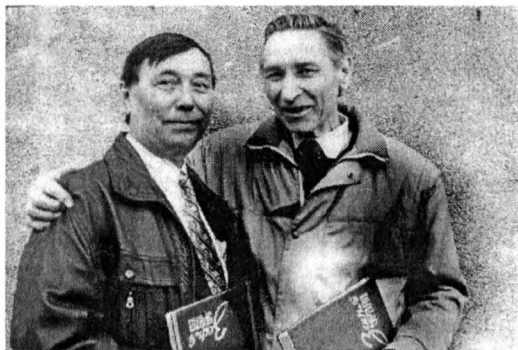
Но память о погибших героях, о Францеве жива. Она уже стала частью истории Великой Отечественной. Родные, близкие, однополчане очень долго ждали Евгения, не верили в то, что он мог покинуть их навсегда. Школа тоже не забывала его: он как бы продолжал находиться в ее классах, присутствовать на уроках...

Размышляя над жизнью Евгения Францева, поражаешься ее цельности, завершенности. Свою цель он определил давно, еще мальчишкой. И достиг ее...

Невольно задумываешься - откуда у него такая устремленность? У обычного, на первый взгляд, мальчишки? У ее истоков - прекрасная русская семья Варвары Васильевны и Ивана Дмитриевича Францевых. Эти простые люди воспитали десять детей, десять достойных граждан нашей страны, среди которых и вырос человек с большой буквы - Францев Евгений Иванович.

Материал о Францеве я собирал 19 лет, видел результаты своего труда и труда большого коллектива учителей и учащихся - открытие памятника, музея, присвоение школе имени Евгения Францева и, наконец, начал работу над книгой.

Много ли мы знаем о наших отцах, дедах и прадедах? Что будут знать о нас наши потомки через пятьдесят, сто и более лет? А ведь у каждого из нас была своя, наполненная событиями-

Эрнест Чернышев и Равиль Габделхаков на омском вокзале.

Павел Андреевич Галкин

ми и чувствами жизнь, отразившая эпоху своего героического народа...

Бесценные свидетельства прошлого - письма, дневники, фотографии, рассказы наших бабушек и дедушек, хранящиеся в домашних архивах, передают из поколения в поколение. Как важно сберечь эти фамильные реликвии, записать воспоминания, которые еще не потеряны безвозвратно.

Каждый из нас может стать собирателем и хранителем таких свидетельств, передать их детям, внукам. Тогда цель нашей жизни, история рода не прервется. Все это очень важно для воссоздания истории народа, истории нашей необъятной России.

Равиль ГАБДЕЛХАКОВ,
директор Чернушинской средней школы № 9
имени летчика-героя Евгения Францева.

Слово - однополчанину

Мне выпало счастье быть в течение года боевым соратником и другом Евгения Францева, быть в составе экипажа его самолета-торпедоносца. В боевых условиях за год совместной жизни узнаешь о человеке очень многое. Для меня Евгений Иванович всегда был живым примером целеустремленности и деятельности. Хотелось бы, чтобы образ героя помогал всем учащимся школы его имени быть достойными высоких нравственных идеалов Евгения, его постоянного стремления к познанию и трудолюбию.

Я часто вспоминаю своего первого командира. Его образ на всю жизнь остался в моей памяти. Я многому у него научился, многое от него перенял. Для меня он был олицетворением всего самого лучшего. Уважал его за принципиальную уставную требовательность, за товарищескую чуткость, за примерность везде и во всем. Евгений Иванович не раз водил нас на сложные боевые задания, которые мы успешно выполняли.

Надеюсь, что эта книга выйдет в свет и сыграет ту роль, которую отводят ей ее издатели и энтузиасты, принимавшие участие в подготовке ее содержания.

В период моего краткого пребывания в Чернушке в 1983 году я видел, с каким трепетом ученики школы и все земляки Евгения Ивановича относятся к минувшим событиям, к людям, причастным к недавней героической истории нашего народа. Благодаря их настойчивости, систематическому поиску и умению изучать различные источники информации, собран разносторонний и богатый материал, который, наверняка, поможет в воспитании молодого поколения, от которого скоро будет зависеть будущее России.

Павел ГАЛКИН,
Герой Советского Союза,
штурман экипажа Евгения Францева.

Тепло семейного очага

Три года мальчонке. Дитя малое, а глаза острые жестковатые, как у батяни, Дмитрия Моисеевича. Тот был крестьянином характера твердого: исконная черта породы Францевых, в ком-нибудь в семье да проявится, видно, передалось и Ивану.

Несмысленный он еще, да, видно по горящим глазам, чует свою беду: круглым сиротой остался...

Посматривают на него сельчане, вздыхают. Куда девать горемычного?

- Отдать в монастырь! - решила община. Так и поступили.

Случилось это в 1890 году. В селе Сиалейский Майдан, которое неподалеку от Саранска. Ныне Красноузенский район Мордовской автономной республики.

Монастырское воспитание известное: в строгости и в труде, учебе грамоте и почитании законов божьих. Особого тепла и ласки Иван там не чувствовал. Зато дух аскетизма усилил главные черты его характера: упорство и трудолюбие, самостоятельность и любознательность. Последнее развило тягу и к знаниям, он пристрастился к книгам и пронес это увлечение через всю жизнь. Любимые его писатели Некрасов, Пушкин, Лермонтов.

Когда исполнилось Ивану Францеву 12 лет, покинул он монастырь, где его и не задерживали, ибо видели в нем не слугу божьего, а непримиримого атеиста, и вступил в самостоятельную рабочую жизнь на разъезде Золотковский. Это в настоящее время юг Нижегородской области, в сотне километров по железной дороге от Арзамаса в сторону Саранска. Поначалу был ремонтным рабочим, потом весовщиком. Делового, сообразительного парнишку приметили, и вот он уже дежурный по станции, а затем - начальник станции.

Пришлось и в царской армии послужить, в 1914 году демобилизовался в чине писаря и вернулся работать на старое место. Грянула империалистическая война, однако Иван в сражения не попал: с железки на фронт не брали. Прошла мимо него и рево-

люция, и гражданская война. Иван добросовестно выполнял свои обязанности железнодорожника на маленькой станции, пламя классовых схваток ее не опаляло.

Наступило мирное время. Работа у Ивана спорилась и постепенно он, как говорится, встал на ноги. Можно теперь семьей обзаводиться, да и возраст подошел. В жены выбрал себе девушку под стать - из крестьянской многодетной семьи, приученную к любому труду, Варвару Васильевну. Была она на два года моложе Ивана. Любимая и милая для него, для детей; для всех людей - добрая, открытая, да к тому же - лучшая в селе певунья.

Судьбой создана была Варвара стать истинной хранительницей домашнего очага и душевной хозяйкой большой семьи. Всей ее жизнью были дети. Первой родилась дочь, назвали Марией. За ней - Александра, потом Юлия, Людмила. Наконец, появился на свет и сынок, дали имя Николай. И теперь уже Варвара Васильевна дарила мужу сыновей. Вторым был Евгений. Затем Володя, и самый младший Слава. Затем родились еще две дочери. Вот и стало в семье десять детей!

Все они были крепышами, к работе отец приучал их жестко. Спуску не давал. Впрочем, в них самих витал дух занятости делом, учебой, чтением. Все это шло от атмосферы, которую создавали родители. Богато одаренные всесторонне, они гармонично дополняли друг друга в отношении к детям.

- Отец был человеком довольно суровым и строгим, - вспоминает Вячеслав Иванович. - А мама наоборот - удивительно мягким. Единственно - где она проявляла жесткую требовательность - отношение к учебе. И наши школьные неудачи переживала острее любых других.

Однако за видимой суровостью Ивана Дмитриевича скрывалась заботливость и справедливость. Хотя внешне он молчаливый и строгий. Даже смеялся редко. Все, что ни делал, считалось правильным. Поэтому дети даже не смели жаловаться маме. Наказывал провинившихся Иван Дмитриевич, в основном, психологически. Бывало, вызовет к большому столу проказника и с такой интонацией произнесет полное его имя (к примеру "Николай!"), что у того чуть не мурашки по спине. И стоит бедняга, опустив голову. Но рукоприкладство Иван Дмитриевич не позволял. Иногда уж так, "по шапке", когда совсем выведут из себя.

Жизнь его семье выпала кочевая. Работая на железной дороге, Иван Дмитриевич почти каждые три-четыре года, как тогда было принято, переводился с места на место. Первые годы прошли на Золотковском разъезде близ Муром. Здесь уже шестым

ребенком и родился 8 марта 1922 года Евгений.

На разъезде было всего несколько домиков. Ребята постарше большее время года жили в интернате школы, где учились: она была на станции почти в сотне километров от дома. Однако на выходные дни школьники приезжали. Иван Дмитриевич одно время работал билетным ревизором и упаси бог попасться ему без билета. А что греха таить, ребята нередко так и ездили в проходящих поездах.

- Ваш билет? - сурово спрашивал отец и свое же дитя высаживал из вагона вместе с другими безбилетниками. А потом еще дома отчитывал:

- Это где видано! Сын железнодорожника ездит зайцем!

Дома ребят обычно ожидало много работы. Семья, по сути дела, содержалась натуральным хозяйством. Был огород, держали корову, пару овец. Зарплату отца тратили на самое необходимое. Сказывалась рачительность, хозяйственность Варвары Васильевны.

- Трудно себе представить, как мама все успевала, - вспоминал Вячеслав Иванович. - Всех накормить, обстирать, обшить. Старое отцовское обмундирование, которое выдавалось на железной дороге, она перелицовывала на всех братьев по очереди.

Дома у каждого из детей были неписанные обязанности. У девочек - помогать маме. Она рано научила их шить. У мальчишек - пилить и колоть дрова, носить воду; у самых маленьких - собирать грибы и ягоды. Случалось - и рыбу ловили.

Только вот заработки легкие, "неправедные", как их определял отец, не только не поощрялись, за них даже наказывали. Один из мальчиков где-то подобрал "плохо лежащие" две пустые бутылки, сдал их и принес 40 копеек. Отец жестко отчитал его, даже шлепнул и велел эти 40 копеек отнести сторожу заведения, у которого "плохо лежали" бутылки. Вот после этого дети четко уразумели слова отца: от худа добра не бывает.

Мама же истину вносила в детское сознание другим путем: нежностью и добротой. От строгости отца дети - к ней, вроде, как под крылышко. Поворкует с ними, тоже самое, что и отец

Иван Дмитриевич Францев

скажет, только другими словами и другим тоном. Единодушны родители были почти во всем, особенно в воспитании честности. Как бы ни провинился, честно сознайся и тогда попадет меньше, чем если соврешь, а потом все узнается. Так и случилось однажды: Варвара Васильевна пару раз хлестнула Володю бельевой веревкой, когда нашла у него в кармане 20 копеек, от которых он отпирался.

Светлая березка детства

С Золотковского разъезда Ивана Дмитриевича перевели на станцию Муром, где семья поселилась в домике на опушке большого леса. Здесь к маленькому Жене пришли незабываемые впечатления: в памяти навечно остались извилистые тропинки меж могучих сосен и буйных зарослей трав; на яркой цветами поляне полуразвалившаяся церковь с березкой, выросшей из расщелины в стене; тихие улицы древнего городка; утопающие в садах дома, с причудливой старинной резьбой.

Мимо них стал ежедневно проходить Женя, когда поступил в первый класс железнодорожной школы. А проучившись четыре года, мальчик попрощался с учителями и товарищами: в 1934 году отца вновь направили на другую станцию, в Шумерлю. Так что учиться в пятый класс Женя пошел в новой школе. Освоился с обстановкой, познакомился с товарищами по классу, с мальчишками - соседями по улице довольно быстро. Однако уже сказывался своеобразный характер Жени. Скромный, сдержанный, но с неумным устремлением к новому, интересному, пытающийся всегда поступать правильно и справедливо, он и товарищей находил такого же склада. Не любил ребят шумливых, пустословов, задиристых. Нередко проявлялась необычная для его возраста серьезность; выделялся среди сверстников Женя и аккуратностью.

Именно здесь в Шумерле, в годы отрочества, складывается характер Жени, его взгляды на жизнь, его убеждения, увлечения, привычки. Интерес к познанию невольно вызывает стремление больше и больше читать, глубже вникать во все, что изучается в школе. К тому же отец и мать фанатично убеждены в

*Хранительница домашнего очага
Францевых - Варвара Васильевна.*

*Глава семьи -
Иван Дмитриевич.*

том, что учеба для детей - святое дело. И идут на все, чтобы создать им нормальные условия для занятий.

Жить на одну зарплату сложно. Спасает хозяйское, экономное отношение ко всему Варвары Васильевны. Она даже умудряется отцовскую форменную одежду железнодорожника, когда он ее сносит, перелицевать на старшего сына - Николая. Он вырастет из нее, перекраивает на Женю. С Жени - на Володю, а с того - на Славу.

Но несмотря ни на что в доме постоянно появлялись новые книги. На какие деньги покупал их отец - никто не знал. Но принимали как должное и сочинения классиков, и литературу по истории, которую Иван Дмитриевич очень любил и хорошо знал. И сердился, стыдил детей, если они слабо представляли исторические события, путали даты, не знали имен знаменитостей прошлого.

У самого же - великолепная память. После ужина посадит всех возле печки и читает почти наизусть что-нибудь из классики. Или заведет речь о музыке, перескажет содержание какой-нибудь оперы. Он их много знал. Опять загадка: откуда? Радио-то в доме не было.

А в другой раз детям командует: "Берите бумагу и ручки. Будем писать диктант!". На ошибки хмурил брови: как это школьнику не знать родного русского языка! Не терпел в речи косноязычия, упрощенчества, типа "бушмаки", "Ну дых что" и тому

Фотография из семейного альбома Францевых. На этом редком снимке (больше ни разу не пришлось сфотографироваться всем вместе) мать, отец, старшая дочь Мария с мужем и все остальные ребятишки. Евгений сидит на земле, крайний справа.

подобного, и если слышал от своих что-либо в этом роде, ругал нещадно.

Но вот отец в хорошем настроении, и хотя, бывало, сильно устанет на работе, вечером, возьмет и придумает что-нибудь интересное. Затейник был необыкновенный. Особенно в праздники. Устраивались елки и игры, представления. Иван Дмитриевич был их душой: играл на гитаре, мандолине, даже скрипке, пел. И вместе с ним все пели, танцевали. Лучших “артистов” отец брал в клуб железнодорожников выступать в концертах и спектаклях.

Нередко после трудов праведных и когда уроки уже выучены, отец и ребята садились играть в шахматы или шашки. Особенно ими увлекались Женя и Николай. А вот карт в доме сроду не было. Отец видеть их не мог. Так же как не признавал в доме семечки, детей с рогатками, пистолетами. А его слово было законом. И воспринималось это всеми естественно, без всяких сомнений, ибо, если по большому счету, - отец всегда оказывал-

ся правым, и в принципе он был очень человечным.

С младшим сыном, Славой случилось несчастье, когда ему было три года: поскользнувшись, упал и сломал бедренную кость. Возникла контрактура мышц. В Муромской больнице ему делали операцию. Нужны были лекарственные препараты, которых в больнице не нашлось. Иван Дмитриевич с ног сбился, весь Муром обегал и все-таки раздобыл препарат. Однако аптекарь оказался хапугой и помимо денег пришлось дать бутылку водки. За такую же цену отец приобрел и другие лекарства.

Но полностью вылечить ногу Славы удалось нескоро. До одиннадцати лет мальчик ходил в специальном корсете. Он лечился в больницах, был в санаториях, и, будучи школьником, упорно учился, зачастую самостоятельно, по учебникам. На удачу чаще всего ему встречались заботливые, душевные люди. Они отложили в сознании Славы стремление к доброте и участию. И когда он сам стал на стезю врачевания, его непреложным правилом стало условие: как бы ни была скромна плата за его труд исцелителя - лечить, прилагая все силы и знания.

За год до отъезда из Мурома семье пришлось пережить очень тяжелое время. В один из периодов сложной обстановки на железной дороге (это было в 1934 году) Иван Дмитриевич, служивший тогда заместителем начальника станции, составил неправильную сводку погрузки. Из-за чего была допущена ошибка, он и сам понять не мог. Но наказание пришлось отбывать - несколько месяцев принудительных работ. После этого судимость сняли. А вообще же, слава богу, никакие репрессии семьи Францевых не коснулись.

Бурное развитие страны, гигантские стройки, глубинные социальные преобразования создавали атмосферу подъема и всеобщего энтузиазма в работе, учебе, творчестве у подавляющего большинства людей и, конечно же, особенно у молодежи.

Юный Евгений увлекается многими делами. Он готов отдаться самой дерзкой мечте - отрочество, период неудержимых устремлений, время светлых грез и прекрасных порывов. Однако Женя не был беспочвенным в желаниях, его намерения всегда реальны и разумны.

Читать, познавать, учиться - сознание этого все четче и яснее становилось для мальчика как-раз в годы жизни в Шумерле. Тогда он открывал для себя много нового и интересного. Больше всего времени отдавал учебе, над учебниками и тетрадями просиживал подолгу; стремился познавать предмет глубоко, основательно. Сердился, если мешали, отвлекали, не терпел, когда не

Женя - ученик 7 класса.

давали сосредоточиться. Безо всякого прогонял от себя малышей. А настроившись, с упоением разбирал сложные задания, особенно по физике, алгебре, геометрии. Иногда так увлекался, что решал задачу разными способами и с удовлетворением добивался одного ответа.

Выполнив заданное в школе, подбирал и читал дополнительную литературу, которая углубляла, расширяла знания по предмету. Хотелось познать больше других, шире, чем в учебниках. Братьям и сестрам не приходило в голову спрашивать, что Женя читает, думали, - читает что-то особенное. Настолько он казался взрослым. Его часто видели уединившимся, склоненным над книгой, хотя в этой большой семье и всегда небольшой квар-

тире трудно было найти какое-нибудь укромное местечко. Отдельного стола для занятий не было. Все готовили уроки за большим обеденным столом. Где уж тут найдешь тихий уголок! Но Женя ухитрялся, читал вечерами и даже ночами, прикрыв чем-нибудь поставленную рядом керосиновую лампу или свечу.

Как раз в Шумерлинской школе Женя стал выделяться в учебе, здесь получает первые похвальные листы, здесь активно участвует в общественных делах, становится энергичным пионерским вожаком. Его энтузиазм и отличная учеба были отмечены путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь "Артек". Побывал Женя в нем летом 1937 года, после окончания 7 класса.

- Годы моей учебы в Шумерлинской школе были самым лучшим временем детства, - вспоминал потом Евгений.

Евгений с товарищем.

Здесь выработались высоконравственные особенности характера, определились его черты, хорошие привычки. Например, заметная аккуратность. Она проявлялась во всем: в учебе, любом деле, отношении к людям. Женя никогда не шел в школу в невыглаженных рубашке и

брюках (причем это проявилось у него с раннего детства), а уж тем более с грязным или помятым пионерским галстуком.

Личные вещи никогда не разбрасывал, для них существовал свой уголок. Учебники и школьные принадлежности хранил в отдельном ящичке общего домашнего шкафа и непременно закрывал его на ключ, чтоб малыши не “залазили”. В ящике царил полный порядок, все стояло и лежало “по ранжиру”: отдельными стопками книги и тетради; по своим местам чернила, ручки, карандаши, перья, линейки, угольники, готовальня. Все - стройными рядами.

Сестры и братья даже завидовали такому порядку, тем более, что у них, как бы они ни желали, так не получалось. А у Жени выходило вроде само-собой. Хотя он вечно чем-то занимался. Его никогда не видели скучающим, изнывающим от безделья. Наоборот, этому парню не хватало времени. Особенно, когда повзрослел. Удивляться, впрочем не стоило: в период возмужания ум юноши впитывал все окружающее, словно губка, а глубина восприятия, тонкость чувств делали для него интересным очень многое из того, что видел, слышал, читал.

Даже домашние дела (в семье, как уже отмечалось, у всех имелись обязанности) Женя выполнял со своим особым интересом - быстро, ловко, энергично. И не как попало, а тщательно, аккуратно. Особенно, если об этом просила мама. Ведь он очень любил ее и уважал.

Однажды летом, после окончания 6 класса, Женя заинтересовался моделированием самолетов-планеров. Трудно сказать, с чего все началось: увлечение моделированием переросло в мечту стать летчиком, или, наоборот, “летная мечта” потянула к занятиям с моделями. “Но, вспоминая Женю в детстве, - рассказы-

Евгений в доме отдыха Васильево. Поощрен путевкой за отличную учебу.

вает его сестра Тамара Ивановна, - неизменно вижу его увлеченного работой с моделями: он нарезает и клеит папиросную бумагу, раскалывает бамбуковые палки, вырезает детали, греет их на огне свечи, гнет, затем собирает крылья, хвост, все части модели. Это было очень интересно. Однако малыши не смели мешать, следили со стороны."

Модель изготавливалась несколько дней. И вот она создана. Наступал торжественный момент пуска ее в небо. Женя выходил на улицу, сопровождаемый оравой братьев, сестер и соседских ребятшек. Затаив дыхание, все ожидали чуда. И оно свершалось, планер взмывал вверх. Все кричали, хлопали в ладоши, прыгали от восторга, гурьбой бежали за планером и очень гордились своим братом - "гениальным" конструктором.

Впрочем, конструкторские способности Жени проявились и в том, что он смастерил коляску-автомобиль для младшего брата, Славы, который не мог ходить из-за травмы ноги, а время подошло учиться. Женя сделал ему коляску типа ручной и братишка ездил в ней в школу, везде катался, что явилось сенсацией для всех ребят улицы.

Любил Женя и поиграть в шахматы. Сразиться с ним за доской обычно садился старший брат Николай. Иной раз, увлекаясь, они забывали о времени и играли несколько часов.

Вообще в доме всегда были такие игры как шахматы, шашки, домино. В них с удовольствием играли и родители, и дети. А Евгений к шахматам питал особую страсть, когда проигрывал, довольно бурно проявлял свою досаду и стремился непременно взять реванш. Тем более, всегда участвовал в различных соревнованиях, особенно в школе, и считался сильным соперником.

Спорт, физкультура в те предвоенные годы являлись увлечением номер один в школах, учебных заведениях, на предприятиях. Молодежь тянулась к физкультурным занятиям всей душой. Всюду витала атмосфера прекрасного лозунга: "В здоровом теле - здоровый дух!" Главной целью были не рекорды, а

массовость: коллективные выступления, различные соревнования, спортивные праздники, походы, марши.

Евгений в этих занятиях был особенно активным, зачастую заводилкой. К тому же в марте 1938 года, когда завершал учебу в 8 классе, он вступил в комсомол, и одним из комсомольских заданий было поручение, считавшееся очень серьезным - организовать и проводить физкультурно-спортивные мероприятия. Помимо моделирования и шахмат он увлекался волейболом, лыжами и ... борьбой с братом Колей.

Как вспоминает Тамара Ивановна, нередко братья устраивали борцовские схватки. "То ли это была своеобразная тренировка перед соревнованиями по волейболу и футболу (Николай увлекался футболом), то ли проверка сил друг друга, но боролись они серьезно. Женя сильно напрягался, видимо, ему очень хотелось победить брата, но тот оказывался сильнее: все-таки на три года старше."

Летом 1938 года отца вновь переводят на другое место работы - станцию Сергач. Хлопоты переезда: новая квартира, новые заботы, среди которых устройство детей в незнакомую школу - далеко не из простых. Но родители об этом уже не беспокоились. Евгений, серьезный, даже чуть важный, сам выполняет это дело. Относит документы, знакомится с учителями, а когда начинаются занятия, ведет своих младших братьев Володю и Славу и сестру Тamarу в школу. Самая маленькая - Наташа, еще "под стол пешком ходила".

Сам Евгений пошел в 9 класс. Судя по школьной характеристике, выданной ему через несколько месяцев, когда семье Францевых пришлось вновь переезжать на другую станцию, в Сергаче в жизнь класса и школы он вошел быстро, уверенно освоился и проявил себя с лучшей стороны. Однако неожиданный новый перевод отца внес очередные расставания... Теперь путь семьи лежал на станцию Чернушка, где судьба уготовила Францевым самую долгую жизнь.

Клятва юности.

Завуч Чернушинской железнодорожной школы № 9 Василий Харитонович Харитонов с интересом читал характеристику Евгения Францева, выданную Сергачской школой. В голове преподавателя невольно возникали сомнения - не слишком ли высоко оцениваются достоинства этого парня? Упорный в учебе, примерный комсомолец, хороший общественник. Не преувеличено ли? Василий Харитонович даже усмехнулся: общие фразы. А ему, классному руководителю, хотелось бы поглубже и конкретнее узнать эти "исключительные" достоинства новичка.

Правда, на вид он сразу понравился. Высокого роста, атлетического сложения. Глаза ясные, взгляд уверенный, но спокойный и доброжелательный. В разговоре тактичный, вежливый.

"Что ж, это располагает. Однако, однако, - повторяет про себя Василий Харитонович и решает: - Схожу-ка я к его родителям. Познакомлюсь с семьей, увижу их жизнь. И станет яснее."

... Иван Дмитриевич и Варвара Васильевна встретили классного руководителя с почтением и доброжелательно. Угостили чаем, разговорились откровенно.

- Об его учебе мы давно не беспокоимся, - махнул рукой Иван Дмитриевич. - Да и о младших тоже.

- Женя о них заботится не меньше нашего, - вставила слово Варвара Васильевна. - Сам никогда не опаздывает на уроки и им не позволяет. Пусть даже времени в обрез, вперед не убежит, а возьмет за руку, кому тоже в эту смену, и скоренько за собой. Ни за что не даст опоздать.

- А как заботится о младшем, Славе, - добавляет Иван Дмитриевич. - Слава-то у нас на костылях, нога больная, когда большой снег, ходить ему трудно. Тогда Женя в школу на саночках его везет.

- И уроки помогает учить, - вновь вступает в разговор Варвара Васильевна. - Все объясняет, объясняет, как что там решать. И ждет когда поймут. Откуда только терпение?

- Так и нужно, - твердо заявляет Иван Дмитриевич. - Добива-

ется, чтобы суть поняли, а потом решали. А вот немецкий язык осваивают совместно, даже экзаменуют друг друга.

- Евгений у вас старший? - спрашивает гость.

- Нет, - улыбается Иван Дмитриевич. - Старшая у нас Мария. Школу давно закончила, работала на заводе, сейчас в педагогическом институте. Вторая - Александра. Третья - Юлия. Учится на зоотехника в Москве в Тимирязевской академии. И четвертое дите - дочка, Людмила. Она тоже пожелала стать учительницей и поступила в Калининский пединститут.

- Уехала и без нее в доме тише и как-то грустнее стало, - вздохнула Варвара Васильевна. - Ведь Людочка у нас страсть какая веселая и бойкая. Ее и прозвали пионервожатой. Заводила во всем: и спеть, и сплясать первая.

- И спортсменка, - поддакнул Иван Дмитриевич и, подболевшись, продолжал. - А вот пятый у нас - уже мужчина, Николай. Хорошо закончил школу, уехал учиться в институт Цветных металлов и золота. Два года отлично учился. И вдруг - на тебе! По призыву комсомола принял решение пойти на флот - недавно по специальному набору послан в Ленинградское Высшее военно-морское училище имени Фрунзе.

С интересом слушал Харитонов рассказы родителей своего нового ученика, а потом поинтересовался их младшим сыном, Славой. Как же он учится с такой физической травмой.

- На отлично! - не без гордости отвечал Иван Дмитриевич. - Парнишка тоже не плох. Это ведь он выучил грамоте свою маму. - Он с улыбкой посмотрел на Варвару Васильевну. - Выполнил пионерское поручение, занялся "ликбезом" - ликвидацией безграмотности почтенных по возрасту граждан, в том числе и своей родной мамы.

Помолчав, усмехнулся.

- То-то его прозвали "профессором".

... Евгений с первых дней держался в классе просто и дружелюбно, с обычным серьезным отношением к учебе и комсомольским делам, общественным и спортивным занятиям. И сразу завоевал авторитет у одноклассников. Не только потому, что сам учился на отлично, глубоко вникал в предмет, но и от того, что неустанно помогал товарищам. Бывало, зайдет их классный руководитель в общежитие-интернат школы, которое он посещал ежедневно как завуч, а там - Евгений.

Объясняет ребятам решение задач по алгебре, физике, помогает изучать немецкий язык. Склонились над столом, спокойно рассуждают. А в другой раз - разговор громкий, спорят, шумят.

Что такое? Оказывается, развели дискуссию по какому-нибудь классическому роману или обсуждают события в стране, за рубежом.

Вспоминает одноклассник Евгения Василий Филиппов.

- В Чернушинскую школу я пришел из сельской. Вначале учиться было трудно, мои знания оказались значительно ниже, чем у моих новых товарищей. По национальности я чуваш и прежде посещал марийскую школу, русский язык знал плоховато.

В новой школе ко мне отнеслись с большим участием. Стали помогать в учебе. Особенно старался Женя Францев. В классе он был самым сильным, охотно помогал товарищам. Разъяснял, растолковывал и добивался, чтобы его подопечный во всем разобрался. К выпускным экзаменам по физике и математике я готовился с ним. Уходили к реке Танып на целый день и там занимались. Очень помог мне Женя. У нас была хорошая дружба. Продолжалась она и после того, как в 1940 году ребята и девочки нашего класса проводили меня в Красную Армию: с Женей обменивались письмами до 1944 года, когда в июне пришла от него последняя весточка...

Позади девятый класс. Пролетели и летние каникулы, полные интересных занятий, спортивных соревнований, походов, музыкальных вечеров. В 10 класс ребята и девушки пришли повзрослевшими, даже более солидными.

Евгений заметно выделяется и на комсомольском собрании его избирают комсоргом 10 класса, а затем, на районной конференции, членом райкома ВЛКСМ. Школьная же организация комсомола доверяет ему работу заместителя секретаря.

Ощущение ответственности, важности возложенного, шло в унисон с устремлениями и мечтами юноши, и Евгений как бы получает от этого дополнительный импульс к своей целеустремленности и энергии. "Во всем должен быть примером; во всех делах, больших и малых - впереди", - пишет он в дневнике. И, как говорится, из всех сил стремился к этому.

Безграничное увлечение юности нередко озарено видением только главного и почти не мирится с послаблением, даже если оно жизненно естественное, а то и необходимое. У Евгения это проявлялось. Он довольно резко "критиковал" тех комсомольцев, которые учились неровно или без особого усердия выполняли общественные поручения.

Не пожалел даже брата Володю. Тот подал заявление о вступлении в комсомол. На заседании комитета ВЛКСМ школы все

проголосовали “за”, а вот Евгений “против”. Почему?

- Да потому, что я знаю Володю лучше всех и считаю: он еще не готов к такому серьезному шагу. - отвечал Евгений.

Сознание особой ответственности комсомольского вожака в Евгении проявлялась и в покровительственном отношении к младшим. Впрочем, так вели себя многие его сверстники. Семьи, в основном, были многодетные.

“Пятый класс, в котором я училась, - вспоминает Тамара Ивановна, - занимался в первую смену, а во вторую, в этом же помещении, - 10 класс, в котором учился Женя. Когда приходили десятиклассники, мы, малыши, еще собирали учебные принадлежности. Старшие нас не торопили, поджидали, когда все сложим в портфели. Вели себя спокойно, по-взрослому разговаривали с нами, спрашивали об учебе, пионерских делах, давали советы. Потом даже взяли шефство (правда, этот термин тогда не применялся) над нами: обучали в кружках ПВХО и ГСО (“Противовоздушная и химическая оборона” и “Готов к санитарной обороне”). И что особенно нам нравилось - приглашали на школьные вечера старшеклассников. Мы, очень довольные таким вниманием и великодушием, держались тихо, скромно, во все глаза наблюдали за поведением старших, их манерами: как они разговаривают со сверстниками, как танцуют. Одним словом, учились тому, чего в то время не писали в книгах и учебниках. По прошествии многих лет мне кажется, что большая заслуга в этой невидимой, ненавязчивой воспитательной работе была именно моего брата Жени. Ведь он был не только активным участником этих вечеров, но и главным организатором”.

Боевым организатором становился Женя при необходимости оказать помощь путейцам. На снегоборьбу выходили все учащиеся школы. Комсомольские вожаки выдвигали лозунг: все средства, заработанные на уборке снега - на оборудование физико-математического и химического кабинета. Существующий до этого - был бедным. А за две зимы школьники заработали столько денег, что на них закупили оборудование, превратившее кабинет в образцовый: по оснащенности он занял второе место среди школ Казанской железной дороги.

Каждый день у Евгения заполнен до предела. С утра домашние дела, уроки, после обеда - школа. Вечером - общественные занятия. В них он внес и давнишнюю семейную увлеченность самодеятельным искусством.

В школе действовали хоровой и драматический кружки. Евгений с удовольствием занимался в них. В праздники, иногда по

воскресеньям, хористы спешили в большое деревянное здание, что стояло неподалеку от школы - районный Дом культуры. Выступали с концертами. Играл и духовой оркестр. По выходным под его музыку устраивались танцы.

Надо сказать, что руководил оркестром на общественных началах одноклассник Евгения Юрий Баландин. Одаренный музыкальными способностями, он был душой оркестра и заводилой вечеров и концертов. Играл на многих инструментах: трубе, альте, баритоне. Десятиклассники считали оркестр своим. Ведь в нем играл еще один из них - Игорь Гурин, который был хорошим баянистом. Он же аккомпанировал школьному хору.

В хоре Евгений Францев чувствовал себя рядовым исполнителем, а вот в драмкружке - тут уж он выделялся. С восторгом воспринял предложение руководителя кружка, учительницы по литературе Полеско поставить любительский спектакль о пограничниках Дальнего Востока. Пьеса называлась "Падь серебряная".

- В ней очень интересен главный герой - полковник Красной Армии, - добавила учительница.

- Роль интересная, но сложная, - согласился Евгений. - Как вы думаете, Олимпиада Ивановна, кто бы мог ее сыграть?

- Думаю, что у тебя она получится лучше всех, - улыбаясь, отвечала руководитель кружка.

Так и решили. Готовили кружковцы постановку вдохновенно, учили роли, анализируя и критикуя друг друга, подбирали костюмы, мастерили декорации. Самыми деятельными помощниками режиссера - Олимпиады Ивановны Полеско были Евгений Францев и секретарь комсомольской организации школы Екатерина Мартазова. Она, правда, не играла в спектакле, но была, как и Евгений, помощником режиссера.

Роли исполняли, в основном, их одноклассники: Михаил Глухов, Дмитрий Чертаков, Алексей Цапкин, Геннадий Швецов, а друг Евгения - Василий Филиппов играл сержанта-пограничника.

В день премьеры все страшно волновались. Шутка ли, спектакль будет смотреть вся Чернушка! И в самом деле, зал был полон. Занавес раздвинулся и глаза зрителей обратились на сцену...

Вначале юные артисты были скованы, чуть ли не путались, но вскоре разыгрались, особенно Евгений. Он самозабвенно вошел в роль патриота-командира и даже не столько был "артистом", сколько естественно выражал свою увлеченность высоки-

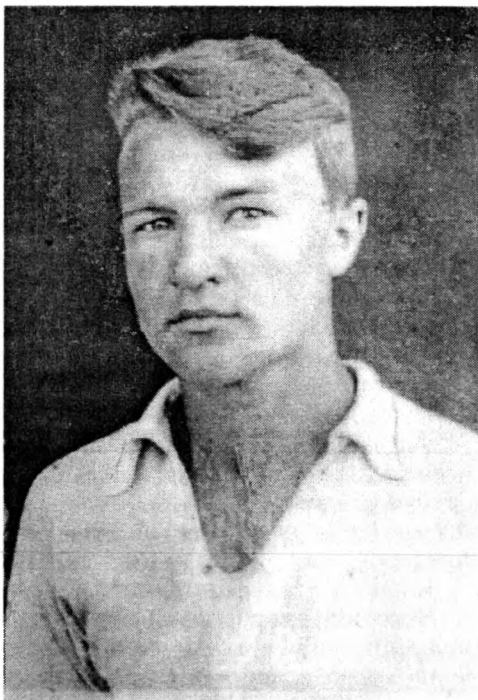
ми идеями защитника Родины. И здесь, в любительском спектакле, на скромной сцене районного Дома культуры, пусть с наивным пафосом, но искренне, от души, твердо и непоколебимо прозвучала клятва будущего героя России.

... Зал был полон аплодисментов.

Успех окрылил самодельных артистов. И они надумали поставить спектакль по классическому произведению. Выбор пал на поэму М. Лермонтова "Песня про царя Ивана Васильевича и купца Калашникова". Конечно же роль богатыря-купца была поручена Евгению. Внешность его, как нельзя более подходила к облику русского молодца эпохи Ивана Грозного.

"Я с нетерпением ждала спектакль, - вспоминает Наталья Ивановна, сестра Евгения. - Наконец, этот вечер настал. Смотрю на сцену, вижу купца Калашникова, как настоящего, и не узнаю в нем Евгения. Вылитый торговый гость старорусских времен. Только характерные нотки голоса выдавали в нем родного брата."

Главным героем любовались многие, в том числе и Вера Плеханова. Она за год до этого закончила 10 класс, но осталась в школе пионервожатой. Возможно, Евгений знал ее, но, как говорится, его сердце ждало своего часа. И вот однажды их глаза встретились: приятное, томное чувство разлилось в сознании и душе каждого. "Увиделись - и словно биополе между нами возникло, - вспоминала потом Вера Васильевна. - Никаких слов о

Евгению - восемнадцать лет.

любви, однако, не произносили. Просто старались побольше находиться вместе.”

Как оценить эти отношения юных сердец? Конечно же - сдержанностью чувств, воспитанных целомудренной этикой строгой комсомольской атмосферы того времени, верными и послушными детьми которой были многие молодые энтузиасты построения социалистического общества. Тогда даже слово “любить” заменяло слово “дружить”.

А Евгений ведь уже дружил. С одноклассницей Катей Мартазовой. О том, как началась эта дружба, Евгений вспоминает впоследствии в одном из своих писем.

“Хорошо помню тот день, когда мы с Колей шли полями, без дорог в Брод на пионерский костер, где ты была пионервожатой. Там, вечером, Коля познакомил меня с тобой. Особенно помню тот день, когда пошел с Милой в Дом культуры и я пригласил тебя танцевать. Как смущался потом, что плохо танцую и многие смотрят на неуклюжего новенького. В общем чувствовал себя неловко. После этого я долго не решался танцевать...”

Однако дружба с Катей Мартазовой завязалась. Впрочем, в самом деле, они только дружили в истинном смысле этого слова. У Кати был патефон - большая редкость в то время - одноклассники нередко собирались у нее. В общей компании бывала и Вера, приглашала всех, в том числе Катю и к себе в гости, в деревню неподалеку, где жила. Все держались друг с другом просто и искренне.

Вот как рассказывала впоследствии обо всем этом Вера Плеханова. Вспоминая Евгения той поры, она видит его высоким и стройным; с голубыми глазами, которые иногда кажутся серыми; со светлыми, слегка вьющимися волосами; прямым носом, приятной застенчивой улыбкой.

Одевался Евгений скромно, но всегда и во всем был аккуратен. Доброжелательный, приветливый, он быстро сблизился с одноклассниками, а потом вошел в ряд активистов школы. Стал председателем совета дружины и членом комитета ВЛКСМ. Увлекался занятиями в драмкружке.

Учился Женя только на “отлично”. Любил математику, историю, литературу, особенно стихи. Читал исключительно много. И охотно помогал в учебе товарищам. Ему нравилось объяснять ребятам решение сложных задач, формул, теорем. Но когда его хвалили или ставили в пример за хорошую учебу - смущался, отмахивался: мол, не за что его превозносить, так как хорошо учиться - обязанность каждого школьника.

Выпускники 10 класса железнодорожной школы станции Чернушка. 1940 год. Евгений - в центре верхнего ряда.

И вместе с тем был снисходителен к слабым, не высмеивал их, не оскорблял, не обижал, а вот помощь мог оказать любому.

Как Евгений относился к девушкам? Вера рассказывает об этом хотя и сдержанно, но тепло и откровенно. Сердечные увлечения как Евгения, так и свои, затушевывает понятием дружбы. О любви не произносилось ни слова, лишь осторожно говорилось, что человек нравится.

“Одноклассницей Жени была Катя Мартазова, - рассказывает Вера. - Скромная, симпатичная девушка. Женя ей нравился с первого дня приезда. У меня с Катей были дружеские отношения. И вот вскоре мы с ней, а так же Женя и его товарищ, одноклассник Миша Глухов образовали тесную компанию. Постоянно встречались в школе, по общественным и комсомольским делам.

Иногда Катя приглашала нас к себе в гости. У нее был патефон. Мы заводили его, танцевали. Я учила Женю танцевать, а Катя - Мишу. Обстановка всегда была веселая, непринужденная. Мы чувствовали себя свободно. Женя становился более откровенным и душевным в чувствах к нам, в проявлении своих увлечений поэзией, романтикой. С жаром читал стихи, больше Лермонтова, шутил, рассуждал обо всем, что его волновало. Много находило отклик в моем сознании и мы с Женей невольно чувствовали все большую общность взглядов и интересов. Не

знаю, как получилось, но через некоторое время мы уже чувствовали тягу друг к другу. И хотя у меня к обоим мальчикам Жене и Мише - были самые добрые отношения, я уловила, что к Евгению моя душа лежит по-особому. Да и он был ко мне неравнодушен, хотя никаких объяснений в любви не было.

Только однажды, после того, как я 10 дней не была в школе из-за болезни, Женя, встретив меня, серьезно произнес: я получил по истории "четверку". Потому что ничто в голову не шло, все думал о тебе. Да и вообще, тогда на переменах он все-время стремился встретиться со мной, находил какие-то общие дела, всегда улыбался и откровенно сожалел, когда раздавался звонок.

Стали встречаться мы не только в компаниях, но и вдвоем. Особенно нравилось кататься на лыжах по лесным дорожкам. Даже нашли две любимые березки. К одной становился Женя, к другой - я. Мы называли эти березки своими друзьями и даже разговаривали с ними. Это время было самое счастливое в наших отношениях.

Иногда я приглашала Женю и Катю с Мишей к себе домой, в деревню Б. Березник. Я с родителями жила там на квартире, занимали мы небольшую комнатку. Она была вся в цветах, разводили которые мои родители. Женя всегда восхищался и любовался цветами.

Мои гости пили чай с печеньем. Это было единственным угощением. О вине и курении никто и понятия не имел."

Наступило лето 1940 года. Для Евгения и его одноклассников пришла пора знаменательная, торжественная и немного грустная. Закончена учеба в 10 классе, хорошо сданы выпускные экзамены: из 26 учащихся семеро получили аттестат отличника. И у всех впереди теперь разные жизненные дороги.

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Францеву
Евгению Ивановичу, РОДИВШЕМУСЯ В 1922 ГОДУ,
В ТОМ, ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В Чернышевской Д. СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ № 9 ст. Чернышевской Казанской ж.д. дор.
Молотовской области, ОКОНЧИЛ
ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ПРИ отличном
ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	<u>отлично</u>
ПО ЛИТЕРАТУРЕ	<u>отлично</u>
ПО АРИФМЕТИКЕ	<u>отлично</u>
ПО АЛГЕБРЕ	<u>отлично</u>
ПО ГЕОМЕТРИИ	<u>отлично</u>
ПО ТРИГОНОМЕТРИИ	<u>отлично</u>
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	<u>отлично</u>
ПО ИСТОРИИ	<u>отлично</u>
ПО КОНСТИТУЦИИ СССР	<u>отлично</u>
ПО ГЕОГРАФИИ	<u>отлично</u>
ПО ФИЗИКЕ	<u>отлично</u>
ПО ХИМИИ	<u>отлично</u>
ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ	<u>отлично</u>
ПО АСТРОНОМИИ	<u>отлично</u>
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (<u>франц.</u>)	<u>отлично</u>
ПО РИСОВАНИЮ	<u>отлично</u>
ПО ЧЕРЧЕНИЮ	<u>отлично</u>
ПО <u>Восточному рис.</u>	<u>отлично</u>

НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б) ОТ 3/IX 1935 г. Францев
Евгений Иванович
ПОЛУЧАЕТ ПРАВО ПОСТУПЛЕНИЯ В ВЫСШУЮ ШКОЛУ БЕЗ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ
ЭКЗАМЕНОВ.

16-го июня 1936 года

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ Власкин

УЧИТЕЛЯ:

Григорьев
Александр
Григорьев

Зачислен курсантом

Новая пора жизни. Школа позади. Вчерашние десятиклассники чувствовали себя совсем другими, по-настоящему взрослыми. У всех начинались дороги самостоятельности: проба сил и возможностей, вступление в будущую трудовую деятельность, первые шаги освоения профессии.

Евгений Францев увлеченно стремился к своей мечте. Получив аттестат отличника, он вместе с Михаилом Глуховым поехал в город Николаев. Там они подали заявление на учебу в Военно-Морское авиационное училище им. Леваневского. И вот ответ: оба зачислены курсантами.

Радости у юношей не было границ. И они не без гордости возвращались в Чернушку - до начала занятий еще было далеко и их отпустили домой.

Однако в родном поселке было уже не так весело и интересно, как прежде. Занятия в школе ушли в прошлое. Многие друзья и знакомые разъехались. Грустнее всего для Евгения было, пожалуй, отсутствие Веры Плехановой. Судя по письмам к ней, Евгения влекло к девушке чувство большее, чем дружеское. Ведь вскоре одно из посланий к ней он начал словами: "Вера! Я тебя люблю!"

Деятельная натура парня не позволяла ему проводить время просто так и он пошел "поработать" в библиотеку клуба железнодорожников. "Сейчас я вполне свыкся с обстановкой, - пишет он Вере, - занялся переинвентаризацией библиотеки, составляю новый каталог, все переписываю и привожу в порядок, чтобы не зря получать деньги (правда, я об этом меньше всего думаю). Главное, нашел дело и решил его довести до конца. А 2,5 тысячи книг привести в порядок - надо время. Целые дни занят, часов по 10-12 другой раз и поэтому мало куда хожу. Да и желания нет. А то соберешься иной раз в клуб - там, кроме "артистов", ни души. И плетешься домой."

Когда же начался учебный год в школе, Евгений нередко по-

сещал ее. Это видно по одному из писем Вере. “И знаешь, мне просто неудобно писать о том, что новый директор и завуч взяли (как будто соревнуются кто лучше) меня хвалить. На всех собраниях. И было бы за что...”

Конечно же, Женя здесь скромничает. Хвалить его, ставить в пример младшим было за что. Это подтверждает и такой факт: 6 июля того же года его приняли кандидатом в члены ВКП (б), что было большой редкостью для юноши только что закончившего десятилетку и еще нигде не работавшего. В связи с этим событием стоит

Первые дни в военно-морском училище. Евгений и его однокурсник.

отметить один момент, который дает возможность всестороннее увидеть характер Евгения. При разборе его заявления о приеме в кандидаты на общем партсобрании станции Чернушка выступивший коммунист Купцов заявил: “Товарищ Францев - парень хороший. Отлично учится. Всегда выполняет поручения комсомола и профсоюза. Вот только есть один недостаток - проскальзывает кичливость и зазнайство. Думаю, учтет и исправится.”

Были ли на самом деле эти черточки в натуре Евгения? Судя по всему, едва ли. Скорее всего кичливостью и зазнайством могли показаться уверенность и принципиальность Евгения, его упорство во всех делах и широкие знания, которые он не стеснялся демонстрировать.

Наступила осень. В школах, институтах начались занятия. Евгению не терпится тоже вступить на стезю познания своей профессии. Завершив работу в библиотеке, он решает поехать в Москву, погостить у старшей сестры Юли. Тем более, что мать и отец тоже отправились к ней.

В начале октября Евгений приезжает в Москву. Несколько дней гостит у старшей сестры, а затем едет в Калинин (ныне Тверь), ко второй сестре, Людмиле, которая учится в Калининском пединституте. Праздничные дни Октябрьской революции проводит в кругу сестер, зятя и его родных.

“Растянули на пять дней, - пишет он потом Вере. - Было весе-

лю. Глушили шампанское, вино, водку. Ну, эту я еще не полюбил и вряд ли когда-либо полюблю.

В Москве и Калининне ходил в кино. Смотрел “Музыкальную историю” и “Светлый путь”. Замечательные фильмы, но свои соображения оставлю при себе. Был и на концертах, на одном в Москве, в государственной филармонии. Вообще время провел неплохо. Это не значит, что я забыл задание. Не забыл, но и не выполнил. Конверты-то купил (покупали их вчетвером, а дают всего по 3 в руки), да отослать не сумел. Теперь они только мешаются в чемодане.”

А 13 октября Евгений перешагнул порог ВМАУ им. Леваневского и стал курсантом. “Мы все уже в форме, - сообщает он Вере в письме от 14 декабря. - И на вид все одинаковые. Если бы ты вошла сюда, вряд ли кого-нибудь узнала. Хотя, конечно, знакомы тебе только двое. А теперь буду один я, так как Мишу переводят в Ейск. Всего туда отправляют человек двести.”

Из истории военно-морских училищ

Жизнь Ейского ВМАУ началась в середине июля 1931 года. На окраине городка, вдоль берегов лимана и Таганрогского залива стали строиться корпуса аэродромных служб и технических баз, учебные и жилые здания. Просторы кубанских степей и плоские берега залива были очень подходящими как для учебных занятий, так и расположения аэродромов и стоянок гидросамолетов.

Прежде школа морских летчиков находилась в Самаре. Создана была в 1919 году. Но место для нее оказалось неудобным. Отрицательно влияли резкие погодные изменения, не хватало для занятий солнечных дней. Зимой Волга сковывалась льдом, а летом мешало оживленное плавание по ней водного транспорта.

После долгих поисков было принято решение перевести школу под Севастополь. С марта 1922 года она начинает свою новую жизнь в 15 километрах от этого города, на берегу незамерзающей Круглой бухты. Здесь были старые ангары, жилые помещения, бетонная площадка для спуска на воду гидросамолетов и даже дачи, которые приспособили под общежития курсантов и квартиры командного состава. Из Самары же привезли всего три гидросамолета М-5 и один М-9. Причем, до крайности, изношенные.

Однако, худо или бедно, но школа начала действовать и через год, 31 мая ей присвоили новое наименование - Высшая школа красных морских летчиков. К этому времени значительно расширилась теоретическая программа. Установлен постоянный срок обучения - полтора года. А 1926 год ознаменовался первым выпуском. Восемнадцать молодцев получили диплом морского летчика. Среди них - ставшие всемирно известными С. Леваневский и И. Доронин.

К концу 1930 года школа полностью сформировалась как во-

енное учебное заведение. В ее стенах приступают к подготовке также и авиационных техников. Летчики колесных машин обучаются еще и мастерству вождения гидросамолетов. Заведение теперь именуется школой морских летчиков и летчиков-наблюдателей.

Возникает необходимость формирования нескольких учебных эскадрилий. И тут встает вопрос: где их размещать? В Севастопольской бухте невозможно, так как здесь основная стоянка Черноморского флота. К тому же где-то нужно создавать еще и сеть сухопутных аэродромов.

И вот тогда было определено новое место базирования школы, как уже было сказано выше - в районе Ейска.

... Тихую жизнь приморского городка наполнил шум прилетающих самолетов, появление множества летчиков и курсантов. Все это вызвало у жителей небывалое оживление и большой интерес. Говорили всякое, но едва ли предполагали, что многие из ейчан свяжут свою судьбу со школой морских летчиков, которая бросает "якорь" здесь, на северном крае кубанских степей.

Вскоре началось разворачиваться строительство. А пока городские власти выделили для школы лучшие здания. Местный курорт передал один из корпусов под учебные помещения. Жители Ейска сдавали квартиры семьям преподавателей и специалистов летного и технического составов.

Техническая база школы постепенно усиливается, поступают новые машины. Формируются и новые эскадрильи.

1 августа 1934 года школа дала ВВС первый отряд штурманов широкого профиля. А со временем Ейская школа, превратившись в монолитный творческий коллектив, стала широкопрофильным летно-техническим учебным заведением. Здесь стали готовиться пилоты на различные типы самолетов, штурманы и техники, радио-авиационные специалисты. Школа стала соответствовать рангу училища, то есть высшего военно-учебного заведения.

И 20 апреля 1937 года издается приказ народного комиссара обороны СССР о переименовании школы в военно-морское авиационное училище. Одновременно оно передается в подчинение командования Военно-морского флота.

К этому времени, помимо Ейского училища, летные и технические кадры для авиации ВМФ готовились в Военно-морском училище имени Леваневского. Оно было сформировано в 1937 году из школы морских летчиков полярной авиации Главсеверморфлота и Пермского авиатехнического училища и находилось, как мы уже знаем, в городе Николаеве.

Как много требований.

В Николаевском филиале летное обучение велось только по одному направлению - военно-торпедному. Это и стал познавать Евгений Францев с первых дней своей курсантской жизни.

Взору юности будущее всегда кажется светлее, чем оно происходит потом в действительности. Особенно в буднях. Стремясь всей душой к роли Икара, обладающего не сказочными крыльями, а современной техникой полетов, Евгений едва ли представлял сложными и трудными такие детали курсантского быта, как, к примеру, мокрые ботинки, облепленные комьями земли.

“Товарищ Тимошенко приказал сделать всех командиров, прежде всего, строевиками, а потом уже танкистами, артиллеристами, летчиками и др., - не без иронии замечает он в своем письме Вере Плехановой. - Вот поэтому нас целые дни муштруют по десять и более часов. Сегодня и вчера месили грязь. Здесь земля черноземная, к ботинкам пристают огромные глыбы и идешь, как на ходулях...”

Занятия в школе начались в октябре. Проходили они для только что надевших форму парней, не знающих монотонности технического обучения и воинской дисциплины строевой службы, тяжело, как физически, так и психологически. Даже Евгений со своим оптимизмом и упорством хоть и не пал духом, но “опустился на сырую и холодную землю”.

Он пишет: “... наши занятия идут своим чередом, как длинная однообразная вереница ступенек лестницы, конца которой не видно, а взбираться все труднее - устали. Пришла дождливая осень, а вместе с ней слякоть и грязь. Ботинки приходится мыть и чистить на дню десять раз. И вообще чистить все, что прикажут. А приказы у нас не обсуждаются, а только исполняются. Всем трудно после “гражданки” привыкать к этому, особенно некоторым, невыдержанным...”

Учебные занятия, строевая служба, чистка обуви и одежды и прочие дела курсантской жизни повторяются изо дня в день и разнообразятся редко и незначительно, как, например, кто про-

веряет строй, выправку, заправку, чистоту - лейтенант, капитан или майор.

Вечерами курсанты отдыхают, смотрят кинофильмы и старые, и новые: "Трактористы", "Член правительства", "Сто мужчин и одна девушка", "Переход". А могли ли они читать или играть в шахматы, заниматься спортивными играми? Об этом Евгений не писал, но, думается, кто хотел, находил возможность, хотя в одном из первых писем Францев подчеркивает "время очень ограничено режимом и приказами командиров". И тут же: "Пишу это письмо целый день, используя перерыв или свободные минуты перед построением".

Однако постепенно настроение улучшается. Курсанты вживаются в ритм училища, приспосабливаются. У Евгения с его жизнелюбием и интересом ко всему получается это быстрее, чем у других. "У нас выпал снежок, - весело сообщает он в письме Кате Мартазовой (Разъехавшись, они остались в дружеских отношениях. Евгений регулярно рассказывал Мартазовой о своей жизни). - Начались классные занятия. Учиться трудно. Предметов очень много. Только сейчас я понял правду слов, что "к науке нет широкой дороги, есть лишь каменистая тропа, по которой надо упорно карабкаться, не страшась трудностей". Время весьма и весьма ограничено. Целую неделю бегаешь, мечтаешь, занимаешься - и каждый шаг по команде."

Но вот уже и приподнятое настроение (Из письма Мартазовой от 5 января 1941 г.).

"Живу хорошо, учусь и "здоровею" с каждым днем. Много занимаемся физкультурой: на полу, матах, на турнике, брусьях, коне. Надо уметь выполнять упражнения на силу и выносливость, ловкость и быстроту. Учебных предметов стало много, трудные, но нужные и интересные. Учиться приходится упорно. Даже не так, как в 10 классе. Бывает, не спрашивают полгода, а потом раз - зачет или контрольная. Даже история ВКП(б), казалось бы такая знакомая, здесь - предмет трудный, занимает много времени. Надо конспектировать. Проверяют часто."

И в конце письма Евгений восклицает с ноткой восторженности: "Как много требований к краснофлотцу, курсанту, командиру! Учись так, чтобы уметь все всегда применить на практике."

Наступил новый 1941 год. Каких-то два месяца курсантской жизни, но они внесли много незнакомого, сложного, трудного, но увлекательного. Парни в форме "морячка сухопутных войск", как в шутку окрестил внешний вид курсанта Евгений в одном из писем, заметно перерождались из юношеского облика и ребя-

ческого мировоззрения в крепкую физическую плоть и твердую духовную убежденность.

Интересно письмо Евгения, отосланное 5 января Вере Плехановой, в котором он рассказывает о встрече нового года. “О, что было! В 11.30 отбой. Мы спали, когда радио оповестило о торжественных церемониях: подняли бокалы, пробило 12 и ... пошло веселье. Кружишься во все стороны, чувствуешь близко девушку - стройную, любимую, послушную в танце. Эта девушка - ты. И просыпаешься. Я долго не мог поверить, что все лишь сон.”

Из этого послания, как и из других, которые Евгений часто отсылает Вере, видно, что он увлечен девушкой, хотя о своих чувствах говорит довольно сдержанно. Даже с некоторой долей шутливости и если бы не отдельные вспышки душевной откровенности (как, например, в письме от 1 апреля 1941 года, которое он начал словами - “Вера! Я люблю тебя!”), то его отношение можно больше определить как друга, а не как влюбленного.

Ведь Евгений без утайки рассказывает Вере, что “... вчера был в Доме культуры. Познакомился с хорошенькой девушкой. Плохо только то, что ее зовут Валей. Но это мое убеждение против всех Валь” (Евгений, видимо, хотел сказать - предубеждение против девушек с этим именем, потому что одна из них, наверное, чем-то сильно не понравилась ему). Далее он продолжает: “Вечер мы провели весело. Она просила написать слова песни “Не уходи, еще не спето столько песен.”. Но мы с ней едва ли еще встретимся (Евгений хочет подчеркнуть, что эта девушка не заинтересовала его, и была только “знакомой на вечер”). Она всего лишь хорошенькая брюнетка. Нам даже танцевать не пришлось. Музыка забастовала. А ей очень хотелось.”

Вместе с тем Евгений с удовольствием бы повеселился, погулял. Впрочем, кому из курсантов этого не хотелось бы! Вот он и добавляет “Она (эта самая Валя) рассказала про все прелести Ейска, где можно хорошо погулять, побаловаться (я же тебе писал, что хочется озоровать)”.

Но заканчивает свои письма Вере он всегда с оттенком осторожного, мягкого, но ясного откровения человека любящего. Как вот тут...

“Всего хорошего, желаю счастья.

Горячий привет Мише и Шурику.

Жму крепко, крепко руки.

Пиши дорогая. С сердечным приветом.

У нас ночь. Темно. Спокойной ночи.

Твой Евгений.”

И покорился пятый океан.

Теоретические занятия в классах, изучение материальной части, учеба в “самолетах на земле”, то есть познание всего необходимого - подготовительного к полетам, длилось всю зиму. Каковы достижения в этом у Евгения - данных нет, но, без сомнения, постигал военно-летную специальность он упорно и безуспешно. Хотя в одном из писем с досадой сообщает: “Чорт знает, почему сегодня так плохо выходило. Рассердился на себя. Даже сказал лейтенанту: почему-то ничего не получается! Он в ответ, - “Ладно, вылезай”. Я еще больше разозлился на себя. Вот, думаю, сгруппил: во-время не сделал хорошо, а теперь жди следующего раза. А как неприятно вылезать из кабины, когда плоховато получается.”

С начала апреля подразделение, в котором был Евгений, переводилось в летний лагерь, к аэродрому и начиналось самое главное и самое интересное для курсантов - покорение “пятого океана” - “настоящая летная работа”, как определяет ее Евгений.

“О, что будет завтра! - с приятно-тревожной ноткой восклицает он в письме Вере. - Как скорее хочется повыше забраться, побыстрее летать. Какое чудесное ощущение - скорость. Послушная машина, ревущий мотор. Это увлекательная, но трудная работа.”

1 апреля (тогда этот день еще не был “Днем смеха”) с утра, в полном обмундировании и с винтовками за спиной, курсанты резво отправились в поход. День выдался теплый, в шинелях стало жарко, а идти - километров 15. Но вот и место лагеря.

Пришли, отложили винтовки, сняли шинели и начали ставить палатки. Подвезли долгожданный обед. Короткий отдых и вновь работа по устройству солдатского уюта в палатках и оборудованию лагеря. Таскали камни, подносили песок, подчищали дорожки, подправляли газоны, подкрашивали, ремонтировали.

К концу дня лагерь принял “божеский вид”, как выразился Евгений в письме от 2 апреля. “Аллейки стали такие красивые! - добавляет он и продолжает восхищаться. - Этот первый вечер в

лагере замечательный: тихо, тепло, светло. И мы с дружкой Ленькой, забыв про усталость, обнялись и запели: “не уходи, еще не спето столько песен”.

А через день Евгений впервые в жизни поднялся в воздух, побывал в ознакомительном полете.

Вел машину инструктор, на потом передавал управление курсанту. Как прошел этот первый выход в небо для Евгения, он увлекательно рассказывает в письме Вере от 5 апреля.

“Полный газ и все замелькало, побежало назад. Но вот земля остановилась, а затем медленно поплыла, самолет перестал дрожать и стремительно, но ровно лезет вверх. Земля кажется широким ярким полотном, которое едва заметно плывет. Чередуются зеленые, серые и черные полосы. И вот - высота 300 метров. Приятно и радостно. Невольно улыбаешься.

Но что это? После нескольких разворотов смотрю кругом и не знаю где мы. Впереди вижу озеро; слева - не видно конца моря и начала неба, все слилось; а внизу - кучки домиков какой-то деревеньки, черные и зеленые, серые и желтые полосы и опять озеро.

И тут инструктор спрашивает.

- Где Ейск?

А я и не знаю. Но не долго думая, указываю в сторону солнца.

- Что вы, товарищ Францев, - отвечает инструктор. И кивает в обратное направление, на большое скопление квадратов, похожих на дома, обвитых клубами дыма. “Вот фунт изюма!” - думаю я и внимательнее смотрю на землю.

Чувствую себя богом - на высоте удивительно хорошо. Вижу аэродром, знаки посадки “Т” и лагерь. Ага! Вот мы где. Начал соображать.

- Берите управление, - объявляет инструктор.

Я спокойно начинаю шуровать и самолет послушно плывет.

Евгений Францев - курсант Ейского училища. Весна 1941 г.

Евгений и товарищи по училищу на летно-учебном аэродроме.

Прекрасно! Вот и посадка. Быстро приближается земля. Захватывает дух так, как во сне, как будто лежишь с кровати и просыпаясь, или когда тебя неожиданно толкнули в воду и ты пытаешься схватиться за невидимые предметы.

Вот и земля. Самолет кренится и разво-

рачивается. В этот момент кажется, что мы повисли в воздухе. А когда глубокий вираж - ощущение на много острее. С непривычки кажется, что перевертываемся и вот-вот вывалимся из кабины. Но все в порядке. И если во-время восьми месяцев подготовки к этому дню мне казалось, что летчик почти тоже, что шофер, то теперь ощутил огромную разницу. После первых же полетов все курсанты стали с большим уважением относиться и к инструкторам-летчикам, и к самолетам."

Неудивительно, что после полетов курсанты почти с любовью мыли и чистили самолеты. Несмотря на горячее солнце, летную одежду, опаленное ветром и зноем лицо. А снимать спецодежду не положено. В ней еще семь километров идти от аэродрома до лагеря.

Вот такие экзамены на знания и сообразительность, на выносливость и упорство.

В первый день полетов курсантов подняли в воздух по два раза. Также и в следующие дни. Однако ребята довольно быстро осваивали азы летного мастерства. Евгений успешно сдает зачет по технике пилотирования по прямоугольному маршруту, правильно выполняет взлет и посадку. Немного теряется, окунувшись в облака, где, по его словам, "скучно становится", как верно отмечает метеоролог, но благополучно "вылетает" и из этой ситуации.

Покоряя "пятый океан", Евгений и его товарищи по эскадрилье не только получили новые приятные впечатления, но и открывали в своих характерах изменения в лучшую сторону. Евгений прежде сетовал на то, что вспыльчив, и не может от этого освободиться. А когда стал летать, появилось спокойствие, сдержанность, уверенность. "Теперь отправляюсь в полет, как на

прогулку, - констатирует он. - Не думаю ни о какой опасности. Мысли - только о том, как лучше управлять самолетом. Не волноваться, не теряться - очень ценно. Такое состояние мне нравится.”

Евгений стремится воспитать в себе эти черты как можно сильнее: чем сложнее и труднее в познании искусства воздушного асса, тем он упорнее и настойчивее. “Начали изучать боевые машины и другие сложные вещи. Помимо полетов опять занимаемся в классе. Как трудно сидеть на уроках - так и клонит ко сну, иной раз никакого усилия воли не хватает открыть глаза. Встаешь в 4 утра, идешь на полеты; затем обратно, - устанешь; а потом - в жару еще 8 часов в классе. - Пишет Евгений Вере, как бы жалуясь, однако, словно спохватившись, добавляет, - Но без труда ничего не дается, так говорят умные люди. Послушаем их, и я буду больше стараться.”

Впрочем, Евгений и во всем очень старается. Это самая яркая его черта.

Грянул гром войны

Страшным, неожиданным громом войны вошло в жизнь советских людей 22 июня. Болью, досадой на вероломство врага, ненавистью к жестоким захватчикам, но не страхом, не растерянностью, а уверенностью в победе наполнились души и сознание курсантов.

“Война очень серьезная, первая в нашей жизни, - пишет 7 июля Екатерине Мартазовой Евгений. - Это будет великая и кровопролитная война. И я уверен, как все мои товарищи, что мы сметем с лица земли Гитлера и фашизм. Наш народ, наша Красная Армия, Флот и Авиация совершат это. Ведь мы ведем войну правую, за свое Отечество.” Невольно помыслы курсантов - о фронте. Конечно, юное сердце сжималось перед военной стихией. Ведь когда поступали учиться, мало думали о том, что вот-вот грянет кровавая война. Да и представлялось все в далекой от реальной жестокости обстановке, романтической и героической, без страшных видений крови и смерти. Однако все готовились и ожидали, что скоро тоже вольются в ряды сражающихся.

О настроении Евгения Францева, его повзрослевшем и изменившемся сознании, когда чувства становятся острее и откровеннее ярко повествует письмо Вере, отправленное 20 августа.

“Здравствуй, дорогая Вера! Получил два письма и каждый с сюрпризом. Дороже - первое, главное в нем - образ милой девушки, твоя карточка... Много раз перечитывал, стараясь убедить себя, что вижу тебя наяву. Перед сном расцеловал карточку. А как бы я расцеловал тебя, если бы ты на самом деле оказалась рядом!

Интересно читать о твоих мирских заботах, о подготовке к новому году. Все, что не связано с фронтом, нам, военным, кажется суетой. Да, многое меняется сейчас в жизни. Хотя каждый занят своим делом, своей работой, но так или иначе, главные помыслы о войне, о том, чтобы помочь фронту.”

Евгений полон патриотических чувств, искренне горячо вы-

ражает их в письмах. И его энтузиазм не снижается трудностями и тяжестью будней военного времени. “Мы уже давно не летаем, - сообщает он в письме. - А так хочется! Но сейчас есть более важные работы: занимаемся особой “физкультурой” - упражнениями с лопатами. Занятие нехитрое, но утомительное.”

Курсанты возводили оборонительные сооружения.

Пока они еще, как говорится, не нюхали пороха, хотя постоянно несли караульную службу. Но вот в начале сентября над Ейском послышался гул немецких бомбардировщиков. Жутко засвистели падающие бомбы, взметнулись в воздух от взрывов комья земли и обломки строений. Цепь воронок постепенно протягивалась от приморской косы до учебных аэродромов. Немцы, конечно же, знали об училище и наметили разбомбить его.

Командование училища срочно сформировало эскадрилью истребителей для отражения бомбардировщиков. Однако налеты становились настойчивее, самолеты врага все чаще прорывались к аэродромам. Одной эскадрильи для защиты уже не хватало, переводить остальные самолеты в боевые - значит нарушить учебный процесс, а училище должно функционировать во что бы то ни стало.

Поэтому срочно, в этом же месяце, командование Военно-Морского флота приняло решение перебазировать училище из Ейска и Николаева под поселок Безенчук Куйбышевской области. Эвакуировались и по земле, и по воздуху. Уходили под бомбежками и усиливающийся грохот канонады.

Уже в конце сентября Евгений шлет весточку Вере с нового места. Рассказывал, что перед отъездом из Ейска дней пять их эшелон стоял на пристани. Курсанты “втихую”, откровенно сознается Евгений, ухитрялись отправляться в город, гулять в садах, ходить за виноградом и арбузами, купаться в море и даже кататься на шлюпках. “Мы жили одним днем и даже не думали, что нам будет за эти проделки.”

Но вот двинулись в путь. Ужом извивалась по просторам Донских и Сальских степей железная дорога, а затем потянулась по Сталинградской области.

“Мы проехали 2010 километров, обогнали много эшелонов беженцев (большинство евреев), голодных, измученных длинной дорогой и напуганных ужасами фашистского запада. Сколько их! Женщины, дети, старики и даже молодые парни, - пишет Евгений. - Большие города мы проезжали обычно ночью. Не удавалось даже посмотреть на них. Останавливались днем только в Сальске, Кузнецке, Сталинграде. Разговаривали с местны-

ми ребятами, которые подходили к эшелону, расспрашивали, кто мы, куда едем. Разговорившись, заявляли, что тоже готовы идти в армию, флот, авиацию и воевать с немцами. Мы их, конечно, благословляли.

Потом мы еще долго ехали по однообразной равнине. Наконец, пошли знакомые пейзажи: холмы, леса, речки, сады. Стали появляться деревни. Как приятно было видеть эту нашу обычную сельскую картину.”

На восьмые сутки эшелон курсантов прибыл на станцию Безенчук, что означает Пыльный. Все вздохнули свободнее, наконец-то закончился утомительный путь: то жара, то холод, неудобства дороги, да и питание какое попало. Однако приехали вновь на голое место. О том, как училище обосновалось, строились ли помещения, аэродромы, - об этом в письмах Евгения почти не говорится. Ему интереснее было написать о том, “как мы за дорогу одичали! С ребятами еще находили общий язык, но смешно смотреть, когда наша братва подходит к девочкам. Кто развязно, кто скромно, но все неуклюжи, будто медведи. Собственно, стоит ли об этом думать? Все это - после войны. а сейчас скорее бы на фронт. Мы уже думали, что скоро попробуем свои силы, но эта перебазировка, словно ножом по горлу, очень не вовремя. Больше месяца потеряно. На западе жестокие бои, люди гибнут, нужны новые кадры. А мы все учимся...”

3 июня Евгений пишет Кате Мартазовой из села Преполовентка, где располагался аэродром училища.

“У нас также бывают веселые часы: иногда приезжают артисты театров Москвы, Ленинграда, Куйбышева. Когда жили в Безенчуке, довольно часто слушали хороших певцов и музыкантов. Особенно понравился концерт бригады Московского Большого театра. Исключительно высокое исполнение. Послушала бы солистку Батишеву! Замечательно поет!

А теперь концертами нас балуют реже. Живем в летних “фатерах”... занимаемся своими делами. Развлекаться некогда. Дни стоят жаркие, солнце палит с утра, до вечера. Негде не спрячешься - кругом поле. И ветра нет. Пыль от взлетающих самолетов стоит столбом.

Недалеко протекает маленькая речушка. Мы каждый день не забываем ее своим посещением перед обедом. Вечера и ночи тут чудесные: тихо-тихо, чуть шумит листва, где-то на болоте беседуют лягушки. Щебечут птички, заливаются соловьи. Ночи теплые, лунные. Ох, эти ночи! Не хочешь обращать внимание на них, но они своей прелестью невольно увлекают...”

Из письма Е. Мартазовой 17 июля.

“Настала нестерпимая жара, солнце палит нещадно, высушивая все, что может сохнуть: траву, землю, деревья. У нас всегда спина мокрая, со лба ручьями льется пот. Зато я успел прилично загореть.”

В послании Кате 12 августа у Евгения уже другое настроение.

“Вообще-то последнее время я живу неплохо, повольнее. 10 августа был выходной день. Мы с командиром на полуторке поехали рыбачить на ночь. Как интересно! Рыбы наловили бреднями четыре ведра. Утром я сходил в деревню, купил огурцов, картошки, молока и сварил уху. Кашеварить мне очень понравилось. Особенно интересно было как я в ведре варил уху. Вот смеху было! В общем время провели по-простецки весело.”

Занятия в классах, изучение техники на земле стали дополняться летной практикой. Казарменные порядки для выпускников (курсанты группы, в которой был Евгений, уже считались таковыми) были довольно мягкими. “Можно вечером побаловаться, - сознается Евгений. - Любители погулять встречаются с деревенскими девушками. Своих-то ребят они проводили.” Но для нашего героя, как он подчеркивает, оказывается самое привлекательное... обилие арбузов. Продают их в совхозе дешево (30 коп. кг), и в любое время дня.

Тянулись будни курсантской жизни: теоретические занятия и зачеты по ним; полеты и работа на аэродроме. Евгений во всем достигал высоких результатов. Зачеты сдавал на “отлично”.

Посвящая себя всецело учебе и полетам, он, однако сильно тосковал по родным, любимой девушке, друзьям юности. Нередко отдавался мечтам. “Я постоянно вспоминаю былое. Часто вижу во сне, будто приехал домой и встретил тебя, - изливает он свою душу в послании Вере. - А когда думаю о доме, о тебе, припоминаю все подробности наших встреч. Хотя мы были лишь товарищами, именно ты для меня самый близкий человек в Чернушке. Как хочется побыть с тобой хотя бы день, час, хотя бы только посмотреть на тебя - и я буду счастлив.”

Однако тоска юноши не была горькой. Наоборот, душа его, словно в упоении, тянулась к героическому, светлому в жизни. Романтическая натура даже в однотонной атмосфере училища находила особенное, замечала и оценивала все необычное.

“Какой красивый восход солнца был 7 ноября! - восторженно восклицает он в письме Вере. - Праздничный, торжественный, величавый. Я нес “почетную вахту” - стоял в карауле. Ночь была тихой, звездной и светлой. Утром заалел восток. Розовые лучи

солнца расходились во все стороны, хотя солнца еще не было видно. Луна постепенно скрылась за тучи. А вот и солнце всходит, и снег заискрился разноцветными огнями.”

Прочитав роман Войнич “Овод”, Евгений под большим впечатлением написал в дневнике: “Я восхищаюсь мужеством и силой воли героя романа. Ему можно позавидовать. Сколько перенес ради правого дела, ради своей идеи. А Джемма? Верная подруга, преданная женщина. О такой можно мечтать.”

Поступки героев “Овода” перекликались с душевными устремлениями и нашего героя, от этого тверже становились его убеждения, крепче воля и упорство в достижении намеченного.

Свет родного дома.

Письма для курсанта - бальзам для души. Они распахивают дверь в мир близких и друзей, согревают теплом родного дома, овевают воздухом дорогих мест. Для Евгения получить письмо - праздник; написать - излить, накопившееся в душе. И он с удовольствием и откровенно пишет обо всем что думает, что переживает, что делает.

О посланиях Вере Плехановой и Екатерине Мартазовой уже рассказывалось. Многие письма к ним сохранились. Переписывался Евгений со старшим братом Николаем; сестрой Людмилой, которые уже давно были на фронте. Регулярно посылал весточки домой, родителям.

У Ивана Дмитриевича и Варвары Васильевны жизнь наполнилась острым беспокойством. Старший сын уже на фронте, вот-вот будет там и второй. И одна из дочерей, Людмила, тоже отправилась воевать.

Сердце у родителей защемило, когда грозное дыхание войны ощутили и в Чернушке. Резко изменилась привычная глазам и слуху железная дорога. Через станцию все чаще проходили воинские эшелоны. Шли без остановок, на запад. В теплушках и на открытых платформах, рядом с боевой техникой, много солдат. Молодые, среднего возраста, а то и в годах. Крепкие, здоровые, а вон и ростом невелики, и сложения не ахти. Всем им воевать, и многие могут не вернуться домой. Тяжело было смотреть на них, но когда в Чернушке состоялся митинг, Иван Дмитриевич, обычно молчаливый, взял слово.

- Я по возрасту невоеннообязанный, - произнес он. - Но если надо будет, пойду вместе с сыновьями.

А где они сейчас? Что с ними будет, - все чаще приходили эти мысли в сознание родителей. За девочек не беспокоились. "Война - дело мужское", - считала Варвара Васильевна. Но вот пришел в Чернушку первый эшелон с эвакуированными и передали Францевым письмо, из которого узнали они, что дочь их Людмила ушла добровольно на фронт. И была вначале санинструк-

тором, потом стала командиром роты связисток.

Евгений еще учится. А Николай? Война застала его на четвертом курсе высшего военно-морского училища. Он мог стать по специальности и штурманом, и минером, и артиллеристом. Выпускался по званию - вахтенный офицер. Это один из боевых командиров на корабле. Такая должность для натуры Николая самая подходящая. По характеру он принципиальный, резковатый. Не переносит в людях непорядочности, вранья. Всегда заступает за обиженных. Из увлечений самое большое - борьба. И быть бы ему достойным морским офицером, да судьба распорядилась иначе.

В ноябре 1941 года его вместе с другими курсантами досрочно выпускают из училища, присвоив звание лейтенантов. И направляют в только что сформированные 74 и 75-ю морские бригады. Николай попал в 74-ю, которая создавалась в Актюбинске до конца декабря, и был назначен командиром взвода в стрелковом батальоне. И хотя подразделение именовалось морским, воевать ему пришлось на суше.

В то время шла ожесточенная битва под Москвой. Враг был отброшен от столицы, когда Николай с однополчанами из резерва Главного командования прибыл на фронт. Бригада двинулась на Северо-Западный фронт, под Старую Руссу.

Зима выдалась морозная, снежная. Солдатам негде было укрыться от буранов, отогреться от холода. Закапывались в сугробы под елками. Многие обмороживались. Но нет худа без добра. Бригада наступала, солдаты и офицеры, утопая в снегу шли вперед, перебегая открытые места. Кругом свистели пули, рвались снаряды, становилось жарко.

В одной из атак (это было уже в конце января нового, 1942 года) вражеская пуля поразила Николая в ногу. Ранение оказалось тяжелым - перебит бедренный нерв. И даже после лечения нога была малопослушной. Эта рана долго тревожила Николая Ивановича.

По всем меркам, воевать ему было уже заказано. После госпиталя Николая отправили в тыл и он приехал в родной дом.

Все родные обрадовались: хоть живой вернулся! Долго толковал в тот вечер с сыном Иван Дмитриевич, а Варвара Васильевна, поплакав поначалу, потом рассудила по-матерински:

- Ну, что же делать? Слава богу, голова, руки целы. К людям, вон, похоронки приходят.

Дали Николаю инвалидность III группы: можно выучиться и трудиться на сидячей работе. Предложили дело страхового агента

- Было мне тогда двадцать три года, - вспоминал Николай Иванович. - Как-раз тогда пал Севастополь. Для меня, мечтавшего стать морским офицером, это было особенно больно. Я тогда подумал: действительно говорят - дана человеку одна жизнь. И надо ее прожить как следует. Чтобы честь свою, фамилию не опозорить. Пойду-ка я опять фрица бить!

И в самом деле, несмотря на запрет, вырвался Николай снова на фронт. Приспособился заправлять ногу в сапог, что не видно хромоты. И в военкомат. Взяли.

Дома удивились и встревожились.

- Вызвали! - Развел руками Николай.

В семье Францевых на жизнь смотрели просто, без пафоса, но с твердым и четким понятием о долге и чести. Отец был суров, мама утирала слезы...

Николая отправили в Москву. Там он, как морской артиллерист, получил назначение в боевой расчет бронекатера на Волге. Днем и ночью, в непогоду и шторм катера перевозили грузы, солдат, технику. Когда фашистов разгромили под Сталинградом и погнали на запад, бронекатера переправились в Азовское море. Не приспособленные к морской стихии эти плоскодонные суда были плохо управляемыми в сложных погодных условиях, но, несмотря на трудности, моряки совершали смелые рейды. Море, особенно у берега, буквально кишело минами. По выражению Николая, Керченский залив был полон ими, словно суп с клецками.

Жестокий бой произошел однажды под Таганрогом. Был убит командир катера. Артиллерист Николай Францев принял командование. На катерах стояло всего по одной маломощной пушке. Но эти юркие речные суда проявляли хорошую маневренность и наносили неожиданные удары, умело сражались даже с превосходящим по силе противником. Так было и под Таганрогом, где Николай Францев в сложной боевой обстановке проявил отличное воинское умение и доблесть. За это был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Боевой путь Николая продолжался до победного финиша. Вместе с наступающими советскими войсками его бронекатер шел вперед, вдоль берегов Крыма, затем по Дунаю. Под Будапештом была выполнена очень важная и сложная операция - под самым носом противника переправлена ему в тыл через Дунай дивизия наших войск, с техникой, лошадьми, повозками.

И когда закончилась война, грудь Николая украсили еще две награды - ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

Николай Францев

Мечтал о геройских подвигах на фронте и третий сын Францевых, Владимир. Но он еще был слишком молод. С нетерпением ожидал он письма от старших братьев, и хотя Евгений пока не воевал, а продолжал учиться, вести от него были для Володи, как и для всей семьи, очень желанными. У Евгения для всех находились добрые слова.

Из письма Евгения от 21 января 1942 года.

“Папа, мама, Юлечка, Вовка, Томка, Славик, Натка, Таточка и Борик! Всех, всех крепко целую. Как живе-

те, родные...

Папа! Как здоровье, самочувствие? Как дела на работе?

Мама, а как ты живешь? Теперь опять у тебя забот прибавилось, почти вся семья, кроме нас троих, под твое крылышко собралась.

Какая у вас погода? Верно морозы. У нас - крещенские. Уж пять дней 40 градусов и больше. В позапрошлом году мы все такие холода в Чернушке испытали. Хорошо на печке в такую погоду! Правда, Вовка? Ты, наверное, на ней и лежишь? Или на охоту ходишь? Про охоту могу кое-что посоветовать...”

И Евгений подробно разъясняет как выделывать заячью шкурку, шить варежки и носки.

Однако Володя все-таки добился своего: не дождавшись семнадцатилетия пошел в военкомат и уговорил-таки отправить его в армию. Определили в авиацию дальнего действия, механиком-мотористом.

Шел 1942 год. Евгений Францев, как и многие его товарищи по училищу, рвался на фронт. Его очень огорчало, что он не может, как его старший брат и сестра, драться с врагом. “Как в глаза буду смотреть ребятам, - пишет он в дневнике, который вел еще со школьных лет. - Как буду говорить с родителями, что скажу Коле, дорогому брату, раненному на фронте! А Миле, славной фронтовичке, дорогой любимой сестренке, как посмотрю в глаза? Поскорее бы на фронт. Как бы я хотел быть вместе с наступающими и разящими врага воинами. Из письма Веры узнал, что 10 мая под Ленинградом геройской смертью погиб ее брат Миша Плеханов. Тяжела утрата друга!

На занятиях узнал о новых страшных зверствах фашистских варваров. 53 тысячи мирных людей убили в Киеве! Пятнадцать дней шла расправа с жителями: привозили людей партиями, заставляли копать траншеи, расстреливали и скидывали в ямы. Детей, еще живых, бросали туда же, закапывали! Ужас! Попаду на фронт, буду зубами рвать эту сволочь, никакой пощады от меня не будет!”

Душа Евгения наполнилась бесконечной ненавистью к немецким захватчикам и сердце ожесточилось. Видимо, в основном, отсюда и пошли истоки его неудержимости в будущих сражениях, его жажды громить врага не заботясь о себе, не думая о собственной безопасности. Предельно проявлялась его непосредственность, преданность высоким идеалам, непримиримость к жестокости, бесчеловечности.

Весной в училище прибыли долгожданные боевые самолеты “Петляков-2”. По оценке Евгения - отличные машины. И с первого же полета он проникся к ним чувством любви, если только можно так определить его восторженное отношение к новому самолету. Правда, научиться управлять им в совершенстве оказалось делом не простым, но он решил во что бы то ни стало добиться этого и стать хозяином воздушной стихии.

Евгений скрупулезно познавал материальную часть, изучал теорию полетов. Не пропускал ни одного объяснения инструкторов, внимательно выслушивал замечания и советы, которые они высказывали курсантам, анализируя их полеты. Причем все ценное записывал в тетрадь, которая со временем превратилась в конспект инструкций полетов на “ПЕ-2”.

Он так увлечен новым самолетом, что в весточке Вере (от 12 августа 42 г.) прямо заявляет: не писал никому почти два месяца. Совершенно нет времени, занят горячей работой - осваиваю новую боевую машину. В следующем письме он характеризует самолет, уже как новейшую боевую машину и добавляет: скоро месяц как летаю на ней.

А потом рассказывает о товарищах по экипажу. “Ребята хорошие. Единственное, что их портит - маленькие, слабоватые. Но дело ведь не в физической силе: мал золотник, да дорог. А они свое дело знают. Штурман, Славик, хотя и молодой, зеленый, но сообразительный, упорный. Обтешется, привыкнет. Стрелок-радист Федя еще тоньше и слабее его, напоминает мне братишку Славика, такой же задумчивый, целеустремленный.”

Однако кое-что и озорное из своей курсантской жизни Евгений все-таки рассказывает. В письме Вере (от 16 марта 1942 г.) -

как с товарищами “попал в опалу” по прибытии эшелона в Пыльный. “Дело было так: приехали мы 12 сентября прошлого года, поселились в палатках, вдали от жилья человеческого. Близко - большая бахча, где арбузы зрели “в неограниченном” количестве. Вот мы и попиروвали. Выписали 200 кг арбузов, принесли в палатку (на 8 человек) и неделю объедались. И еще целый месяц доставляли себе удовольствие.

Но вот пришли холода, мы стали строить землянки, в которых и зимовали. Называли их “адский дворец”, и “дом черной культуры” и просто “черная обитель”. Всю зиму влачили существование под землей. Порядочно прокоптились. Изредка бывали в Безенчуке, что считали за удачу. Это районный центр, похож на Янаул, отличается только тем, что в нем с десяток трехэтажных домов. В поселке раньше была большая селекционная станция союзного значения. Дом культуры, не совсем отстроенный, но уже открытый. Много магазинов, в которых почти ничего нет.

23 февраля я был в ДК на торжественном заседании: дали приглашенный билет, так-как я все еще считаюсь отличником. понравился концерт, особенно джаз училища, акробатические и другие номера.

А в конце февраля мы перебрались в поселок и попали в хорошие условия: живем уютно, занимаемся в теплых, светлых классах; отдыхаем нормально; летаем, как положено.”

И хотя курсантам предоставили нормальные условия жизни и учебы, все это скоро отодвинулось на второй план, ибо главное для них - обрести крылья военного летчика. Неудержимое стремление к этому все сильнее выражается в письмах Евгения...

Вере 15 апреля 1942 года.

“Живу по-старому, без изменений. Страшно надоело. Мне непонятна тактика проволоочек и толкотни в нашем обучении. Говорят - нашего брата не надо на фронт - пока опытных много. А так-как после войны мы должны быть сильнее всех в мире, поэтому резервы нужны не только в этой войне, но и к ее концу. И все-таки надоело.

Целый год идет война, многие друзья уже понюхали пороху, а мы все учимся. Эта канитель портит настроение. С каким желанием мы полетели бы бить фашистскую сволочь! Вчера Герой Советского Союза майор Радус и его штурман рассказывали о боевых вылетах, о своих славных делах. Какие смелые и мужественные люди, какие умные летчики. с такими в бою не страшно!”

В марте 1942 года Евгений Францев был принят из кандидатов в члены ВКП(б).

Изучая личное дело Евгения Францева в Центральном военном-морском архиве в Гатчине, можно убедиться в его большом старании и особом упорстве. По всем предметам он имел только хорошие и отличные оценки. За годы учебы - ни одного порицания, только благодарности. И только 19 декабря 1942 года, когда курсанты уже, по сути дела, завершили учебу, Евгений получил трое суток ареста за то, что... испортил обувь (унты). Поставил посушить у печки, во-время не убрал, и они - подгорели.

Перед нами "Карточка успеваемости" Францева. Из 18 предметов - знание 12-ти оценены на 5; остальные на 4. "Результат" испытаний по технике полета: из 38 заданий - 14 на 5, остальные на 4.

И вот настал день выпуска. Это произошло 9 января 1943 года. Евгению Францеву выдано свидетельство пилота и присвоено звание сержанта.

Хотя он и рвался из стен училища на фронт, но прощание все-равно было грустным. Здесь он стал взрослым, здесь он познал очень многое. Постиг волшебную науку покорения "пятого океана", получил возможность разить врага с поднебесных высот.

В начале августа Евгению присвоено звание младшего лейтенанта. В аттестационном листе о нем написано:

"Дисциплинирован, приказание выполняет точно, энергично и в срок. Волевой командир, всегда опрятен и подтянут. К службе относится добросовестно. Свою специальность любит. Летные упражнения выполняет хорошо и отлично. Общий налет имеет 122 часа, из них на самолете ПЕ - 40 часов. Грамотно эксплуатирует материальную часть самолета. Занимается повышением знаний. Требовательный командир экипажа. С людьми работать умеет и любит. Авторитетом пользуется. Активный в общественной жизни. Взысканий нет. Имеет благодарность "За отличную сдачу зачетов по матчасти и мотора самолета "ПЕ-3".

Из училища Францева направили служить в 13-й авиаполк, который базировался в Кокчетавской области. Попал в эскадрилью, штурманом в которой был известный в будущем поэт Кронид Обойщиков. В дневнике Евгения есть стихи Обойщикова. Видимо, они были дружны, и Евгений хорошо знал творения Кронида.

Весну и лето Францев служил в авиаполку, летчики которого перегоняли американские самолеты "Бостон" из Владивостока, Новосибирска на фронт. Рассказывал об этом Евгений довольно

скупо и отрывочно. Вот выдержки из трех писем.

“Второй раз лечу из Красноярска на запад. В начале июля был на прифронтовом аэродроме, куда доставили самолеты. Сейчас находимся в какой-то деревеньке. Хорошее местечко! Рядом небольшая речка Самарка. Довольно глубокая. Тут же и лесок. Чуть похуже, чем у нас в Чернушке. Также жарко, пыльно и много мух.

Немного отдохнуть не мешает. Устаем-то мы здорово. За день приходится покрывать расстояние в две тысячи километров. Завтракаешь в одном месте, а ужинаешь уже в другой части света. В общем путешествуешь по всему Союзу.

Позавчера был в Новосибирске. Там гастролировал джаз Утесова. Жаль, что не удалось послушать эту знаменитость. А когда возвращались в Красноярск, встретили ребят, которые прибыли с юга. Рассказали, что там уже созрели огурцы, помидоры. Мы же здесь, в обеденный перерыв ходили в лес за Самарку ягоды искать. По десятку ягод земляники нашли, чему были рады, как дети.

В Красноярске купался в Енисее. Большая красивая река. Берега высокие. Правый особенно обрывистый, переходит в сопки и горы, густо поросшие лесом. Здесь тайга - глухая, дремучая, дикая. А вода в Енисее хорошая! Прозрачная, чистая, холодная и какая-то особенно вкусная. Пьешь - не напьешься. И мягкая, помоешь голову - волосы становятся словно пушинки.

Сейчас сижу в гостинице. На улице сильная гроза: сверкают молнии, гремит гром, с неба льют потоки воды, - мне такая погода очень нравится. Я долго стоял на крыльце и любовался сиянием молний. А вот ночью гроза - вообще исключительное зрелище. Дней пять тому назад я попал в такую грозу вечером, когда шел из кинотеатра. Идти было далеко, я снял китель, майку и пришел на место весь мокрый, как курица. Это было под Омском. Далеко отсюда.

Вот так быстро я путешествую. Признаться, уже надоела эта быстрота. Зачастую некогда даже на час-другой отвлечься, в кино сбежать, или хотя бы письмо чиркнуть.”

В одном из последних писем того периода службы Францев восклицает: кочевая цыганская жизнь надоела до чертиков! Хорошо, если на одном месте 3-5 дней живешь, а то больше - утром на одном месте, в обед на другом, а вечер встречаешь уже где-нибудь за сотни километров. Устаешь от обилия разнообразных красок, перемен и впечатлений.

На северном фронте.

После настойчивых просьб Евгения Францева направляют на Северный флот, вместе со своим другом по училищу Петром Гнетовым. Приказом командующего ВВС Северного флота от 26 июля 1943 года младшие лейтенанты Гнетов Петр Яковлевич и Францев Евгений Иванович назначены летчиками 2-й эскадрильи 9-го гвардейского минно-торпедного авиаполка. Это было молодое, но уже прославленное в боях, соединение. История его такова.

В довоенном 1936 году звено летчиков-балтийцев прибыло на только что созданную. Северную флотилию, положив начало новому виду боевых сил. Первый шаг сделала здесь самая малая авиационная единица - звено. Но уже через три года в небе Заполярья стали прокладывать трассы авиационные подразделения ВВС Северного флота. В короткий срок авиаторы-североморцы в необжитых пустынных районах, среди голых сопок оборудовали в бухтах заливов сухопутные и морские аэродромы и наземные базы. Были подготовлены летные кадры, созданы инженерно-авиационные и обеспечивающие службы. Так что вероломное вторжение гитлеровских полчищ на Советский Союз авиаторы Северного флота встретили уже во всеоружии.

Одну из самых почетных дат в боевой летописи североморской авиации заняло в 41-м году 15 сентября. В тот день за два вылета группа молодых летчиков во главе командира эскадрильи капитана Бориса Сафонова провела два ожесточенных боя: первый - против сорока вражеских самолетов, второй - против пятидесяти двух. В первой схватке участвовало девять летчиков-сафоновцев, во второй - всего семь. Однако североморцы сражались настолько яростно и отважно, что в этих неравных воздушных поединках сбили тринадцать фашистских самолетов, не потеряв из своих ни одного.

Перед началом войны данные разведки свидетельствовали о непрерывном накоплении немецких войск и техники в северных

районах Норвегии и Финляндии. У нашей границы с Финляндией немцы разместили 19-й горнострелковый корпус “Норвегия” в составе трех дивизий. Уже 22 июня 1941 года немецкий горный корпус занял район Петсамо, расположившись вдоль советской границы. Немцы планировали с началом боевых действий молниеносно захватить город-порт Мурманск, главную базу Северного флота, а затем весь Кольский полуостров. Возглавлял группировку генерал-майор Дитл, один из теоретиков “молниеносной войны”, признанный специалист по ведению военных операций в горах.

Командующий воздушным корпусом в Норвегии был назначен генерал Штумпф, тот самый, который в мае 1945 года поставит подпись под актом безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Но вернемся к боевым делам наших летчиков-североморцев. Согласно приказа Народного комиссара ВМФ от 23 октября 1942 года из состава особой Морской авиационной группы сформировали 5-ю авиационную бомбардировочную бригаду. В состав ее вошел и 24-й Минно-торпедный полк, ставший в мае 43-го 9-м гвардейским.

К моменту прибытия Евгения Францева полк был прославленным соединением Северного флота. Семь летчиков и штурманов, воевавших в его составе, уже стали Героями Советского Союза. Прибывающему молодому пополнению было у кого учиться, было на кого равняться. У каждого летчика - свой почерк, свои тактические приемы.

В книге приказов по полку вот приказ от 8 сентября 1943 года. В нем определен состав экипажа самолета “Бостон”:

Пилот - гвардии младший лейтенант Францев Е.И.

Штурман - гвардии младший лейтенант Петренко В.К.

Воздушный стрелок - старший сержант Антипичев С.М.

Этим же приказом оговариваются, что экипаж летает на самолете “Бостон” только днем.

Судьба связала вместе до последнего полета Евгения Францева и Семена Антипичева. Он был родом из деревни Кишкино, Ухтомского района Московской области. Родился 20 января 1917 года. Закончил 7 классов. В армию призван в 1940 году. А в 43-м принят в члены партии.

Петренко, напротив, недолго пробыл штурманом в экипаже Францева. Через несколько недель его сменил П.А. Галкин, ставший боевым другом Евгения. Локоть к локтю поднимались они в кабине самолета в воздух, в едином порыве бросались в огнен-

ные вихри, вместе стали Героями Советского Союза. Плечом к плечу они сражались с врагом до последнего полета Францева в сентябре 1944 года.

Павел Андреевич Галкин родился в 1922 году в селе Ишердь Кораблинского района Рязанской области. Был комсомольцем. В 1940 году окончил Сапожковский педагогический техникум. И сразу поступает в ВМАУ имени Леваневского, из которого вышел офицером в 1943 году. Во время учебы Францев и Галкин не были знакомы; ведь Евгений учился на летчика, а Павел - на штурмана. После окончания училища Галкина тоже послали на Северный флот, в 29-й полк пикирующих бомбардировщиков П-2. Он базировался на том же аэродроме, что и 9-й минно-торпедный авиаполк, в котором служил Францев.

Галкина определили в экипаж, командовал которым его тезка Павел Сердюк. Но не пришлось им повоевать вместе. Сердюка по болезни перевели на другой самолет - ИЛ-2, и Павел остался без летчика. В это время Евгений тоже оказался без штурмана. Тогда-то командир дивизии и предложил Галкину перейти в другой - минно-торпедный полк, в экипаж Францева. Галкин с готовностью согласился. Еще бы! Ведь предоставилась возможность больше "ходить в боевые полеты". А к этому молодое пополнение стремилось всем сердцем. Галкин, как и Францев, довольно быстро овладел американской аппаратурой и оборудованием "Бостона". Недели через три уже мог свободно производить на нем все штурманские расчеты и действия.

Тот режим, который рассчитывал штурман и задавал летчику: курса, скорости, высоты, Францев выдерживал точно и почти автоматически. Способен был час и два летать на высоте ста-ста пятидесяти метров над уровнем моря, что требует очень высокого напряжения. Францев всегда четко "держал" курс. В результате Евгений и Павел быстро освоили полеты в сложных метеоусловиях Заполярья: шквальном ветре, обледенении самолета и прочих самых разнообразных и непредвиденных трудностей. Летали даже тогда, когда, порой, опытные летчики разведочной авиации, возвращались не дойдя до цели. А Францев и Галкин не сдавались - их упорству стоило завидовать и подражать.

Гром среди ясного неба

В северных районах Норвегии и Финляндии в те годы почти не было хороших шоссейных дорог, а железнодорожных путей нет и поныне. Поэтому связь немцев с их базами и гарнизонами, воинскими соединениями, располагавшимися там, осуществлялась только морским путем. Вдоль берегов постоянно курсировали флотилии военных и грузовых судов. Из Германии поставлялось продовольствие, боеприпасы, живая сила. А обратно морские транспорты шли груженные никелевой рудой, которая добывалась в этих краях для военных заводов. Ведь никель - это, прежде всего, броневая сталь для танков.

Естественно, главным в действиях нашей североморской авиации являлось уничтожение этих транспортов, нарушение военных дорог противника вдоль берегов Норвегии и по всему Баренцеву морю. С этой целью авиаторы выработали тактику, так называемых, “крейсерских полетов”, или как еще их именовали “свободной охоты”, на самолетах-торпедоносцах. Наносили комбинированные (бомбовые и торпедные) удары по портам, базам и конвоям судов противника на всем протяжении северного берега от наших рубежей до Норвежского моря.

Эти действия советской авиации превратились в своего рода блокаду портов Северо-Восточного побережья Норвегии. Врагу не было покоя. Наши воздушные торпедоносцы держали в постоянном напряжении противника, в том числе и в районах, мало доступных для массированных налетов ударной авиации. Куда не могли долететь мощные бомбардировщики, легко и незаметно проникали маневренные торпедоносцы. Их крейсерские налеты заставили немцев отвлечь для прикрытия караванов дополнительные силы. В частности, гитлеровцы вынуждены были усиливать охрану за счет использования двухмоторных и одномоторных самолетов, которые сопровождали транспортные флотилии от портов выхода до конца пути. Это требовало много топлива и моторесурсов, к тому же из-за сложности полета оказывалось весьма тяжелым рейсом и сильно изнуряло немецких летчиков. Что, как-раз было на руку нашим авиаторам.

Однако для них крейсерские полеты были нелегкими. Тактика одиночного рейса самолета-торпедоносца сложна своими особенностями. Первое, обязательное условие - скрытность выхода в район поиска. Для этого полет совершался подальше от берега, чтобы самолет не было видно, и в зависимости от обстановки - в облаках или на минимальной высоте.

Вот торпедоносец достиг района поиска. При хорошей погоде, ясном небе "охотник" набирает высоту 200-300 метров. Пилоты внимательно просматривают побережье, бухты, море. Зрительное внимание у всех членов экипажа предельное. Если же появляются облака, самолет опускается в их нижнюю кромку. Частенько в намеченном районе ничего стоящего обнаружить не удастся. Что ж, тогда самолет направляется в новый, опять-таки заранее намеченный, район поиска. Но летит не вдоль берега, на глазах у постов противника, а уходит в море и только оттуда неожиданно появляется в новом месте.

Экипажи, как правило, подготавливают несколько планов поиска, чтобы в полете, на случай изменения обстановки, использовать следующую готовую схему. Успех крейсерского "путешествия" многих асов-торпедоносцев, в том числе и Евгения Францева, не раз зависел от их тщательных разработок нескольких схем для одного полета, подготовленных заранее, на земле. Причем обязательно учитывался опыт, показывающий, что ни в коем случае не стоит стремиться за один полет охватить большой участок. Это не давало возможности хорошо осмотреть его за короткое время, зато грозило встречей с истребителями-перехватчиками немцев.

Район поиска изучался перед полетом очень тщательно по картам крупного масштаба, фотоснимкам, рассказам, летавшим там разведчиков. Отчасти и по логии. Но она в то время, к сожалению, еще мало использовалась, хотя благодаря ей можно было в данном районе познать все якорные стоянки и фарватеры, и сразу исключить из поля внимания те, где корабли не встретятся. Много подсказывали и моряки, плавающие вдоль берегов Норвегии. Так что, если ясно представлялся район поиска, тщательно подготавливалась схема полета, точно соблюдалась тактика разведки и наработанные авиаторами правила, то успех в принципе был обеспечен.

Побережье здесь изрезано глубокими фиордами. Почти все они являются удобными бухтами, в которых нередко отстаивались немецкие транспорты. И только "охотник", идеально знающий береговую черту, мог обнаружить и атаковать их. При-

чем, если выпадали плохие метеоусловия, непогода - низкая облачность и заряды - для "охотника" они оказывались как нельзя лучшими: для его действий гораздо благоприятнее, чем в ясную погоду. Облачность и заряды были помощниками "охотника".

Как из всего этого видно, крейсерские полеты - операции сложные, требовали от экипажей высочайшего мастерства. Помимо всего, летчик должен быть, "как рыба в воде", в любых условиях быть хорошим моряком, и хорошим лоцманом. Штурман же - уверенно вести прокладку даже когда, кроме звезд и радио "уцепиться" не за что.

Но вот, цель обнаружена. Тут уж успех решался мгновениями. Главное - внезапная, неожиданная для противника, атака. Однако, чтобы торпеда поразила цель, ею нужно "выстрелить", то есть сбросить с самолета не далее как за 800-1200 метров до цели и с высоты - не более 15-20 метров. А цель защищалась огневой завесой береговых батарей и кораблей охраны, а также истребителями-перехватчиками. Перед торпедоносцем стояла небывало трудная задача: совершить сложное, предельно рискованное действие - прорваться сквозь шквал орудийных залпов и пулеметных очередей. Если даже самолет своими маневрами обманывал стреляющих и снаряды не "доставали" его, взрывы на поверхности моря поднимали на пути "охотника" густую завесу из водяных столбов. И было достаточно только зацепиться крылом за эту громадную струю... К тому же того и гляди, что сверху ринутся "мессершмитты".

Что и говорить, пилоты торпедоносцев должны были обладать особенными качествами. Прежде всего, в искусстве пилотирования, в решительности и мужестве. Они являлись для врага смертоносным громом среди ясного неба.

Герой Советского Союза гвардии капитан Зайцев именно так однажды появился перед несколькими кораблями конвоя, выходящими из порта. И не успели немцы глазом моргнуть, как один их танкер настигла торпеда. Опомившись, корабли открыли шквальный огонь, но было поздно. Самолет Зайцева уже удалялся и был вне досягаемости. А всего на боевом счету этого аса четыре потопленных вражеских корабля.

Подобная атака с хода, без секунды промедления, - удел летчиков решительных, отважных, обладающих моментальной реакцией, умением сразу оценить обстановку и мгновенно ринуться на неприятеля. Так Герой Советского Союза капитан Пирогов, вылетев из-за острова, неожиданно обнаружил несколько судов противника и без промедления устремился к ним. С судов кон-

воя полетели запрашивающие позывные. Пирогов не отвечал. Через несколько секунд вышел на рубеж атаки и сбросил торпеду. Вот тут-то и немцы поняли, что за птица появилась перед ними и принялись отчаянно палить из пушек и пулеметов, но самолет, развернувшись, уже уходил за кромку острова, а торпеда, вспенивая поверхность моря, неслась к танкеру, водоизмещением в 5000 тонн. Оглушительный взрыв и транспорт пошел ко дну. Кроме этого танкера отважный капитан отправил к рыбам еще два транспорта и мотобот.

Внезапность атаки достигалась так же умелым использованием освещенности и особенностей мест района, то есть гористых островов, мысов, береговых утесов. Экипажи летчиков вышеназванного Зайцева и гвардии капитана Шебанова в один из дней почти одновременно вылетели “на охоту” в соседствующие районы. Шебанов нашел караван судов противника и немедленно ринулся в атаку. Однако немцы быстро спохватились, создали завесу огня за 8-10 километров до кораблей и хотя Шебанов, сделав обходной маневр, вновь бросился на караван, на дистанцию залпа ракеты его вновь не допустили. А тут еще на самолет бросился “мессершмитт-110”. Однако Шебанов, отбиваясь от немецкого стервятника, не думал упускать добычу. Маневрируя, он готовился к новой атаке.

А в это же зремя с другой стороны подлетел самолет Зайцева. Еще не видя кораблей, он заметил трассы зенитного огня и понял в чем дело. Оценив обстановку, Зайцев осторожно подлетел к береговому мысу, а потом стремительно и совершенно неожиданно для противника вырвался из-за него. В считанные секунды торпедоносец вышел на исходный рубеж и выкинул свой страшный гостинец. А затем оба неожиданных для немцев гости исчезли за горизонтом.

Такая “свободная охота” была очень по душе Евгению Францеву. Его творческая натура видела в ней свободу действий, возможность проявления самых смелых и отчаянных поступков, осуществления юношеской мечты героизма. И он это сразу почувствовал всем своим существом.

Правда, вначале его постигло разочарование: первое время пришлось лишь наблюдать, как другие летают в бой. Молодых берегли, тщательно обучали воздушным действиям в суровых условиях Севера, над вечно бушующим морем Баренца. После нескольких учебных полетов Францев и сам понял, что тех знаний, которые он вынес из училища, здесь, в боевой обстановке на Северном флоте, уже недостаточно. И вновь стал вниматель-

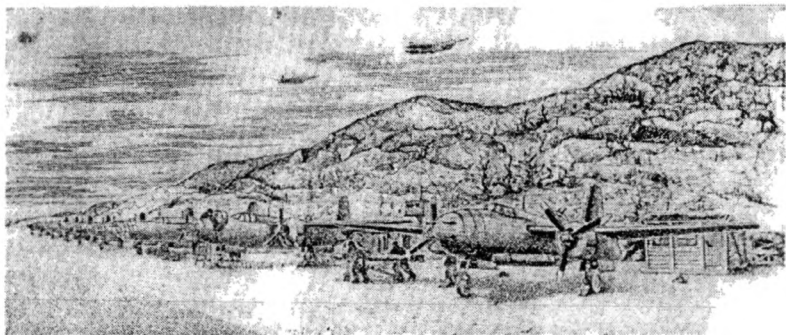
ным и дотошным учеником. Всегда прислушивался к рассказам опытных летчиков-торпедоносцев, подробно расспрашивал, как лучше вести бой с истребителями, как уклоняться от огня зенитной артиллерии. А на тренировочных полетах с особым упорством добивался свободного управления машиной в любых погодных условиях. Будучи в воздухе, был постоянно собран, внимателен, следил, чтобы ни одно мгновение не проходило бесцельно, не допускал неосмысленных движений. Для этого перед каждым вылетом самым тщательным образом продумывал предстоящий полет.

Его душа жаждала поделиться своими впечатлениями с друзьями по школе. И он пишет Вере Плехановой и Кате Мартазовой.

“... Вот и забрался я на самый крайний Север, в Заполярье, где сейчас круглые сутки день, где солнышко около двух месяцев совсем не скрывается за горизонтом. А зимой, говорят здешние ребята, более трех месяцев ночь. Темная, холодная, полярная ночь. Интересно, правда?

Да, вот сейчас 12 ночи, а вокруг светлым-светло. Солнышко закрыло тучками, но все равно светло. Однажды до 2-х ночи не спали, ждали, когда стемнеет. Но напрасно: оказалось, одинаково, что днем, то и ночью. А сейчас уже третий час ночи, а я сижу на окне и пишу вам при свете солнышка - оно низенько стоит, изредка скрывается за высокой сопкой, потом опять появляется. Природа здесь дикая и довольно суровая. Скупко наградила она Север зеленью. Кругом - глыба каменная, куски щебня, большие и маленькие валуны, дикие утесы, сопки и горы, ущелья и овраги - местность пересеченная, изрезанная и все это покрыто редкой и хилой растительностью. Один лишайник и мох, какая-то жесткая трава и скрюченные кривые березки и сосны, - от всего этого веет особой суровостью. А сколько здесь надоедливой мошки, комаров, больших злых мух! Но ведь эта земля - наша! Ее надо защищать, и мы не отдадим ее врагам, никогда!”

Тринадцать вылетов впустую.

30-ая авиабаза, на территории которой располагался 9-ый гвардейский минно-торпедный полк, где проходила боевая эпопея Евгения Францева, занимала довольно большую полосу земли вдоль залива-устья реки Кола, километров в сорока от Мурманска, рядом с городком Полярный. Аэродром со стороны материка был прикрыт неровными сопками с крутыми склонами, местами переходящими в невысокие горы. Вот как описал авиабазу участник Отечественной войны Г. Возлинский, бывший в тех местах.

“Служил я в войну в Рыбачьем. Здесь меня тяжело ранило, и вскоре я на некоторое время попал “на долечивание” в 30-ю авиабазу. Был назначен командиром одного из подразделений, охранявших воинский аэродром.

Запомнился он мне вот таким, каким изобразил его на рисунке. Каких только типов самолетов не было на аэродроме в 1944 году: ИЛы, “аэрокобры”, “боинги”, “бостоны”... Было много и другой техники, входившей в 5-ю минно-торпедную дивизию, которой в то время командовал генерал Губанов, а позже Кидалинский. Здесь можно было увидеть “харрикейны”, “томагавки”, И-15, И-16, ПЕ-2, такие гиганты (по тем временам), как “ланкастеры” и “либерейторы”... На рисунке показана стоянка само-

*Гвардии лейтенант
Е. И. Францев.*

*Гвардии млад-
ший лейтенант П.
А. Галкин.*

Фото из газеты
“Краснофлотец” за
11 марта 1944 г.

летов 9-го гвардейского минно-торпедного полка. На переднем плане - самолеты-торпедоносцы “Бостоны” А20-Ж, несущие по две 800-килограммовые торпеды. Самолеты обладали приличной скоростью, были маневренными, с сильным вооружением. На этих машинах наши прославленные летчики топили корабли противника, принимали участие в охране союзнических конвоев. Имена многих из них вписаны в летопись славы Северного флота.”

Францев прибыл в минно-торпедный полк Северного флота 1 июля 1943 года. Это летное подразделение снискало славу “батареи” отважных поднебесных “катюш”, наносящих весьма чувствительные удары немецким морским транспортам. Семеро летчиков и штурманов части были награждены Золотой Звездой Героя Советского Союза. Десятки фашистских транспортных судов и боевых кораблей отправились на морское дно от торпедных ударов авиаторов полка. Понятно, каким восторженным взором смотрел на них Евгений, с тайной надеждой стать таким же. И конечно, хотя, возможно, и не показывал вида, внимательно прислушивался к их рассказам и рассуждениям, не упускал ни одной мелочи из боевого опыта асов.

Тем более, что прежде, чем получить право на вылет, новичок должен досконально овладеть искусством поиска и торпедирования. Евгения стал приобщать к познанию этого командир эскадрильи Анатолий Петрович Адинсков.

И вот настал день, когда Францев поднял самолет в боевой полет. В экипаже, кроме него, летчика, еще штурман - младший лейтенант Петр Галкин и стрелок-радист сержант Степан Антипичев. Летели они не самостоятельно, а в паре с самолетом младшего лейтенанта Петра Гнетова, который тоже еще не успел по-настоящему “понюхать пороха”. Облетев заданный район поиска и не встретив ни одного “фрица”, экипажи вернулись немного обескураженными. Но, как известно, надежда юношей пита-

ет.

Через четыре дня Францев поднимает свой торпедоносец в следующий полет, тоже в паре, только на этот раз с опытным авиатором Зайцевым, тогда еще старшим лейтенантом. И вновь полет впустую.

В третий раз самолет Францева отправился без сопровождающих. Экипаж уже чувствовал себя в поиске довольно уверенно. Волнения первых разведок улеглись, боевая операция воспринималась спокойнее, все члены экипажа уверовали в себя. Задача ясна, маршрут проложен. Под фюзеляжем самолета - торпеды. Евгений плавно, как положено, поднял от земли тяжелую машину. И вот под крылом бескрайнее море.

Три пары глаз внимательно осматривают темносинюю гладь, иной раз кажется, что вдали появилась точка. Корабль! Увы, это лишь воображение...

Двенадцать раз экипаж возвращался ни с чем. После четырех или пяти вылетов Евгением, да и его товарищами, овладело что-то вроде успокоения к опасности и равнодушие к безуспешности поисков. Полет над морем сам по себе доставлял Евгению радость и когда он пилотировал свой одинокий самолет над вражескими водами, к нему возвращались давние юношеские мечты о профессии "воздушного следопыта", разведчика, открывающего неизвестное.

Из дневника Францева:

"Мне было очень интересно летать над морем. Я рассматривал район, знакомился с расположением немецких портов и баз, встречался с вражескими истребителями и ловко уходил от них, попадал под огонь зенитных батарей. Все это напоминало те разведывательные полеты, о которых я мечтал, будучи курсантом. Я почти забывал о том, что от меня ждут другого - поиска и уничтожения фашистских кораблей."

Из этих записей видно, что полеты бывали не безобидными. К сожалению, Евгений нигде не обмолвился о том, когда и как он впервые встретился лицом к лицу с пулями немецких истребителей или снарядами их орудий. Ведь такое знакомство для молодого бойца бывает критическим. "Как они, новички, трусят перед первой атакой! - вспоминал впоследствии в дневнике Евгений. - Как дрожали Сушицкий и Николаев, когда получили приказ о вылете, но никто из них не знал, что это всего лишь учение. И Литвинов порядочно поблуднел. Да, нелегко заставить себя идти на смерть спокойно."

Однако сам Евгений, судя по всему, без особого страха пере-

шагнул этот рубеж. Тем более искусством пилотирования владел отлично и потому ловко, а значит со спокойной уверенностью уходил как от истребителей, так и от огневых стрел неприятеля.

В части он уже освоился. Близко познакомился со многими однополчанами. Крепко сдружился с Петром Гнетовым. В своем дневнике с уважением отзывался о Ровенко, Величкине, Балашове, Макаревиче, Островском. Особенно выделяет двух последних. "Ставлю их в один ряд с героями военного Севера. Они были истинными мужчинами, скромными на земле и грозными в небе." И все они впоследствии отдали свою жизнь в крейсерских полетах.

С победами возвращались многие летчики. Удачливее всех совершали рейды Пирогов и Зайцев. Конечно же Францеву становилось все более не по себе от того, что он по-прежнему "любовался морским пейзажем" и возил торпеду с аэродрома в море, а с моря на аэродром. А тут еще командир части, полковник Кидалинский, встречая его, пренебрежительно спрашивал:

- Что, Францев, опять ни с чем вернулся?

Сглаживал, правда, полковник Житинский, который примирительно добавлял:

- Ничего, еще успеет, потопит фрица. Не сразу это в руки дается. А он парень упорный. Своего добьется.

На некоторое время Францева выбила из ритма военной жизни операция аппендицита, которую ему сделали 14 сентября. В лазарете он находился до 28 сентября. Врачебная комиссия оценила результат операции нормальным, но предписала: после лазарета необходимо восстановление в доме отдыха в течение двух недель.

Вернувшись в часть, Евгений узнал о новых победных вылетах однополчан и, как он написал в дневнике, его стала брать злость: на невезение, да и на себя, и, в конце-концов, на судьбу. Но разум подсказал, что, прежде всего, надо требовать от судьбы не удачи и везения, а собственного упорства, как в поисках неприятелей во время полета, так и в достижении высокого мастерства при атаке на него.

"Надо же и совесть иметь! - признавал молодой летчик в дневнике. - Но сколько бы я не болтался над морем, в какие бы фиорды не залетал, в какое бы время суток не отправлялся "на охоту" самолет встречали одни пустынные волны. Будто Пирогов и Зайцев в самом деле перетопили всех фашистов."

Однако холостые полеты экипажа приносили и пользу. Осно-

вательно познавался морской театр действий, набирался опыт пилотирования в любых метеорологических условиях, расширялось умение пользоваться облачностью и зарядами для ухода от истребителей противника и ускользания от зенитных залпов береговых батарей.

Впрочем, стоит отметить, что, несмотря на “нулевые” вылеты экипажа Францева его неудержимое стремление к боевым действиям и преданность службе не оставались незамеченными. В его “Боевой характеристике” за период с 1 июля по 1 декабря 1943 года сказано: “Имеет 2 боевых вылета на прикрытие каравана, налет 55 мин. Боевых столкновения с противником не имеет. Летает днем в сложных метеоусловиях. Летать любит и умеет, техника пилотирования хорошая. Летает уверенно. Настойчив в выполнении учебно-боевой подготовки. Среди товарищей пользуется авторитетом, общителен. Опрятен, требователен к себе и подчиненным. Исполнителен, замечания старших воспринимает правильно. Над собой работает, заочно изучает иностранный язык. Имеет большое желание участвовать в боевых действиях.

Вывод: занимаемой должности соответствует.”

И вот Францеву, вроде бы, повезло! Это случилось перед новым годом, в тринадцатом вылете экипажа. При входе в узкий фиорд работал немецкий тральщик и два маленьких суденышка. Когда они были обнаружены, Францева и его товарищей охватило небывалое возбуждение: наконец-то поймали фрица! Ни за что не упустим его! Охотничий азарт пережестил охотничью выдержку. Евгений, полный жажды скорее приблизиться к тральщику и выстрелить в него торпедой, даже не подумал о том, что судно невелико, его осадка в воде незначительная и угодить в такую цель можно только после предельного приближения. Да и вообще эта цель не для торпеды. Так и вышло. Хотя маневр был выполнен правильно, “снаряд” пошел прямо на тральщик, судно не взорвалось. Видимо было незначительное отклонение курса торпеды и она проскочила мимо.

Тринадцатый полет для Евгения оказался самым неудачным: ведь бесцельно сбросить торпеду еще неприятнее, чем возвращаться с ней на аэродром.

Было от чего упасть духом молодому летчику. Но только не Евгению Францеву. Его характер, воспитанный им самим с детства, упорный и целеустремленный; его неуываемые мечты о подвиге - не дали опустить руки.

Поддержали его и весточки от родных и друзей. Они прихо-

дили довольно часто и вносили в душу тепло и успокоение, улучшали настроение и укрепляли волю.

Евгений глубоко анализировал свои действия в полетах, искал в них изъяны и скрупулезно продумывал предстоящие воздушные поиски и тактические ходы при обнаружении неприятеля. Изучал опыт крейсерских операций североморской авиации, начиная от первой дневной атаки младшего лейтенанта В. Гарбуза и ночного удара капитана В. Поповича до последних победных вылетов уже упоминавшихся Пирогова и Зайцева. И вместе с тем Францев тщательно разрабатывал собственные, весьма смелые, но четко обоснованные, варианты крейсерских полетов, которые должны обеспечивать и обнаружение цели, и скрытый подход к ней, и выбор момента атаки, и удар наверняка. Как показало будущее, эта целеустремленность Францева вознаградила его сполна. Вскоре он вошел в ряд лучших летчиков-торпедоносцев, как офицер-новатор, завоевавший победу мастерством и храбростью, умным расчетом и дерзким риском.

Настал новый год - 1944-й. Год - продолжения триумфа Советских войск в сражениях с армиями фашистской Германии. Радостные вести о победоносном наступлении будоражили и поднимали боевой дух летчиков, настраивали их на смелые, решительные действия. Евгений Францев был уверен, что настанет и его час, что он непременно совершит особый подвиг. В глубине души он чуть посмеивался над своими мечтами, идущими из юности, но вместе с тем, анализируя здраво и рассудительно, признавал простую аксиому: а почему бы и нет?

Им уже приобретен приличный опыт. Изучены до тонкостей особенности тактики и техники "свободной охоты" самолетов-торпедоносцев. Выработана своя, более искусная, хотя и более рискованная, методика атаки вражеских объектов.

7 января приказом командира полка были утверждены списки лётно-технических экипажей части по авиаэскадрильям. Во втором экипаже первого звена эскадрильи, которой командовал гвардии капитан П.П. Гусев, летчиком назначен младший лейтенант Е.И. Францев, штурманом младший лейтенант П.А. Галкин, воздушным стрелком-радистом старший сержант С.М. Антипичев, механиками: старшина 2-ой статьи Ю.С. Пименов и старшие сержанты И.А. Озеров и И.И. Кирин, мотористом сержант А.В. Дианов, а стрелком авиавооружения (по ремонту и подготовке) младший сержант П.С. Краснов.

Экипаж Францева первое время не посылали на дальнюю "охоту". Летал вблизи. К тому же, только в хорошую погоду. Однако,

исполнительность и аккуратность, точное соблюдение инструкций и правил, сыграли свою роль и вот экипажу даются уже более сложные задания и в любую погоду. “Первое время я больше со стихией боролся, - писал Евгений в дневнике. - Осваивал Север, привыкал к зарядам, дымке, туману, к морю. Зимой над морем летать не просто, особенно здесь, на Севере. Сколько раз приходилось на малой высоте - 20-30 метров над водой - попадать в мощные снежные заряды. Самолет оледеневает, трясется, теряет аэродинамические качества. Тут уж собираешь в кулак всю силу воли и все свое умение.”

21 января на поиск вылетело несколько торпедоносцев. В одной из групп был и самолет Францева. Над морем плыли кучки облаков. Самолеты искусно скрывались за ними. Облетев группой основную водную дорогу немецких транспортов и никого не обнаружив, самолеты разошлись каждый в свой район.

Евгений повел машину вдоль извилистого берега. Обогнул полуостров Варангер, затем отдалился в море километров на десять и на высоте 200-300 метров продолжал углубляться в неприятельские воды. Члены экипажа внимательно осматривали фиорды, бухточки, побережье. Но нигде ничего не встречалось. Только над одним фиордом увидели кружащиеся немецкие истребители. Галкин, наблюдавший за воздухом, первый увидел их и доложил Францеву.

- Будем отворачивать - ответил Евгений.

Самолет быстро свернул в сторону. Сделав круг, Францев направил его к немецкой базе, которая была расположена в том же районе. Однако на подходе к ней вновь едва не наткнулись на истребители фашистов.

- Что ж, в этом районе ничего не светит. Полетим в другой, - рассудил Францев и прижал самолет к самой воде. Над волнами он становится почти невидимым, здесь его обнаружить сложнее, чем в вышине.

Вот мыс Нордкап - самая северная оконечность Европы. Штурман Галкин спустя много лет рассказывал об этом эпизоде со всеми подробностями, ибо запомнил их отчетливо. Рассматривая тогда мыс, он подумал: чем же характерна эта самая северная точка Европы? Ага, вон на высокой обрывистой скале стоит белое здание, типа виллы. Кто же ныне обитает в этом красивом доме? Немцы? А может норвежские туристы?

Далее виднеется остров Инге. Основательно в тыл к немцам забрались. Неужели и здесь никого не встретим?

Вдруг стрелок-радист взволнованно воскликнул:

- Смотрите, вон какая-то моторка или шлюпка идет от берега!

Впереди, прямо по курсу возвышались скалистые острова, от них в море быстро шел катер. Проследив направление его пути летчики увидели над водой характерный силуэт подводной лодки. Это явилось большой неожиданностью. Ведь эти немецкие подводные акулы днем почти никогда не всплывали на поверхность моря. Но здесь, у своего берега, под боком у защитных зенитных батарей фашистская субмарина, видимо, чувствовала себя в полной безопасности. У нее для всплытия была какая-то необходимость, о чем говорило и то, что к лодке спешил от берега катер. Как гигантская хищная рыба, поднявшись из океанских глубин, подводная лодка лениво лежала на мелкой волне. Сигнальщики на ней еще не видели приближающийся самолет.

В мгновение ока командир торпедоносца оценил положение, удостоверившись, что лодка вражеская, и сразу решил: потоплю! Тут же направил самолет в атаку. Не было потеряно ни секунды. Направляемый твердой рукой летчика, торпедоносец стремительно шел на цель. И вот уже остается всего несколько сот метров.

Величайшее дерзновение требовалось от летчика, чтобы отважиться на такую необычную операцию. Никто еще не поражал с самолета торпедой подводную лодку. Да и возможно ли такое? Ответа на этот вопрос не найти ни в одном из описаний атак самолетов-торпедоносцев. Потому что практически подобное исключалось. Францеву же в этом случае просто повезло, как, что надо подчеркнуть, везет упорным и настойчивым, решительным и дерзким.

...Всего несколько секунд прошло, дистанция до цели уже самая малая. Словно из-под земли, а точнее из морских вод, вырос самолет и, спохватившись, начали стрельбу береговые батареи, а лодка стала погружаться в воду. В это же мгновение Францев нажал кнопку сбрасывателя и торпеда стремительно понеслась к длинному стальному корпусу. Казалось, что кнопка сбрасывателя соединена с невидимой пружиной, поддерживающей лодку на поверхности. Верхняя линия, очерчивающая палубу и рубку, неуклонно сдвигалась с нижней линией - пенящейся кромкой воды, следом торпеды, безудержно приближающейся к поблескивающей палубе лодки. И хотя ее начали покрывать волны, скрыться уже было невозможно. Торпеда настигла фашистскую акулу.

“Мы впервые увидели взрыв своей торпеды, - вспомнил в дневнике Евгений. - Взметнувшийся к небу столб воды и дыма, об-

ломки и осколки.”

- Подводная лодка взорвана! - скорее воскликнул, чем доложил Антипичев, хотя и без его слов все ясно видели гибель фашистского пирата.

- Мессеры! - тут же тревожно добавил стрелок.

Францев уже развернул самолет, и теперь, отрываясь от истребителей противника, предельно увеличил скорость, опустившись к самой воде. Он быстро уходил в море и вскоре истребители прекратили безуспешную погоню.

Евгений и его боевые товарищи ликовали. Наконец и на их долю выпал большой успех. Все дело решили считанные секунды и точность выполнения маневра. Поторопился бы Францев “выстрелить” торпеду чуть раньше, или наоборот бы, задержался с атакой, не приняв решение мгновенно, в обоих случаях лодка могла избежать удара. Но молодой летчик, отлично натренированный, возможно, даже инстинктивно, подлетал на самую верную для торпедной атаки дистанцию и с курсового угла 90° левого борта сбросил смертоносный снаряд.

Ведь перед самым вылетом с аэродрома командир подразделения уже в который раз напоминал, что приказ требует торпедировать вражеские суда с короткой дистанции. Только тогда атака будет верной. Иначе шансы на успех сильно снижаются.

И еще была сложность: необходимость четкого уяснения, что подлодка - вражеская. Францев окончательно убедился в этом, подлетев поближе и отчетливо увидев признаки, определяющие принадлежность подводной акулы.

В этот день экипажу Францева явно везло. Возвращаясь на аэродром, летчики увидели вдаль караван кораблей. И как жалели, что не было второй торпеды. Готовы были хоть из пулемета обстрелять суда. А немцы здесь, на далеких коммуникациях у западных берегов норвежской земли, считая, что они в безопасности, чувствовали себя хозяевами. Ведь до рейсов торпедоносцев туда наша авиация не долетала.

Азарт овладел молодыми пилотами.

- Надо осмотреть караван, - заявил товарищам Францев. - Жаль, что нет второй торпеды. Но мы можем по радио передать кому-нибудь из наших. Не упускать же фрицев!

- Конечно! - в один голос поддержали его Галкин и Антипичев.

Самолет развернулся и направился к проливу, где виднелись корабли. Не долетая, летчики увидели над караваном воздушных охранников.

- Ничего, мы их обхитрим! - крикнул товарищам Евгений.

Отвернув машину в море, сделал круг и появился перед караваном с другой стороны. Однако немцы тоже не дремали. "Тут мне они указали, что зазнаваться не надо, - рассказывал потом Евгений. - Я это крепко запомнил. Ведь в тот же день именно там Вартанова "срубили", когда он пошел в атаку на караван. И мне кажется, что как-раз на эти самые истребители-перехватчики он и напоролся. С берега, над самой водой, ринулись на нас два мессера, а над сушей, вдалеке, еще пара шла. Вот тут-то я и подумал, что не надо хорохориться. Сделал, что от тебя требуется - и тикай. Ведь до дому 600 км с лишним. Два часа двадцать минут лететь по морю, а я здесь, как истребитель вызываю на бой все самолеты врага. Еле-еле ушел."

Возбужденные, радостные прилетели летчики на аэродром. Выпрыгнув из кабины, Францев сразу доложил подошедшим командирам о потоплении вражеской подводной лодки. Это было так необычно, что полковник Кидалинский не нашелся ничего сказать, кроме как "что вы наделали! Кто вам разрешил атаковать подводную лодку."

- А не наша ли она была? - добавил, качая головой, представитель оперативного отдела штаба.

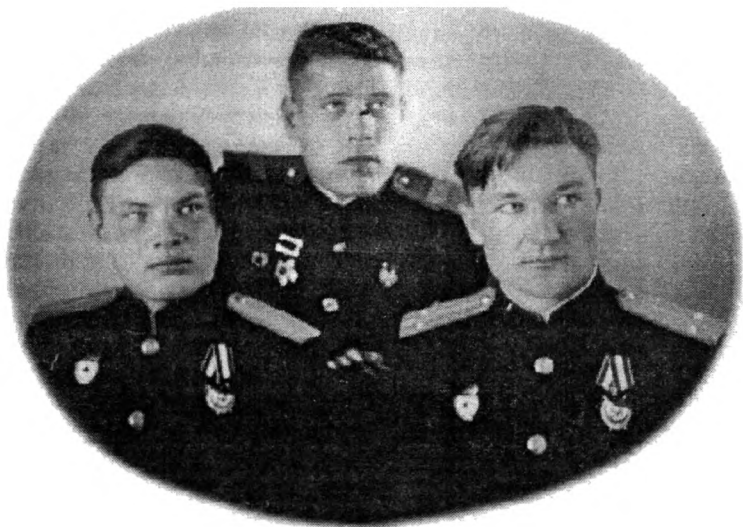
- Как же она могла быть нашей, если лежала в надводном состоянии у немецкого берега! - не удержавшись, резко ответил Францев.

- Опишите, как выглядит рубка. Нарисуйте. - строго сказал Кидалинский.

Неторопливо, вспоминая подробности, Францев нарисовал, что видел и все вздохнули с облегчением. Конечно же, лодка была вражеской. Потом это было подтверждено и официальными данными: немецкой подводной лодке у острова Инге нанесен торпедный удар, она была взорвана и затонула. Также подчеркивалось, что в истории морских сражений это явилось первым случаем, когда самолет-торпедоносец уничтожил не плавающее на поверхности моря судно, а подводное.

Конечно, Евгению Францеву повезло, что он наткнулся на лодку, когда она находилась в спокойно-безмятежном состоянии. Однако, не прояви он мгновенной оценки ситуации и решительности, четкого, предельно смелого, даже отчаянного, тактического маневра, удача бы ускользнула от него.

Однако первое время непосредственные начальники, офицеры минно-торпедной авиадивизии, в составе которой был экипаж Францева, да и кое-кто из однополчан, с некоторым сомне-

Боевые друзья с первыми наградами: Павел Галкин, Семен Антипичев, Евгений Францев.

нием относились к их подвигу. Слишком уж он казался необычным. Но вскоре мнение резко изменилось, действия экипажа Францева были признаны правильными, оценены по достоинству.

И вот на всех троих были составлены наградные листы. О Францеве в листе сказано: “В Отечественной войне участвует с июля 1943 года. За этот период совершил 20 боевых вылетов и в последнем 21 января 1944 года, при выполнении боевого задания “свободная охота с низкой торпедой”, в районе острова Инге обнаружил, торпедировал и потопил вражескую подводную лодку. За образцовое выполнение боевого задания, за лично потопленную подводную лодку противника достоин представления к правительственной награде - ордену Красного Знамени.

Приказом командующего Северным Флотом вице-адмирала А. Головки от 27 января 1944 года Францев и Галкин награждены орденами Красного Знамени, а Антипичев, приказом командующего ВВС Северного флота генерал-лейтенанта В. Андреева, орденом Отечественной войны II степени. И тут еще и в газете “Североморский летчик” за 26 января все читали заметку под названием “Конец подводного пирата” с фотографиями улыбающихся Францева и Галкина.

“После награды я был на седьмом небе, - читаем в дневнике Евгения. - И мне хотелось, чтобы товарищи радовались вместе со мной. Мы собрались, выпили, разговорились о дальнейших устремлениях, планах. Я тогда радовался успеху Пети Гнетова. Как хорошо, что он уже добился победы, что мы вместе открыли счет мести фашистам. Я утопил подлодку, он утопил морской транспорт.

Мы потом отправились в Полярный. Довольные, возбужденные бродили по улицам. Хотелось быть солидными, степенными, но задорная мальчишеская улыбка выдавала наш восторг. И тогда я решил: себя не пожалею, но сделаю еще немало! Чувствовал благодарность к командующему за внимание к нам, рядовым летчикам. Именно к тем летчикам, которых вот наш начальник штаба почему-то считает за пешек, на которых орет, как на собак.”

Видимо, действительно, начальник штаба авиадивизии позволял себе грубое отношение к подчиненным. Что ж, офицеры такого пошиба встречались повсюду.

Далее в дневнике Евгений пишет: “И как папаше, любимому папе хотелось сказать командующему: спасибо, родной отец, за твое воспитание, и даю тебе верное слово, что оправдаю родительское доверие, буду бить фашистов.”

Все м смертям назло

Предпоследний год Отечественной войны, 1944-й, знаменателен славными боевыми достижениями советских войск как на суше, так на море и в воздухе. Усилилась активность и летчиков североморской авиации и все больше побед одерживают они над врагом. К этому времени накоплен большой опыт “свободной охоты”, многие из летчиков стали, “обстрелянными” воздушными асами и, как говорится, не боялись “ни черта, ни бога”, действовали решительно, смело, отчаянно, “Торпедная атака - это штурм Измаила, - рассуждал в дневнике Евгений Францев. - И надо быть Суворовым, чтобы взять эту крепость, разбить врага и вернуться на Родину победителем. Здесь в атаке, как нельзя к месту суть слов: врага бьют не числом, а умением”.

Евгений откровенно пишет о той безмерной опасности, которой подвергается торпедоносец, бросаясь в атаку.

Ведь самолет с экипажем в три человека один устремляется на большое судно или на караван кораблей, на которых сотни и тысячи матросов и солдат, десятки орудий и пулеметов. Обычно в караване до десятка различных судов. Даже самое небольшое из них оснащено одной-двумя пушками и несколькими пулеметами. Кроме того у матросов и солдат немало автоматов, из которых тоже открывается огонь. В караване есть и эсминцы. Зачастую суда поддерживает и береговая артиллерия. Так что нетрудно представить какой вихрь снарядов и пуль выпускается навстречу воздушному смельчаку.

“Сколько раз кажется, что самолет в огненном кольце, нечеловеческими усилиями, бесконечной волей к жизни вырываешь его в сторону, - пишет Евгений. - Островский, один из наших летчиков, говорил, что я лучше совершу двадцать полетов на бомбометание днем, десять раз схожу на штурмовку, сорок раз готов бомбить любой порт, чем идти в одну торпедную атаку. А Островский совершил их 8. И из последней не вернулся.”

Чтобы добиться победы в таком броске на корабли, нужно не только умение, но и счастье. И на него надеются все, хотя пре-

красно сознают, что в любой момент в самолет может врезаться снаряд или очередь пулеметных пуль. Отчаянная смелость под девизом “Победить или умереть!” - вот главное в порыве летчиков-торпедоносцев.

Ярко подметил эту черту Евгений, вспоминая бесстрашие и ярость, которые охватывали перед атакой одного из его товарищей-летчиков - Толю (к сожалению, его фамилию Францев не назвал). “Толя, покойный, сходил в двенадцать атак. В последней сложил свою буйную голову. Он говорил, что при одном слове “Атака!” у него глаза на лоб лезли, расширялись, а потом в одну точку сходились и он ничего не чувствовал и никого не видел, кроме врага. И на него устремлялся из всех сил. Повидал он этих атак больше всех. И все-таки погиб. Вечная тебе слава и память. Ты заслужил их бесстрашием в боях.”

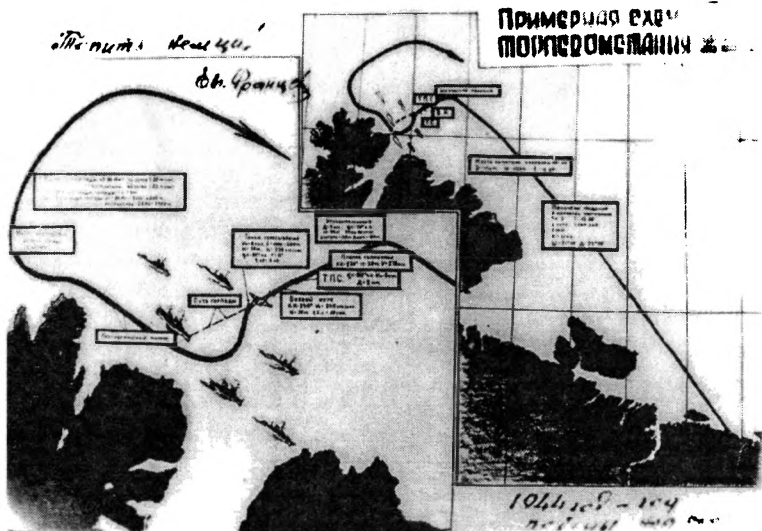
“А у меня уже 6 торпедных атак, - читаем дальше в дневнике Францева. - Из них 4 довольно трудных, тяжелых. Из двух вернулся с подбитым, израненным самолетом. Один раз с прямым попаданием снаряда в фюзеляж. Тогда ранило Семена, стрелка, осколком в ногу, правда, легко. Спас его комбинезон - новый, крепкий.”

Испытав радость первой победы, экипаж Францева уверенно пошел по пути успехов. Как повествуют официальные данные, в конце января он пустил ко дну сторожевой корабль гитлеровцев. А 4 февраля, обнаружив караван вражеских судов, плывущих вдоль берега, ушел в море, и оттуда неожиданно на предельной скорости стрелой ворвался в бок каравана. Францев выбрал во втором ряду самый крупный корабль, танкер водоизмещением 1000 тонн, и послал торпеду точно в его носовую часть. Раздался сильный взрыв. Судно пошло ко дну.

Град снарядов и пуль рвался к дерзкому торпедоносцу, но Францев смелым маневром оторвал самолет от смертоносной лавины. Он, как хорошо видно на примерной схеме этой операции, пронесся над караваном по центру, резко повернул самолет вправо и через несколько секунд уже оказался позади кораблей.

В эти дни отличились многие боевые товарищи Францева. В январе гвардии старший лейтенант В. Пирогов в паре с ведомым самолетом взорвали транспортный корабль и тральщик. Гвардии старший лейтенант Н. Зайцев потопил танкер с горючим.

Порадовался Евгений и за своего друга Петра Гнетова, который был парторгом 2-ой эскадрильи. Он был эмоциональным, даже резким в общении и дерзким, отчаянным в боевой обста-

Примерная схема торпедирования самолетом Францева танкера, водоизмещением 1000 тонн 4 февраля 1944 г.

новке. В беседах с однополчанами возбужденно заявлял:

- Если увижу перед собой неминуемую смерть, то вместе с собой вгоню столько фашистов, сколько их будет передо мной!

В свою записную книжку на первую страницу Гнетов вписал: гвардеец умирает, но побеждает. Гвардеец не сворачивает с боевого курса. Если нечем торпедировать и нет пуль, гвардеец идет на таран. Только таким он должен быть.

Ни на йоту по-иному не поступал Гнетов и в деле. Когда на "свободной охоте" обнаружили корабли конвоя фашистского каравана, моментально пошел в атаку, прорываясь сквозь плотную огневую завесу. Осколки взорвавшихся вблизи снарядов изрешетили крылья и фюзеляж самолета, но он достиг необходимой дистанции и торпеда была послана точно в цель. Судно, водоизмещением 8 тысяч тонн, взорвалось и с грузом ушло на дно.

Через несколько дней в одном из фиордов отважный летчик увидел длинный ряд кораблей. Их оказалось восемнадцать. "Вот так добыча!" - обрадовался экипаж Гнетова.

Однако приблизиться к судам было нелегко. Зенитчики и пулеметчики немцев создали перед торпедоносцем трехъярусный

Перед боевым вылетом летчики-истребители капитан П. Рассадкин (в центре), младший лейтенант Л. Смирнов (справа), беседуют с капитаном Н. Адеяновым о результатах разведки. Они готовятся сопровождать штурмовиков и торпедоносцев.

К самолетам подвозят гостинцы для фрицев - мощные торпеды.

заслон. От удара снаряда самолет сильно тряхнуло. Не успел летчик выровнять курс, как другой снаряд разворотил плоскость. Осколки разбитого крыла рассыпались веером. Сжав зубы, напрягшись до предела, Петр, всем смертям назло, стремительно вел самолет вперед и через мгновение прицельно выстрелил торпедой. Вырываясь из гуши огня и дыма, едва удерживая машину над водой, Гнетов однако увидел победный результат и крикнул товарищам по экипажу:

- Ребята! Транспорт тонет!

На одном крыле самолет добрался до дома.

Награда герою - Орден Красного знамени.

В феврале-марте 1944 года действия североморской авиации достигли весьма высокого результата. Вновь отличился и наш герой - Евгений Францев - потопил крупный корабль. К сожалению,

каких-либо подробностей об этой операции в документальных дневниках не сохранилось, как и о том, что однополчанин Францева, гвардии капитан Пирогов, также пустил ко дну большое транспортное судно гитлеровцев.

Успешным действиям летчиков способствовало наступление светлого времени, полярная ночь с тусклым светом уступала место солнечным дням и авиаторы увереннее совершали боевые вылеты. Приказом от 16 февраля экипажу Францева поручалось выполнять задания "свободной охоты" днем уже в усложненных метеорологических условиях, а ночью - в простых. Для этого ему был выделен самый лучший самолет-торпедоносец "Дуглас А-20Ж".

3 марта авиация минно-торпедной дивизии нанесла пожалуй

самый сильный удар по фашистским транспортным караванам, чувствительно нарушив поток подачи никелевой руды германским сталелитейным заводам, которые уже и так задыхались от нехватки этого ценного сырья. Во фронтовой газете "Краснофлотец" от 11 марта 1944 года рассказывается об этой славной операции.

Вот ее пересказ.

ТРАНСПОРТ НЕПРИЯТЕЛЯ ОБНАРУЖЕН

...Над сопками занялось тихое утро. Небо чистое, безоблачное. А на аэродроме царит возбуждение, летчики и техники предчувствуют горячий денечек.

Вот уже загудели пропеллеры. Одними из первых спешат к своему самолету - летчик-воздушный разведчик Михаил Макаров и штурман Иван Павлов.

- Все в порядке, - говорит им авиатехник и докладывает о готовности самолета.

Макаров, кивнув в ответ, занимает место в кабине, следом садится штурман и через несколько секунд самолет взмывает в небо. Следом поднимаются в воздух еще несколько "разведчиков". У всех одна задача - пролететь над водными дорогами германцев, высмотреть все суда, следующие по ним и сообщить о них на базу.

Вылетели разведчики с аэродрома под лучами яркого мартовского солнца, но чем больше удалялись в просторы моря, тем суровее оно их встречало. Снежные заряды становились все плотнее и вскоре поднялись сплошной серой стеной. Выход один - ближе к берегу. Но тогда значительно сокращается видимость моря. Впрочем, авиаторам не впервые попадать в такую обстановку, глаз у них набитый, зоркий и едва ли от него укроется любая точка на водной поверхности. Вот и на этот раз... штурман уже издалека замечает, что по морю ползут черные жучки с длинными белыми хвостиками. Все ясно: прижимаясь к берегу, тянется караван судов. Да какой большой!

- Ага, попался, братец! - возбужденно говорит Макаров, после сообщения штурмана и поспешно разворачивает машину к аэродрому.

Обнаружен крупный морской эшелон фашистов с внушительным конвоем боевых судов и авиацией. Неприятель уже понял, что от советских воздушных ассов защититься можно лишь большими силами, и значительно увеличил охрану. Что ж, значит добыча оказывается более крупной и весомой.

- Мобилизуем все наличные силы, - решает командир авиаци-

визии и отдает приказ подготовиться к операции экипажам самолетов-штурмовиков 46 полка и торпедоносцам 9-го гвардейского.

Эта весть быстро облетает аэродром. У самолетов закипела работа и вскоре они уже готовы к вылету. Подвешены тяжелые бомбы, оснащены пушки и пулеметы, вставлены мощные торпеды. Экипажи выстроились вдоль машин.

ФРИЦЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К “МОРЮ СМЕРТИ”.

Однако караван неприятеля нельзя выпускать из поля зрения. На дополнительную разведку послали экипаж младшего лейтенанта Александра Кириллова. Прячась в облаках и снежных завесах, он летел в сторону от берега, но с четкой видимостью прибрежных вод. Долго тянулся унылый, однообразный берег с частыми фиордами, уходящими в глубь материка и вот, наконец, выплыли из-за горизонта один за другим многочисленные суда. Они приближались к району, названному немцами “морем смерти”.

- Сколько их! - покачал головой Кириллов и, подняв самолет выше, прошел вдоль всего каравана.

Немцы, видимо, не обратили внимание на одинокий самолет, возможно, посчитав его за свой, тем более что он был далеко в небе. Летчик же, выводя на какое-то время самолет из облаков, благодаря прозрачному воздуху, ясно обозревал караван и точно определял все данные, необходимые нашим штурмовикам и торпедоносцам. Транспорты шли четким строем, в кильватер, окруженные военными кораблями, которых здесь оказалось гораздо больше обычного конвоя.

- Побаиваются теперь нас фрицы! - кивнул Кириллов штурману.

Отвернув самолет, он ушел в сторону, а затем по радио пере-

Авиатехники гвардии младший сержант А. Горшков, гвардии старший сержант А. Кочегуров и гвардии старший техник-лейтенант И. Овсянников тщательно осматривают машину перед полетом.

Еще раз проверяется мотор перед самым вылетом.

дал на командный пункт обо всем, что увидел.

И ВЗМЫЛИ В НЕБО ШТУРМОВИКИ.

Экипажи штурмовых самолетов уже пребывали в полной готовности и боевом нетерпении. Вот подан сигнал. Секунды - и летчики в кабинах. Раздался могучий рев моторов и грозные "Илюшины" взмыли ввысь. Первым поднялся прославленный штурмовик капитан Алексей Осыка, следом - старший лейтенант Владимир Катунин, затем младшие лейтенанты Алексей Максименко, Виктор Скопинцев, Владимир Гусев.

Построившись в боевой порядок, они устремились по заданному курсу навстречу немецкому каравану. А сверху и по бокам, верными стражами, неслись истребители прикрытия, ведомые капитаном Сергеем Малиновским и старшим лейтенантом Иваном Бойченко.

Группа самолетов следовала на бреющем полете вдоль берега. внизу мелькала неровная граница моря и земли, изгибы бухт и заливов, поднимающиеся сопки, ребристая водная поверхность и вдруг на горизонте выступил длинный строй кораблей.

Тут же раздалась команда капитана Осыка.

- Высота!

Это значит, надо уходить вверх, за облака, чтобы враг не увидел нападающих. Самолеты резко пошли в небо и километров за 15 от каравана, надежно спрятались от неприятеля. До поверхности моря не менее тысячи метров, с судов их не видно и не слышно. Но только до того момента, пока самолеты не окажутся вблизи каравана.

Значит, необходима стремительность нападения. Командир эскадрильи это отлично понимает и, быстро оценив обстановку, сразу принимает решение: незамедлительно атаковать крайние корабли, а самые крупные, которые идут в середине, оставить торпедоносцам, которые не замедлят явиться. И тут же отдает своим летчикам по радиации приказ:

- Добро, орлики, пошли в атаку на крайние транспорты!

И, хотя штурмовики вынырнули из облаков вроде бы неожиданно и стремительно, их сразу встретил град снарядов и пуль. В ответ заговорили пушки и пулеметы нападающих, а затем на корабли обрушились бомбы. Пущенная капитаном Осыка, попала точно в середину большого корабля, водоизмещением 6 тысяч тонн. Сильный взрыв потряс воздух. Судно окуталось дымом и стало захлебываться.

На какие-то секунды позже капитана ринулся в атаку старший лейтенант Катунин. Молнией пронесся его самолет над сто-

рожевым кораблем, счастливо избежав град снарядов и пуль, но с точным расчетом сбросив бомбу, которая угодила в нос судна и, разворотив его, отдала во власть морской бездны.

Следом обрушились на суда остальные штурмовики и еще один сторожевой корабль гитлеровцев поразил младший лейтенант Максименко.

ПОЯВИЛИСЬ “МЕССЕРШМИТТЫ” - А НЕ ТУТ-ТО БЫЛО.

Однако тут же на штурмовиков кинулись, опомнившиеся воздушные стражи каравана - истребители прикрытия, четверка “мессершмиттов”. Но и наши ястребки были начеку.

- Вижу слева ниже самолеты противника! - передал младший лейтенант Васильцев ведущему.

- Атакуй! Я прикрою! - отвечал лейтенант Щербак.

Васильцев ловко сделал разворот в облако, а затем стремительно спикировал на ближайшего “мессершмитта”, оказавшегося под ним и полоснул по нему несколькими пулеметными очередями. Одна из них прошила германского летуна и он плюхнулся в волны; второй, видимо, решил лучше смыться, чем сражаться и отвернул в сторону. Другую пару “мессершмиттов” отсеки наши четыре истребителя, летевшие в верхнем прикрытии. Стрелы их пулеметных молний засверкали над фашистскими машинами и те, получив несколько уколов, поспешили где-нибудь приземлиться и на последнем дыхании удалились к берегу.

Воздух был очищен от самолетов неприятеля. Но с судов огневой шквал усиливался. Снаряды и пули пронизывали все вокруг и не все наши самолеты избежали их. У машины Скопинцева снаряд пробил бензобак. Повреждение серьезное, но летчик все-таки смог дотянуть своего железного друга до аэродрома. У других самолетов тоже были ранения, но смертельного не получил ни один.

Сбросив свои бомбовые “гостиницы” за несколько секунд и окатив суда всем запасом снарядов и пуль штурмовые самолеты отлетели в сторону, собравшись в группу.

- Боевая задача выполнена! - заявил по радио однополчанам капитан Осыка. - Теперь - долететь до аэродрома. Нас заменят торпедоносцы! - добавил он весело.

Действительно, навстречу уже шли грозные воздушные “катушки”.

ВПЕРЕД, НА РУБЕЖ АТАКИ!

Ведущий группы торпедоносцев гвардии капитан Шебанов перед вылетом сказал боевым товарищам:

- Летим под прикрытием истребителей. Если немецких самолетов над караваном окажется больше, чем наших, всем идти плотным строем, тогда ни один мессер к нам не подступится. Если же перевес в количестве будет на стороне наших истребителей, то можно не беспокоиться. Тогда каждый экипаж выбирает свой маневр.

Экипаж торпедоносца В. Гарбуза (слева-направо): штурман гвардии младший лейтенант Г. Тимошенко, командир экипажа гвардии младший лейтенант В. Гарбуз и стрелок радист гвардии сержант Н. Строколист.

Когда же стало известно, что истребители прикрытия ведут самые умелые пилоты - Рассадкин, Бурматов и другие - экипажи торпедоносцев одобрительно загудели:

- Эти в обиду не дадут!

...Эскадрильи сомкнутым строем всех самолетов шла над самой водой. Еще издали стали заметны быстро приближающиеся штурмовики. Они возвращались, победно гудя моторами. Их приветствовали торпедоносцы, едва заметно покачивая крыльями. В ответ пожелание: удачной вам охоты!

Предельная ясность воздуха являлась для торпедоносцев одновременно желанной и опасной. Позволяла нашим летчикам обнаружить караван за многие мили до него: корабли казались далекими точками, которые поблескивали на темно-синей поверхности моря. Но эта же видимость была на руку и неприятелю, с кораблей тоже издали заметили приближающуюся воздушную кавалькаду. Скрытно подойти на дистанцию торпедного удара не было никакой возможности. Оставалось одно - стремительное нападение. Поэтому командир эскадрильи капитан Шибанов решительно скомандовал:

- Вперед! Атака!

Торпедоносцы напрямик устремились к каравану. И тут же экипажам передано предупреждение: будьте осторожны, над целью ходят истребители охранения! Но в эти же мгновения, обгоняя торпедоносцев, навстречу "мессершмиттам" ринулись наши "ястребки". Завязался ожесточенный воздушный бой и

Старший лейтенант Катунин и другие летчики сфотографировали корабли немецкого конвоя после удара, нанесенного нашими штурмовиками и торпедоносцами. На снимках видны горящие и тонущие транспортные суда. Бомбы и торпеды североморцев поразили их.

Фото на стр. 81, 83, 86, 87 из газеты "Краснофлотец" за 11 марта 1944 г.

только опытному глазу можно было различить среди стремительного круговорота юрких железных птиц своих и вражеских. Впрочем, экипажам торпедоносцев было и не до этого. Воспользовавшись замешательством неприятельских самолетов прикрытия, торпедоносцы без задержки приближались к каравану. С кораблей понесся шквал артиллерийского и пулеметного огня. Казалось, огненная стена встала перед атакующими.

ОГНЕННАЯ СТЕНА ИХ НЕ ОСТАНОВИТ.

Но что может остановить того, кто не думает об опасности, кто не знает страха перед смертью, кто жаждет только одного - поразить врага. Впереди всех неся торпедоносец ведущего - капитана Шебанова. Несся стремительно, яростно, сквозь град снарядов и пуль. Но вот - прямое попадание снаряда в правый мотор. Машину сильно тряхнуло, мотор вышел из строя. Но Шебанов, сжавшись в комок, упорно вел самолет вперед и в считанные секунды оказался перед караваном. Напрягая все силы он направил израненную машину прямо на головной корабль, расстояние сократилось до предела и Шебанов первым из летчиков сбросил торпеду. И тут же сделал крутой разворот вправо.

Следом за ведущим перед судами немцев выросли самолеты младших лейтенантов Гарбуза и Мартьянова. Выстреленные ими торпеды понеслись к ближайшим транспортам.

Торпедоносец, управляемый Евгением Францевым, летел четвертым. Когда он выходил на рубеж атаки, на него бросилась пара "мессершмиттов". Стрелок-радист Антипичев был начеку и встретил их завесой длинных пулеметных очередей. Его поддержал точной стрельбой стрелок Мамаев с самолета-торпедо-

носца Мартьянова. Фрицы не решились на бросок сквозь огненную завесу и повернули вбок. Воспользовавшись этим, Францев бросил самолет на большой транспортный корабль в хвосте каравана и кинул в его борт торпеду.

В это же мгновение прогремели один за другим два взрыва. А через несколько секунд еще один. Торпеды, выпущенные Шебановым, Гарбузом и Францевым достигли цели, три самых крупных транспортных фашистских кораблей пошли ко дну.

Насколько основательным получился разгром немецкого каравана окончательно подтвердили воздушные разведчики. Установить результаты штурмовой и торпедной атаки входило в задачу воздушного разведчика Бугакова. И он рассказывает:

- Сверху суда хорошо выделялись на солнечной дорожке. Над ними кружились самолеты. В строю кильватера шли три транспорта и около них сбились корабли охранения. В этот момент и совершили атаку наши торпедоносцы. Первым загорелся самый большой корабль, он окутался белым облаком. Когда облако рассеялось, корабль уже скрылся под водой.

Следом за Бугаковым вылетел на разведку младший лейтенант Панкрашин. Он видел другой горящий корабль и вокруг него теснились мелкие суда, которые, видимо, спасали людей с тонущего судна. Следующая разведка, проведенная пилотом Кирилловым, доложила, что горящих судов на поверхности моря уже нет.

Фотоснимки наглядно свидетельствуют о результатах ударов штурмовиков и торпедоносцев.

Когда же завершив операцию, они повернули домой, вражеские истребители пытались напасть на них, но наши соколы охраны четко выполнили свои защитные функции. Смело ринулись на два “мессершмитта”, которые увидели израненный тяжело летевший торпедоносец Шебанова и хотели добить его. Атака советских “ястребков” испугала фрицев и они круто пошли вверх. Однако командир нашей группы Рассадкин не привык упускать врага, догнал один “мессершмитт” и длинной очередью прошелся по его желтому фюзеляжу. Фашистский самолет резко перевернулся и камнем рухнул в воду.

Второй “мессершмитт” пытался исчезнуть в облаках, а затем пошел на снижение. Его маневр раскусил младший лейтенант Смирнов и пересек фрицу путь. Тот вынужден был пойти на боевой разворот. Смирнов предвидел это и за мгновение до исходной позиции немца послал в него несколько коротких пулеметных очередей. И этот “мессершмитт” плюхнулся в море.

Трохнули вторую подлодку

Прошли лишь сутки после славной боевой операции летчиков минно-торпедной дивизии, а на долю экипажа Францева выпала новая большая удача...

Рассказывая о ней, вначале обратимся к воспоминаниям подполковника технической службы И. Овсянникова, который тогда был на аэродроме техником. Вот что он поведал в газете "На страже Заполярья" за 1972 год.

Весна в этих краях капризна. И в тот день, 4 марта, она откровенно проявляла свой жесткий нрав. С утра, с короткими перерывами валил сырой снег. Временами его неистово крутили порывы ветра. Но я и мои товарищи из технического экипажа самолета-торпедоносца, командир которого - лейтенант Францев, наперекор непогоде готовили машину к полету. Прекрасно знали, что наши воздушные асы, особенно такие лихие как летчик Францев и его штурман Галкин, просто обожают эту дьявольскую снежно-ветряную или туманно-облачную мглу. Она им здорово помогает обмануть бдительность неприятеля и скрытно наброситься на него.

Впрочем, инженер эскадрильи гвардии капитан Анатолий Крахмильцев уже предупредил нас.

- Подвесьте торпеду и ждите летчиков. - Промолчав, подмигнул нам. - Они получают боевое задание.

Самолет, по существу, постоянно готов к полету. Однако такая непогода, как сегодня, всегда настораживает и мы, техники - я, второй механик гвардии старший сержант Иван Варфоломеев и моторист гвардии матрос Петр Акимов не раз, а два, а то и три раза тщательно осматриваем системы и оборудование. Опробуем моторы. Помогаем оружейникам подвесить торпеду. Пушки заряжены еще раньше механиком по вооружению гвардии сержантом Иваном Черепановым. Все в порядке.

Вот появляются и летчики.

- Самолет к боевому вылету готов! - докладываю я Францеву. Он козыряет в ответ и по установившейся традиции объясня-

ет нам, какое задание получил экипаж: вылет на “свободную охоту” в паре с самолетом экипажа младшего лейтенанта Гарбуза.

По сигнальной ракете с командного пункта два воздушных лайнера набирают ход, отрываются от земли и исчезают в белой пелене.

Каждый раз, провожая их в воздух, мы, авиаторы технической службы, невольно останавливаемся на мысли: что их ожидает, вернутся ли? Ведь их зачастую встречает огненный ад.

Об этом полете подробно рассказывал штурман Петр Галкин на встрече с курсантами ейского авиационного училища в 1995 году. Были публикации и в газетах: “Краснофлотец” за 7 апреля и “Североморский летчик” 29 августа 1944 года.

Вот что произошло.

Погода для полета была сложной и тяжелой. Снежные заряды затрудняли пилотирование и поиск. Самолет Гарбуза пролетел над морскими дорогами немцев до мыса Нордкап. Чуть в стороне следовал торпедоносец Францева. Ни тому, ни другому обнаружить “цели полета” не удалось. Горючего оставалось немного и Гарбуз повернул обратно.

Францев же, точно рассчитав, решил использовать возможности самолета до предела и продолжил поиск, направляясь к порту Хаммерфест. Это уже далеко в тылу врага. На море стали появляться небольшие суда. Это были сторожевые корабли, катера. Летчики пожимали плечами: на такую мелочь торпеду жалко тратить.

Решили долететь до Хаммерфеста, где немцы обычно формируют свои морские караваны, которые затем отправляются в порт Киркинес. У берегов Хаммерфеста нередко пришвартовываются транспортные суда и боевые корабли. А перед портом, как бы преграждая к нему путь, встает скалистый остров Серейя, вытянувшийся километров на пятнадцать. На нем мирных жителей, конечно, не было, но зато располагались зенитные батареи, военные посты, наблюдательный дозор.

Подлетая к острову, летчик заметил длинную самоходную баржу, за которой следовали еще два черных судна размерами значительно меньше. Издалека не разглядеть, катера это или шхуны. Плыла троица между островом и берегом материка.

Галкин заметил первым.

- Вон баржа вышла из порта и два катера за ней.

- Может баржу стукнем? - предложил Францев.

- Вообще-то можно, - неуверенно согласился штурман. - Только какая у нее осадка. Пожалуй, малая. Тогда торпеда пройдет под

днищем и выстрел окажется впустую.

- Верно. Лучше подойдем поближе и рассмотрим эту самоходку, - решил командир. - Если грузовая - будем топить.

Цель все ближе. Оставалось до нее километров пять и тут взлетело в высь несколько ракет, осветив все вокруг. И почти сразу вдоль борта самолета ярко полыхнуло. С баржи навстречу самолету ринулись снопы огненных трасс. И сразу стало ясно: не баржа это, а боевой корабль. Хорошо вооруженный эсминец, замаскированный под баржу.

У летчиков засверкали глаза: Хороша добыча! Раз это эсминец - атаковать! Как-раз и ракурс полета был подходящим для атаки. Самолет лег на боевой курс. Эсминец тоже не дремал, он начал умело маневрировать, вправо-влево, зигзагами, ускорил ход. И внезапно стал разворачиваться, именно в тот момент, когда Францев приготовился выстрелить торпедой. Нажми он кнопку, снаряд прошел бы мимо.

Но недаром у молодого летчика был отработан точный глазомер, он моментально улавливал малейшие изменения в боевой обстановке и редко ошибался. Как и на этот раз.

- Оставить! - резко скомандовал он и уже спокойнее добавил, - делаем второй заход. А сейчас бы промахнулись.

Самолет повернул вправо. К огненным стрелам с эсминца прибавились залпы береговых батарей. Экипаж будто и не замечал этого смертоносного смерча. Торпедоносец, отвалив в сторону, стал заходить на круг и проносился мимо следовавших за эсминцев небольших судов. Галкин, взглядевшись в них, закричал:

- Это не катера! Это подлодки!

Так вон оно что! Францев даже присвистнул: эсминец, по-видимому, выводит стальные акулы в море, на боевые позиции. Лодки же в надводном положении, на ходу. Лавировать, как эсминец, они не могут, плывут гуськом, друг за другом.

Между тем обстрел отважной железной птицы усилился. С эсминца, с острова, с берега неслись шквалы пуль и снарядов. В сгущающихся сумерках летчикам казалось, что воздух, небо, море насыщены молниями. Францев сразу уловил опасность и чуть-чуть отвернул вправо. Очень вовремя. Это был умелый маневр и огненный смерч остался в стороне.

Но из прицела исчезла выбранная для атаки первая подводная лодка. Впрочем, Францев видел, что следом движется вторая, и приготовился поймать ее "на мушку". Все решали мгновения и точный расчет. Огонь с эсминца почти прекратился: артиллеристы могли поразить свои же подводные лодки, так-как самолет

пролетал рядом с ними. Это был следующий искусный ход торпедоносца, обезопасивший себя и поставивший под беззащитный удар одного из этой троицы морских пиратов.

Вот лодка в прицеле. Кнопка нажата. Торпеда понеслась вперед. Тут же щелкнул затвор фотоаппарата. Самолет взмыл в сторону, но его окружили завесы огня. В грохоте и смерче летчики не расслышали взрыва подводной лодки. Трассы снарядов шли прямо на самолет.

- Влево! - почти рявкнул штурман.

Машина скользнула на крыло, снаряды просвистели мимо. Но вдруг ее сильно потрянуло, в перегородку бомболоков угодил снаряд. Взрыв. Но, к счастью, не сильный.

...Даже сейчас, пятьдесят лет спустя, Павел Андреевич Галкин помнит тот полет до мельчайших подробностей. Взрыв на какие-то секунды оглушил его. Придя в себя, он увидел под ногами, в фюзеляже большое рваное отверстие, через которое можно свободно вывалиться из кабины. И через эту дыру совсем близко видны морские волны. Но удивительно то, что на себе Галкин не почувствовал ни удара, ни царапины. Только кабина засыпана осколками, обрывками и крошкой алюминиевой обшивки. Снаряд, наверное, попал не прямо, а по касательной. Взрыв был вне самолета, нижнюю обшивку разворотило, осколки же снаряда пролетели дальше, пробили правый мотор. Тут стоял Антипичев. Взрыв опрокинул его, оглушил, в ногу врезался осколок. Но радист быстро пришел в себя, в горячке даже не почувствовал боли. Машинально занял свое место стрелка-радиста.

- Пробоило машину! - зло проговорил Галкин не спуская глаз с водной глади в отверстии и пытаясь определить, падает самолет или летит. - Руль действует? - спросил у Евгения.

- Действует, - голос Францева уверенный, твердый.

- Тогда за остров! - выкрикнул штурман.

Остров рядом. Залетели за него, осмотрелись. Тяги исправны.

- Посмотри, бензин сзади не течет? Ничто там не горит? - обратился Францев к Антипичеву.

- Нет, не течет. Масло немножко по плоскости разлилось, - ответил радист. Да меня тут осколком в ногу...

- Не сильно? Потерпишь? Можешь сам перевязаться?

- Да я уже прихватил рану, - натуженно усмехнулся Антипичев.

Францев устремив взгляд в сторону места боя четко произ-

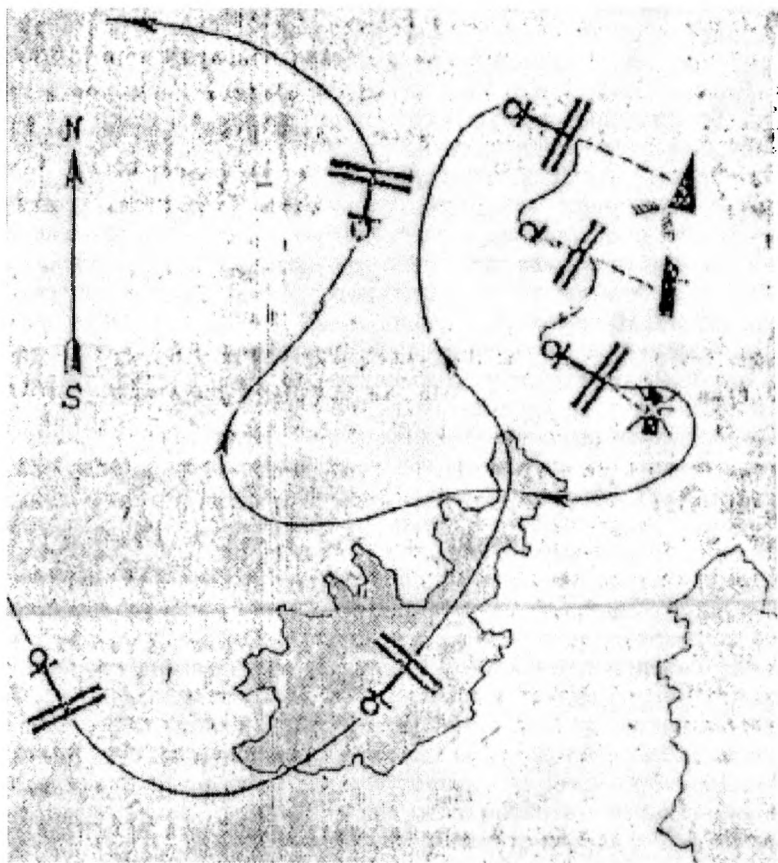

Схема выхода самолета Е. Францева на рубеж атаки, маневрирование и торпедный удар по подводной лодке.

нес.

- Надо все сфотографировать. А то не поверят, что вторую подводную лодку грохнули.

Осторожно стал выводить самолет из-за скал острова. Когда взору летчиков открылся пролив, они увидели, что эсминец, развернувшись, спешит к месту, где взорвалась подводная лодка. а там повсюду пятна масла, всплывают и грохочут пузыри воздуха. Это последствия тонущего судна.

Францев решительно направил туда самолет, орудия эсминца и береговых батарей вновь открыли стрельбу. Но на этот раз торпедоносец без задержек пронесся над кораблями, фотоснимок был выполнен моментально. Правда, Францев мало надеялся на хороший результат: наступали вечерние сумерки, сам взрыв заснять не удалось, а хорошо ли будут видны на пленке остатки от него?

Мы вновь обращаемся к рассказу механика И. Овсянникова.

На аэродроме возвращения воздушных бойцов ждали с беспокойством. Ведь на исходе был уже третий час их полета. Наконец в небе показалась крылатая машина. Обычно летчик, возвращаясь с победой, разгонял скорость, совершал над взлетно-посадочной полосой так называемую “горку” - своеобразный пилотажный прием, давал длинную очередь из передних пушек. Но прилетевший самолет сразу пошел на посадку. Причем видно было, что он прилично поврежден. У всех мелькнула мысль: полет неудачный.

Торпедоносец остановился в конце полосы, и когда мы подъехали на дежурной машине, то, буквально вывалившийся из кабины командир, устало проговорил:

- Помогите выбраться Антипичеву. Он ранен.

Мы осторожно вынесли радиста и на машине отправили в санитарную часть. Затем стали осматривать самолет. И невольно воскликнули, увидев большую пробоину в кабине около места радиста. Францев на нашу реакцию усмехнулся. Потом, не скрывая восхищения, воскликнул.

- Ну и живуч наш самолет! - и похлопав меня по плечу, добавил, - Благодаря вашим стараниям, товарищи механики. Спасибо! Представьте, когда снаряд ударил в борт, у меня штурвал вырвало из рук. Самолет - вправо! Мотор чуть не захлебнулся! Ну, думаю, шлепнемся в море, да не зря - фашистскую подлодку потопили.

У нас всех глаза расширились. Как? Опять такую важную фашистскую акулу пустили на дно. Вот это здорово!

- Потом смотрю, рановато собрался помирать, - продолжал Францев. - Хотя и теряем скорость, все же летим. Еще и сфотографировали последствия взрыва. Но добрались уже кое-как. Устраняй, Васильич, повреждения. Завтра наша славная птица должна быть в строю.

Самолет отбуксировали на стоянку, тщательно осмотрели. И поразились: как он дотянул до аэродрома? Тяги управления во многих местах посечены осколками и держались буквально на

Гвардии лейтенант Е. Францев после награждения вторым орденом Красного Знамени.

волоске. Вырвана проводка, перебиты трубки кислородной системы. Разбит люк покидания, нарушено управление пушками. И еще много различных повреждений. Всего обнаружено 64 пробоины.

На помощь нашему экипажу техников инженер прислал еще специалистов. Распределились на две группы. Одну возглавил лейтенант Яков Аржанов, очень опытный авиатор, первый в полку среди нас, техников, награжденный медалью "За боевые заслуги". Его группа отремонтировала правый мотор.

Второй группой руководил старший лейтенант Алексей Котов-

ский, тоже технически весьма грамотный и исключительно трудолюбивый. Впоследствии его заслуги были отмечены орденом Красной Звезды.

Предполагалось, что работать будем в две смены, чтобы получать отдых. Но когда взялись за дело, причем все вместе, об отдыхе, можно сказать, забыли. Только один раз коротенько передохнули, когда пришли Францев и Галкин узнать о состоянии машины. Сказали, что раны у Антипичева не опасные: скоро поправится и опять будет летать. И тоже подключились к ремонту.

Через сутки самолет был восстановлен. Экипаж поднял его в воздух для пробного облета. Замечаний не нашлось.

Ну, а как отнеслись к подвигу Францева и его боевых товарищей однополчане?

Большинство пилотов поздравляли и радовались, особенно молодые. А начальство буквально опешило. Даже рассердилось.

- Как, опять подводная лодку? Вы что там с ума сошли? Удивить кого-то хотите, что ли!

Срочно проявили фотопленки. На первом видны эсминец и две подводные лодки. На втором, хотя и сильно вдалеке, можно было различить тот же эсминец и одну подводную лодку, от второй - темной пятно. Специалисты по фото определили: лодки-немецкие. К тому же вскоре наши агенты передали в штаб флота, что наблюдали за этим боем и видели гибель фашистской подлодки.

Вообще-то на Северном флоте из летчиков больше никто не покушался на них. Возможно, отчасти, потому, что командование запрещало нападать на них. Изучая журнал боевых действий 9-го полка только за март 1944 года, я прочел до десяти предупреждений: подводные лодки не атаковать, в каком бы положении они не были. Доносить о них по радио на КП.

Невольно встают два вопроса. Первый, почему летчикам запрещалось пытаться уничтожать эти опаснейшие для наших морских судов и очень ценные для фашистов мощные подводные суда?

Скорее всего потому, что в инструкциях того времени о нападении самолетов на подводные лодки не было ни слова, ибо это считалось бессмысленным, даже невозможным. И, конечно же, послушные существующим морским правилам штабисты не могли и представить, что военная обстановка может внести существенные поправки и найдутся отважные люди, которые смело нарушат устаревшие доктрины и внесут новое, неожиданное и более эффективное в военно-морскую тактику. Такие люди на первых порах воспринимались как нарушители "спокойствия инструкций", на них смотрели как на желающих покрасоваться. Недаром экипаж Францева встретили почти оскорбительной оценкой подвига.

- Удивить кого-то хотите!

Второй вопрос: почему Францев решительно атаковал подводные лодки, нисколько не думая о запрещающих инструкциях? Ответ отчасти уже дан выше: потому что он и был из тех отчаянно смелых людей, преданных долгу, а не догмам. Он не мог взвешивать и рассуждать в боевой обстановке, как, впрочем, и большинство истинных патриотов-летчиков, на кого надо нападать, а кого не велено трогать. Он видел врага и шел на него с единой страстью - победить, уничтожить. Каким бы неуязвимым или сильным этот враг не был. А о бессмысленности или невозможности нападения решал в конкретной обстановке ре-

ально, здраво. Бравады в нем никогда не было. Зато всегда был точный расчет, высокое искусство маневра и ... русская отвага. Конечно, она нередко граничила с отчаянной смелостью, но она чаще всего и приносила победу. Она украшала воина.

Но награда все-таки находит героев. Подвиг экипажа Францева был оценен по достоинству. За потопление второй подводной лодки врага Францев и Галкин были представлены к орденам Красного Знамени, а Антипичев - ордену Отечественной войны II степени. Любопытная деталь: в наградном листе Францева в разделе "Заключение Военного Совета" первоначально было напечатано: "Наградить орденом Ушакова II степени". Но адмирал Головкин черными чернилами написал: "Наградить орденом Красного Знамени"

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Летчика 2 авиаэскадрильи 9 Гвардейского МТАП 5 МТАД ВВС СФ Гвардии Лейтенанта ФРАНЦЕВА Евгения Ивановича

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В Отечественной войне участвует с июля м-ца 1943 г. За этот период имеет 20 боевых вылетов, в ходе которых: -

21 января 1944г. атаковал, торпедировал и потопил в районе о-ва Инге подводную лодку противника (Опер. сводка ШВВС СФ № 21). За образцовое выполнение боевого задания, за лично потопленную подводную лодку противника награжден орденом "Красного Знамени".

После награждения: -

4 марта 1944г., вылетая в крейсерский полет на поиск и уничтожение боевых кораблей противника в районе севернее о-ва Квалей обнаружил 2 подводные лодки в охранении 1 миноносца. Тов. ФРАНЦЕВ умелым маневром, несмотря на интенсивный огонь с миноносца и подводных лодок противника, вышел в атаку и с короткой дистанции торпедировал и потопил вражескую подводную лодку. При отходе от цели самолет также был подвержен интенсивному обстрелу огнем ЗА, в результате чего получил прямое попадание в правый борт фюзеляжа, осколками повреждена правая мотогондола, пробит пневматик правого колеса и стрелок-радист - Гвардии Ст. Сержант АНТИПИЧЕВ легко ранен в правую ногу.

За самоотверженное выполнение боевых заданий Командования, за лично потопленную подводную лодку противника и проявленные при этом отвагу и мужества достоин представления к

правительственной награде - ордену "КРАСНОГО ЗНАМЕНИ".

КОМАНДИР 9 ГМТАП 5 МТАД ВВС СФ

ГВАРДИИ МАЙОР

11 Марта 1944г.

(ЛИТВИНОВ)

КОМАНДИР 5 МТАД ВВС СЕВЕРНОГО ФЛОТА

ПОЛКОВНИК

16 марта 1944 г.

(КИДАЛИНСКИЙ)

II. Заключение вышестоящих начальников.

За личное потопление подводной лодки противника и проявленные при этом мужество и отвагу - достоин Правительственной награды. Ходатайствую о награждении орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

КОМАНДУЮЩИЙ ВВС СЕВ.ФЛОТА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АВИАЦИИ:

(АНДРЕЕВ)

11 марта 44г.

III. Заключение Военного Совета Флота

Наградить орденом Красного Знамени

Командующий Северным флотом

Адмирал:

(ГОЛОВКО)

3 апреля 1944г.

Как молоды мы были

Архивные документы раскрывают март 44 года как самый напряженный в боевой жизни Евгения Францева. Приводим некоторые записи из “Журнала боевых действий полка”.

4 марта. Приказ: вылететь на “свободную охоту”. В результате - потоплена подводная лодка неприятеля.

5 марта. приказ: вылетать на “свободную охоту”. Каким образом он был выполнен - неизвестно.

6 марта. 10 часов 14 минут. Взлет самолета № 26 в крейсерский полет на “свободную охоту”. Экипаж - Францев, Галкин, Антипичев. Вернулись из-за плохой погоды. Туман.

8 марта. В этот день Евгению исполнилось 22 года. И в этот день он в паре с капитаном Гусевым повел самолет в район, где воздушная разведка обнаружила немецкий караван. Летчики вышли на него в 19.20 вечера: плотной колонной по водной глади двигалось 12 кораблей. В середине три больших транспортных судна, по бокам семь сторожевых и миноносцев, впереди тральщик.

Увидев караван, летчики быстро сориентировались, благодаря низкой облачности и снежным зарядам скрытно подлетели поближе и, выбрав самые выгодные для атаки направления, уже через 6 минут стремительно спикировали на головной транспорт, водоизмещением 8 тысяч тонн. На судах не успели опомниться, как торпедоносцы были уже в полукилометре от цели, одновременно выстрелили торпедами и моментально унеслись в стороны. Затем пролетели над караваном еще раз. Стрельба с кораблей не причинила им вреда. И, как записано в донесении Гусева и Францева: “Экипажи наблюдали после атаки взрыв транспорта. При повторном заходе для просмотра результата атаки видели большой пожар: пламя огня с густым дымом. Противодействие с кораблей: сильный зенитный огонь и стрельба из пушек. У нас повреждений нет.”

13 марта. Время 11.20. Доклад мл. лейтенанта Францева после утреннего полета: дошли до острова Инге. Кораблей против-

ника не видели. Но обнаружили подводную лодку. При нашем приближении поспешно погрузилась.

14 марта. Из доклада командира экипажа самолета № 26 Францева: в пяти километрах северо-восточнее мыса Кельнер атаковали транспорт, водоизмещением 1500 тонн...

Вот что рассказал об этом полете впоследствии (21 апреля 1995 года) Павел Андреевич Галкин. “Залетели мы в коммуникации гитлеровцев не с моря, а с суши. Миновали полуостров Варангер и Нордкап и когда проходили над береговой батареей зенитчиков, то те никак не ожидали советского самолета с юга. Мы пронеслись на высоте 40-50 метров, зенитчики спохватились, начали пальбу из крупнокалиберных пулеметов, но наш самолет уже был недосыгаем.

Батарея располагалась на высоком скалистом берегу и когда мы, оставив ее позади, вылетели в море, то оказались на высоте метров 400. И тут же увидели, плывущие впереди, километров в двух большой транспортный корабль и два охранных судна, один - транзик, другой поменьше, сторожевой.

Раздумывать было нечего и я сразу крикнул Францеву:

- Командир! Быстро снижаемся на боевой курс! Атакуем транспорт!

И сам начал прицеливаться. Евгений стремительно повел самолет к цели и через несколько секунд мы были от воды уже метрах в пятидесяти, а от кораблей - в полукилометре. Сбросили торпеду и тут же автоматически сработал фотоаппарат. Наш самолет пронесся над судами под огнем корабельных пушек и береговых зениток, счастливо избежав их “гостинцев”. Находившийся в кабине Антипичев, которому хорошо видно, что делается позади, воскликнул:

- Корабль взорвался! Женя, давай развернемся и сфотографируем что от него осталось.

Ушли из зоны огня. Развернулись и видим издали: транспортное судно окутано большим белым облаком. Вид красивый. Неужели такой мощный взрыв? Подлетаем ближе и что же: облако рассеивается, вырисовываются мачты, затем весь корабль. Вот тебе на! Корабль-то на плаву. Удержался. Так что фотографировать нечего.

Охранные суда обрушили на нас шквал огня. Добывать корабль было нечем и мы полетели домой. Доложили подробно обо всем. Рассказывали и сами недоумевали - как это транспорт остался цел. Взрыв-то был!

Послали разведсамолет. Вернувшись, летчик рассказал, что корабль сильно поврежден, буксир тащит его в порт. Но резуль-

тат атаки нам все-таки не засчитали, хотя вражеское судно из строя мы вывели. Возможно, навсегда.”

24 марта. Лейтенанту Францеву вылететь в крейсерский полет на поиск и торпедирование кораблей противника. Дойти до о. Инге. ПЛ по маршруту не трогать. Осмотреть место (Ш 70°51', Д 29°34'). При обнаруживании ПЛ донести по радио.

Вот такая диспозиция!

Ход этого полета в документах не отражен.

Экипаж неразлучных друзей

Зима в Заполярье долгая. В марте еще вовсю гуляют вьюги и обрушиваются снегопады. В конце месяца три дня не прекращалась пурга. Ветер взвихривал снег и валил с ног. Кочующие сугробы то вырастали у землянок и капониров, то исчезали, перекинутые ветром дальше.

Но у пилотов время зря не пропадало. Францев и Галкин нередко бывали вместе, читали, изучали английский язык. Впрочем, свободное время они большей частью этому и посвящали.

“Неразлучные друзья, - говорили про них в дивизии. - Всегда вместе - на аэродроме, в воздухе, в часы отдыха в Доме флота.” У обоих непрекращающаяся тяга к знаниям, постоянная жажда поиска нового, необычного, неожиданного для неприятеля в тактических действиях торпедоносцев.

Галкин, как штурман, дотошно изучал географию побережья Баренцева моря. Под крыльями своего самолета он знал очертания всех фиордов. Возвращаясь из полета, сверял увиденное с картами, анализировал возможности новых маршрутов, искал оригинальные, эффективные ходы. Нередко он обращался за советом к Евгению и оба увлеченно обсуждали возникший новый вариант крейсерского рейса. Они даже внешне походили друг на друга: оба круглолицые, узкоглазые, с озорными взглядами, задорные в любом деле. Энтузиазм одного заражал не меньшей целеустремленностью и другого.

Галкин чуть-чуть завидовал Францеву в том, что тот - член партии, а Павел еще не состоит в рядах этой гвардии. И понять его не трудно. Молодой офицер, как многие его сверстники, всем сердцем стремился на передний край борьбы и деятельности,

Евгений Францев и Петр Гнетов тоже были большими друзьями.

как на войне, так и в труде и, конечно же, вступление в партию коммунистов было для него не только почетно, но, главное, ответственно. У него будто вырастали крылья.

И однажды перед полетом (это было уже в начале апреля) Галкин обратился к парторгу полка Гнетову.

- Я буду коммунистом. Вернусь из полета - подам заявление о вступлении в партию. Рекомендации дают мой командир Францев и комсомольская организация.

Полет в этот день принес экипажу большую победу - пустили ко дну транспорт водоизмещением 8000 тонн.

Галкина приняли в партию. Как и Францев он стал коммунистом. Это было в духе того времени, было необходимо в те грозные дни, когда вступление в партию для рядовых советских людей, большинство из которых искренне верили в светлые идеалы коммунистического будущего, означало новый важный этап в их жизни, налагавший большие требования и необходимость быть во всем выше обычного человека.

И Галкин действительно определенно изменился.

- Тот, кто не знал близко Павла, - вспоминал лейтенант Лебедев. - Может и не заметил этого. Но от нас, его близких товарищей, не укрылось, что он стал серьезнее, вдумчивее.

- Павел как бы окрылился, - рассказывал Антипичев. - Од-

нажды захожу в землянку, он читает книгу о Зое Космодемьянской. И говорит мне: в дневнике Зои записаны замечательные чеховские слова о том, что в человеке должно быть все прекрасно. Лицо, одежда, душа, мысли. Именно таким быть и должен стремиться коммунист.

Искренне, с душой, Галкин принял партийное поручение - помогать молодому пополнению осваивать боевой опыт старших, воспитывать дух патриотизма, разжигать отвагу. И, надо сказать, выполнял это умело и вдохновенно. Его беседы и рассказы на собраниях проходили интересно, непринужденно. Без сомнения, в Галкине проявились способности вести разговор от всей души и убедительно доказывать. Однажды на комсомольском собрании он создал атмосферу такого откровенного и горячего обсуждения, что оно превратилось в митинг-исповедь и мало кто из присутствующих остался равнодушным, все буквально клялись яростно сражаться с врагом.

У Францева была небольшая библиотека: несколько десятков книг, среди них немало о морях и летчиках. Галкин перечитал все до одной. А потом, как и Евгений, при случае, пополнял библиотеку. Между прочим, оба они, по очереди, иной раз и вместе штурмовали учебник для начального чтения на английском языке.

21 марта в газете "Североморский летчик" были опубликованы статьи капитана А. Черняева "Гвардеец - образец порядка и организованности" и передовица "Железная дисциплина - основа победы над врагом". Газета начала такой разговор не без причины.

Дело в том, что в первый день марта Францев летал по заданию в паре с летчиком Власенко. Далеко в море, самолет Власенко наскочил на ведущего - Францева. К счастью, все кончилось благополучно. Когда вернулись на аэродром и разобрали случившееся, Францев, как опытный летчик, определил причину и объяснил ее Власенко. А причина оказалась самая простая - ошибка в пилотажном маневре из-за невнимательности и неосмотрительности летчика. Следствие недостаточной внутренней дисциплины. Проще говоря, летчик выполнял разворот небрежно.

В связи с этим случаем состоялась конференция на тему "Боевой вылет гвардии лейтенанта Францева 1 марта 1944 года". Присутствовал весь летный состав 2-й эскадрильи. Речь шла не только о случившемся 1 марта, а также о других происшествиях, - о разнообразии летных ситуаций, в которых главное усло-

вие успеха - железная дисциплина.

В газетной статье тема дисциплины была еще больше расширена. Для нас статья интересна тем, что весь ее материал основывается на нравственном и духовном багаже нашего героя - Евгения Францева. Вот, к примеру, некоторые выдержки.

“У Францева после тяжелого полета или напряженной работы короткий отдых. Но если раздастся телефонный звонок в землянке и его требуют на аэродром, он быстро собирается и спешит на КП. Однако в части не все такие исполнительные.

Сосед Францева, штурман Грачев, наоборот, не торопится. Его медлительность, а точнее расхлябанность, вызывает раздражение даже у товарищей по экипажу.

Четкость и дисциплинированность Францева сказываются во всем и хорошо влияют на товарищей, на тех, кто летает или работает вместе с ним. В первую очередь - на боевых друзей по экипажу. Дисциплина для них, особенно в боевой обстановке - закон. Галкин и Антипичев отлично дополняют действия командира при решении боевых задач, потому что точно и согласованно выполняют его распоряжения.

И не только в обстановке сражений с неприятелем. Антипичев постепенно заразился принципиальностью командира по отношению к нерадивым и нарушителям дисциплины. Не постеснялся раскритиковать на собрании своего близкого товарища младшего лейтенанта Вездена за не совсем достойное для офицера поведение.

Антипичев по собственной инициативе (никто его не просил) решил вести воспитательную работу среди младших командиров, предложил себя в агитаторы. И что же? Его беседы и читки, как и занятия товарища по экипажу, штурмана Галкина, проходили так интересно и необычно, что им можно было позавидовать.

А командиру этого славного экипажа Евгению Францеву партийные соратники подразделения доверили пост вожака - парторга эскадрильи.”

Война войной, а жизнь-то хочется

Но что интересно, Францев, несмотря на это доверие, свои достоинства оценивает весьма скромно. Читаем запись в его дневнике за 27 марта.

“Письмо от Катюши получил. Катенька родная! Когда я тебя увижу! Но я еще не заслужил этого. Не то, что ты: уже секретарь райкома ВЛКСМ, а я - только рядовой-пилотяга. Хотя и назначили командиром звена, парторгом эскадрильи, но ведь другие ребята быстрее растут! Вот Рассадник, Бурматов героями скоро будут. А у нас редко кто доживает до тех пор, когда присвоят это звание. По-моему, даже те, кто побывал только в трех атаках, достойны большого уважения. Это смелые, особые люди. Ведь каждая атака - море огня. И кто выходит из него целым, испытывает второе рождение, как бы воскресает из смертельного шквала.”

И неудивительно, что другая его запись в дневнике дышит утомленностью от бесконечных воинских дел, зачастую смертельно опасных, в которых человеческая воля держится только на беспредельной, можно сказать, фанатичной вере в необходимость и правоту действий.

“Устали мы здорово, - читаем далее. - Ведь уже целый месяц (это был март) с утра до вечера на аэродроме. Встаем в пять утра, а возвращаемся в восемь вечера. Обедаем на аэродроме, где условия для этого плохие, как в конюшне. Еда холодная, перемешанная, пролитая. И почему-то больше всех достается нам с Гарбузом. И дежури́м вместе, и “охотимся” по 4-5 часов. Только все-равно переносим все спокойно. Привыкли. А молодых жаль! Как переживают гибель товарищей, как трусят перед первой атакой. Вспоминая, как дрожали Сушицкий и Николаев, когда поступил приказ на вылет и никто не знал, что это всего лишь уче-

ние. И даже Литвинов сильно побледнел, потом с досады матерился.

Что же трусите, друзья? Учитесь умирать спокойно. Но зря жизнь не отдавать, бороться за нее из всех сил - умом, смелостью, а главное умением стремиться побеждать в любых условиях. Если же погибнуть, то героически, загнать в гроб столько врагов, сколько их будет перед глазами. Но как молодым ребятам вкоренить все это в сознание? Впрочем, они все понимают, но ... все-равно боятся."

Пытается Францев разобраться и в своем состоянии. С грустью отмечает:

"Чувствую себя физически неважно. Все внутри побаливает; появилась усталость, вялость.

А мне ведь только 22 года. Был на медкомиссии. Сказали, надо отдохнуть, написали даже заключение: в отпуск. Но в нашей дивизии не отпускают тех, кто работает, не жалея себя. Вытуривают подхалимов и комбинаторов, таких как Вездень, Петренко, прикидывающихся неумехами или дурочками. Что с них взять?

Ну, а я просить об отпуске не буду. Было заикнулся, а мне в ответ - жди очереди. Что ж, подожду очереди. Но куда? На дно Баренца - не хочется, а домой - не пускают. Ладно, может боевыми делами заслужим. Да и перед ребятами неудобно - в такое время уезжать в отпуск. Сейчас каждый экипаж на счету."

К этому времени, то есть к весне 44 года, Евгений не только стал опытным и умелым летчиком торпедоносца, но и полностью вжился в быт аэродромного лагеря, свыкся с привычками и правилами, царствующими в среде летчиков.

В одном из писем Екатерине рассказывает.

"Я не думал, что землянку, в которой мы живем, можно сделать такой уютной и красивой, как дворец персидского шаха. У нас здесь баян, гитара. В свободное время играем, поем, вспоминаем родных, любимых девушек."

В другом письме откровенно сознается, что стал курить. Рассказывая о себе, рассуждая, вставляет: "что-то папираса гаснет второй раз - неужели сейчас ты меня вспоминаешь?"

Через несколько строчек прибавляет: "опять потухла, черт бы ее побрал!" И, наконец, еще раз возвращается к гаснущей папиресе: "Ну, это уже интересно - вновь огонек пропал! Значит, точно вспоминаешь обо мне. У нас так курильщики считают. Я недавно научился курить, а уже привык. Как тебе это нравится? Да теперь уж все равно, нравится или не нравится."

И не только курить. Не миновала Евгения и спиртная чаша.

Впрочем, иначе и быть не могло. Хотя он во многом отличался от сверстников, но во многом был как все. В естественных увлечениях и даже слабостях таких же, как он, молодых парней.

Сознается, правда, что всего лишь чуть-чуть научился пить водку. С наивной откровенностью в письме заявляет: нам положено по 100 граммов после полета. Не выплескивать же их!

Разумеется, аэродромно-казарменная жизнь, боевые вылеты, каждый из которых мог граничить между жизнью и смертью, страшное психологическое напряжение требовали расслабления, хотя бы короткого отдыха...

“Вчера рано ушел из клуба, - пишет в одном из посланий Евгений. - Был сильно навеселе, отмечали последние победы наших именинников. Танцевали. И я немного. Потом смотрел кино “Парень из нашего города”.

В следующем письме.

“Праздник октября отмечали весело. Пировали. Потом, в 4 часа сели за стол, с шумом и смехом стали забивать козла. Совсем не поэтично? А что делать, если здесь уже в 16.00 темно. Полярная ночь.”

Вот еще строчки из письма.

“Часто выпивать не хочется, но ради товарищей, мой первый тост: “За Индию!” Просто по привычке, запомнил из какой-то картины. Вместо того, чтобы прочитать:

Так наливай, брат, наливай,

Да все до капли выпивай.

Вино, вино, вино,

Оно на радость нам дано!

И, правда, оно веселит в хорошей, дружной компании боевых товарищей.”

Интересно и такое высказывание Францева в дневнике 27 марта 1944 года. “Вчера сказал Тоне, чтоб меня не тревожила и не распускала сплетни. Вот баба пристаёт. Надоело что ли с генералом путаться, так нас, грешных, хочет окрутить.”

Конечно же, почти машинально Евгений отдавался обычной жизненной атмосфере своих боевых товарищей, но во многом все-таки был не таким как все, выделялся как в бою, так и на отдыхе. Его друг по экипажу, штурман Павел Галкин, вспоминая впоследствии, заявил: когда я сейчас представляю Евгения, то вижу его либо за штурвалом, либо за книгой.

Страстное увлечение чтением самых разных книг, появившееся у Евгения в юности не уменьшалось и в суровые военные годы.

“Почти все свободное время Францев уделял чтению. - рассказывал Галкин в статье, опубликованной 31 января 1945 года в газете “Североморский летчик! - И мы, жившие с ним в одной землянке, не могли не подражать этому. А он старался, чтобы прочитанные им книги заинтересовали и нас. Был инициатором обсуждения этих книг. Как-то, прочитав повесть Горбачева “Непокоренные”, спрашивает у меня:

- А ты читал?

- Нет.

Евгений почти торжественно вручает мне эту книгу и говорит:

- Прочитай внимательно. Это одно из лучших литературных произведений последнего времени.

Мне повесть тоже понравилась и потом Евгений делился о ней впечатлениями.

Помню еще, что наиболее интересные места прочитанных книг Евгений переписывал в тетрадь. И с таким увлечением рассказывал о понравившейся повести или романе, что в землянке не оставалось никого, кто бы не прочитал их. Он даже на аэродром являлся с книгой подмышкой и устраивал читку среди летчиков и техников.

Правда, кое-кто из офицеров на предложение Евгения прочесть ту или иную книгу отвечал:

- Сейчас не до романов. В условиях войны нет надобности увлекаться литературой, не относящейся к специальности. Достаточно занятий и мероприятий, которые проводят командование и политработники. А если выпадет свободная минута - надо отдыхать.

Евгений от души досадовал на такие ограниченные суждения. Горячо доказывал:

- Офицер обязан быть не только хорошим военным специалистом, но и высококультурным и образованным человеком.

И с улыбкой добавлял.

- А чтобы лучше отдохнуть не только физически, но и психологически, сбросить напряжение после тяжелого полета, почитайте интересную книгу, какой-нибудь роман для души. И будьте уверены, вы расслабитесь, отвлечетесь и морально прекрасно отдохнете.

Но вместе с тем Евгений нередко повторял, что читать надо и другую литературу. Не только для отдыха и развлечения, то есть художественные романы и повести, а также научные и политические книги. Необходимо вдумчивое, серьезное отношение к

чтению исторических и военных исследований, научно-популярных книг, даже философских произведений, говорил, он. Это необходимо для расширения военного и общего образования офицера.

Я тоже увлекался интересами Евгения. Вместе с ним следил за всеми новостями, как политическими, так и научно-техническими. Пожалуй, мы с ним всегда были первыми читателями всех журналов на эти темы, которые поступали в библиотеку клуба.”

Поведать о том, что знал и умел.

Тяга к серьезному чтению, стремление анализировать, добираться до глубины изложенного, невольно влекли Францева к желанию и самому через слово на бумаге передать товарищам по оружию накопившийся летно-воинский багаж. И он пишет статью “Тактические приемы крейсеров-охотников”. В ней изложен как собственный опыт, так и других воздушных асов полка торпедоносцев.

Статья, к сожалению, не была опубликована, так как Францев не завершил ее. Но наброски сохранились. Приводим выдержки из них.

“Преимуществом крейсерского полета является то, что хорошо подготовленный экипаж может обнаружить конвой противника в дальних фиордах и на дальних коммуникациях. Причем появление самолета-торпедоносца, как правило, оказывается для противника неожиданным. Угроза наших торпедоносцев вынуждает противника максимально растягивать охрану своих коммуникаций. Держать в постоянной готовности береговую и зенитную артиллерию, а также команды кораблей на большом протяжении (от Тромсе до Киркенеса). Постоянная угроза появления наших самолетов-торпедоносцев держит конвои под непрерывным страхом, снижает их моральное состояние.

Следующее преимущество крейсерского полета в том, что самолет-“охотник” может полностью использовать метеорологическую обстановку, выбирая наивыгоднейшие условия для атаки. Он может вылететь незамеченным со стороны берега, из-за острова, со стороны солнца, а также из зарядов. Любые метеорологические условия таят в себе возможность их выгодного использования для атаки.

Крейсерский полет, обычно рассчитываемый на дальний радиус, позволяет наносить удары по наиболее крупным целям, ибо в ближних районах они попадают сравнительно редко, к

тому же под сильным прикрытием. В дальних же районах противник обычно снижает охрану. Нередки случаи, когда крупные транспорты или танкеры там следуют вообще без охраны. На дальних коммуникациях отсутствуют и истребительское прикрытие, что также облегчает действия самолета-торпедоносца”.

Далее Францев подробно останавливается на качествах, которыми должны обладать члены экипажа торпедоносца - ”охотника”.

“1. Летчик должен безукоризненно владеть техникой пилотирования, уметь 5-6 часов вести машину в сложной метеорологической обстановке, при этом на малой высоте. Готов на осмысленный риск при атаке кораблей и преисполнен воли к победе. Весь полет пронизан для него одной мыслью: обнаружить и потопить! Но не только уничтожить врага, но и сохранить экипаж и самолет.

Летчик, как и штурман, обязан отлично знать район полета и ясно представлять обстановку, хорошо знать все базы противника, их противовоздушную оборону, расположение наблюдательных постов, отлично представлять систему противовоздушной обороны береговой черты противника.

2. Штурман должен отлично владеть способами самолетовождения, досконально изучить конфигурацию берегов противника с бреющего самолета, уметь применять все способы ориентировки. Желательно, чтобы перед вылетом он имел возможность подробно изучить синоптическую карту текущего дня.

3. Стрелок-радист должен быстро и четко передавать и принимать радиogramмы, обеспечивая экипажу непрерывную и бесперебойную связь с землей.

4. Экипаж в целом обязан обладать хорошей осмотрительностью. Ведь самолет, находящийся в полном одиночестве у берегов противника, может в любую минуту подвергнуться нападению истребителей врага. Экипаж должен быть отлично слетан, представляя единое целое.”

К тому времени, когда Францев накопил значительный боевой опыт, прибыло много новых экипажей из училища. Францев стремился передать молодежи все, что знал и умел сам.

Потопили и сфотографировали

Боевая активность североморской авиации весной 44 года возрастала. Это стало одним из тех мощных устремлений советских вооруженных сил, которые уже повсюду уверенно шли к победе. Перед Северным флотом были поставлены определенные задачи в директиве Верховного главнокомандующего от 1 апреля.

Они требовали: систематически наносить бомбовые и штурмовые удары по базам противника с целью разрушения портовых сооружений и парализации немецкой авиации, сведения к минимуму ее налетов на наши объекты и конвои судов; постоянно прерывать коммуникации гитлеровцев вдоль северного побережья Норвегии и в Варангер-фиорде действиями всех сил флота, а в ближайшее время быть готовыми к активному применению торпедных катеров на неприятельских коммуникациях под прикрытием и взаимодействием с авиацией, к нанесению ударов по конвоям противника торпедоносной, бомбардировочной и штурмовой авиацией в тесном их взаимодействии, к организации повторных ударов по обнаруженному разведкой конвоем немецких кораблей до полного их уничтожения; всеми силами и средствами содействовать войскам Карельского фронта.

Общее воодушевление победным наступлением советских войск на всех фронтах, конечно же, возбуждало и вдохновляло и летчиков-торпедоносцев. Многие из них буквально рвались в бой. Такой энтузиазм непременно вознаграждался. Пример тому - очередной подвиг Францева. Перед нами скупые записи в журнале боевых действий 9-го полка за 2 апреля.

“02 ч.20 м. Вызвать экипаж лейтенанта Францева к 03 ч. 30 м. на КП-2

03 ч. 30 м. Экипаж Францева прибыл на КП.

03 ч. 50 м. Получено “добро” на вылет “охотника”.

04 ч. 15 м. Взлет самолета № 26 на “свободную охоту”.

09 ч. 15 м. Получено от самолета А-20 Ж № 26 “Возвращаюсь. Дайте курс”.

09 ч. 32 м. Посадка самолета А-20 Ж № 26.

14 ч. 30 м. Получена телефонограмма от командующего ВВС СФ: “Торячо поздравляю славных гвардейцев с крупным боевым успехом - потоплением ТР 10000 тонн водоизмещения. Ходатайствую о награждении вас и всего экипажа. Благодарю за проявленную настойчивость, в результате которой достигнута полная возможность фотографирования результатов атаки. Андреев.”

А вот как все происходило.

Францев и его товарищи по экипажу накануне спать легли рано, так как знали, что на другой день им предстоит боевой вылет. А ночь выдалась ненастная. Шли снежные заряды, постоянно наваливаясь на приземистое жилище летчиков. От этого усиливался ветер, завывая в печной трубе. Но в тесной землянке было тепло и уютно.

Чуток солдатский сон. Любая команда, даже шепотом, сразу отбрасывает сновидения. Так и на этот раз. Скрипнула дверь. Прозвучало одно слово.

- Время.

Галкин первым выглянул из помещения и радостно сообщил.

- Погода, как по заказу!

Точно в назначенное время экипаж выстроился у воздушного лайнера. Техники и мотористы заканчивали его подготовку к полету. Серебристое тело торпеды вытянулось под фюзеляжем. Подъехал майор Литвинов. Хозяйским взором окинул самолет, задал несколько вопросов летчикам и на прощание сказал.

- Не надейтесь на хорошую погоду. Туда дальше над морем низкая облачность. Соображайте, как ее лучше использовать. В общем действуйте разумно. Ты, Францев, умеешь это делать. - добавил он с улыбкой.

- Нас не ждут, но мы придем! - шутливо заметил тот, занимая свое место в самолете.

Гул мотора наполнил аэродром. И вот торпедоносец уже в воздухе. Вскоре он окунулся в легкую дымку тумана, все более расползающегося над морем. И чем дальше, тем больше ухудшалась видимость. Появились облака. Они надвигались все больше и больше. Францев опускал самолет под них, прижимаясь к воде так, что временами казалось, будто лайнер готов врезаться в пенящие волны и уже срывает пену с их гребней.

На такой малой высоте обзор моря очень ограничен. Напрасно все трое из экипажа напряженно всматривались в кромку водной поверхности, время летело, как и самолет, но море остава-

лось пустынным. По часам пора было за-вершать "охоту". Да и горючего оставалось немного. И все-таки не хотелось возвра-щаться вхолостую.

- Просмотрим вон те фиорды, - кивнул в сторону скалистых гор Францев.

Торпедоносец взмыл вверх и про-неся вдоль несколь-ких узких заливов с высокими обрывис-тыми берегами, ухо-дящими в глубь зем-ли. Облетели немец-кую базу. Слева по-прежнему уныло тя-нулась ломаная гряда гор. Черные скалис-тые стены в иных местах вздымались к небу на километр-полто-ра.

- Мессеры! - тревожно доложил Галкин.

- Вижу, - спокойно отвечал Францев.

Он направил самолет вверх, ближе к облакам, чтобы нырнуть в них, если истребители, которых было два, заметят самолет.

Но этого не случилось, и торпедоносец продолжал поиск. При-близились к берегу, всматриваясь во все прибрежные извилины, причудливо обрамленные высокими, хмурыми скалами. Нет, ни-чего не видно.

А баки с каждой милей лета становились легче. Стрелок-ра-дист начал беспокоиться.

- Не пора ли нам домой, товарищ командир!

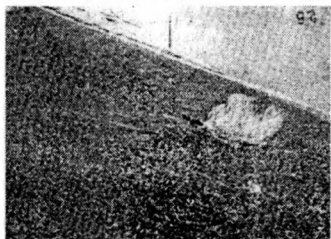
Францев вздохнул.

- Конечно, пора. - Однако тут же добавил. - Напоследок про-верим вон тот уголок, а потом видно будет.

Пролетели "уголок", оказавшийся тоже пустым, и поднялись повыше, чтоб бросить последний взгляд из-под небес и под ко-нец обозреть все вокруг. Иными словами, Францев до предела

На очередной вылет. Францев занимает свое место в кабине самолета.

*Фотографии торпедирования
немецкого танкера, водоизмеще-
нием 10 000 тон.*

использовал возможности торпедоносца и сполна - арсенал тактических ходов. Его настойчивость была вознаграждена.

Впереди, по курсу самолета, плыл большой корабль. Один. Без охраны. Он прижимался к самому берегу, фон которого скрадывал его очертания. Несколько мгновений вся троица экипажа, замерев, всматривалась в это удлиненное судно.

- Вижу корабль! Атакуем! - жестко произнес Францев, теперь уже не теряя ни секунды.

Резко снизив самолет, он избрал наилучший для атаки курсовой угол. И не забыл включить фотоаппарат. Потому что именно в этом полете решил обязательно сделать хороший снимок торпедного уда-

ра. Снимки-то уже делали, но они были не совсем удачные.

Как потом Францев рассказывал в статье для газеты "... экипаж давно уже собирался произвести фотографирование результатов своих торпедных атак. Но все как-то не представлялось случая. То противник открывал буквально ураганный огонь из корабельных и береговых орудий, не давая никакой возможности сделать повторный заход; то фашистские истребители набрасывались на торпедоносец и нам с большим трудом приходилось уходить от преследования. А когда обстановка позволяла повторно заходить на цель, фотографировать было нельзя вследствие наступления темноты.

Незадолго до этого вылета мы договорились с экипажем Маркова и, в частности, с гвардии капитаном Толкачевым о том, чтобы при первом возможном случае обязательно зафиксировать результаты атаки. Каждый из нас стремился первым привезти хороший фотоснимок.

Уходя в полет 2 апреля, мой экипаж твердо решил доставить снимок, по которому легко было бы судить о точности попадания торпеды. Еще на земле я тщательно проверил аппаратуру - она работала исправно. В районе цели все способствовало практическому претворению решения. В момент сбрасывания тор-

педы сфотографировал цель.”

На корабле царило спокойствие. Немцы, видимо, совершенно не думали о появлении в здешних водах смертоносных советских железных птиц и не успели даже поднять тревогу. А торпеда стремительно понеслась на танкер.

Подробно вспоминает об этом П.А. Галкин. Вот его рассказ курсантам Ейского училища 21 апреля 1995 года.

Сохранились две фотографии той атаки. На первой - остров Арне и корабль в момент залпа. На второй - взрыв, пожар на корабле. Когда нажимаешь на кнопку для выстрела торпедой, автоматически срабатывает и затвор фотоаппарата.

Я хорошо видел ход торпеды. Она сделала круг, потом резко пошла вперед... Сверху четко просматривался ее след на воде, пузырьки воздуха, которые образуются при работе газопаровой машины. Торпеда несется на глубине одного метра от поверхности, поэтому и остается след. Если волнение на море не более двух баллов, он виден отлично. Не только с самолета, но и сигнальщикам атакуемых кораблей. Они сразу же дают сигнал: “торпеда справа” или “торпеда слева”.

На этот раз немцы проспали ход торпеды. Я видел, как она мчится к курсу корабля и мысленно представлял, где они пересекутся. Но подойдет ли в это место танкер? Сначала было впечатление, что не подойдет и торпеда проскочит перед его носом. Или вдруг судно изменит ход! Однако резко изменить курс такой большой корабль не может. А торпеда километр покрывает за 60-80 секунд. Увильнуть от нее способны лишь некрупные маневренные суда - катера, сторожевые корабли. Такие же, как эсминец, крейсер или танкер, даже если рулевой переложит руль до отказа, еще 15-20 секунд движутся прямо, и только потом начинают менять направление.

Этим-то и пользуются подводники, так и мы, торпедоносцы. Если хорошо прицелиться и точно рассчитать угол выстрела, то большой корабль уже не увернется. Так получилось и на этот раз. Сближение шло синхронно, я уже представлял как торпеда ударит прямо в середину корабля.

Но что это? Кажется он ускорил ход и торпеда опаздывает, судя по пузырькам над водой. Но я не учел, что пока пузырьки проявятся на поверхности, торпеда уйдет вперед метров на триста. Ведь за секунду она проходит 20 метров, а пузырьки через метровый слой воды выходят наверх через 3-4 секунды. Но я еще не успел все это сообразить, как раздался взрыв.

Торпеда угодила в корму танкера. Огромный водяной столб

Взрыв в кормовой части танкера.

поднялся над кораблем. Корма отвалилась. Полетели в воздух обломки. А командир самолета уже делал разворот и вновь подлетал к тонущему судну.

- Момент самого взрыва зафиксировать на пленку я не успел, - рассказывал потом Францев. - Поэтому мгновенно развернулся и сфотографировал цель еще

раз. Снимок получился хороший: видны развороченная корма танкера и столб дыма. Ясно видно, что судно тонет.

“Прав был гвардии старшина Шелкопляс, который в своей статье высказался за то, чтобы снабдить стрелка-радииста фотопленкой, - продолжал Францев в газетном материале. - Я должен заявить, что опыт сегодняшнего фотографирования полностью подтверждает эту точку зрения Шелкопляса. Если бы у моего стрелка-радииста гвардии старшего сержанта Антипичева был “ФЭД”, то нам, безусловно, удалось бы заснять на пленку и самый момент погружения. Я уж не говорю о том, как важно иметь аппарат стрелку-радиисту, особенно в случаях, когда торпедоносец встречает сильное огневое противодействие.

Справедливость требует сказать, что гвардии капитан Кочелавский совершенно правильно поставил в своей статье вопрос о том, что в крейсерских полетах экипажи торпедоносцев вполне могут зафиксировать результаты своих атак.”

Возвратимся же к выше рассказанному эпизоду. Большой танкер водоизмещением 10000 тонн был уничтожен. Однако не успели летчики прийти в себя от этой победы, как пришлось вновь вступить в отчаянную борьбу, теперь уже за самолет, за свою жизнь.

С восточной стороны на торпедоносец ринулись два истребителя. Но командир самолета был начеку, сразу же направил машину в облачность и мессершмитты потеряли его.

Летчики вздохнули свободнее: теперь осталась одна задача - добраться до дома. Некоторое время все шло хорошо, лайнер спокойно летел вдоль норвежских берегов, окутанных сплошным туманом.

Но вдруг умолк левый мотор - отказала бензопомпа. К тому же перед этим стало трясти правый мотор. Положение станови-

лось опасным. Выход из него зависел от мастерства пилота. Выручила его находчивость.

- Качай бензин ручным альвеером! - приказал он штурману.

Сам же открыл кран кольцевания и мотор снова заработал. Галкин засучил рукава и без отдыха весь путь, не переставая, подкачивал бензин. Однако экипаж подготовил все необходимое и на случай, если самолет не дотянет до аэродрома и посадку придется совершать где угодно...

Аналогичная история произошла с экипажем гвардии капитана В.В. Пирогова. 18 декабря 1943 года он вылетел на "свободную охоту". У острова Ролфсей обнаружил караван судов противника и атаковал его. Торпеда, выпущенная с самолета, взорвала транспортное судно в 7000 тонн. Однако это досталось недешево, на торпедоносец обрушился шквал снарядов артиллерии всех кораблей. В один из моментов самолет сильно потряхнуло, раздался оглушительный треск. Это снаряд угодил в заднюю часть кабины стрелка-радиста, образовалось большое отверстие. Оказался пробитым и правый борт самолета, два троса руля поворота перебиты, а трос руля глубины держался буквально на ниточке.

Стрелок-радист Валерий Черемных с тревогой доложил об этом командиру.

- Немедленно перевязать тросы! - приказал тот.

Как? Чем? Черемных лихорадочно стал искать и, увидев переносную лампочку, оторвал от нее шнур. Однако шнур оказался коротким. Тогда Черемных бросился к аптечке, схватил бинты, свернул их потуже и связал концы тросов. Потом снял ремни со своего снаряжения и штурмана и стянул последний трос. Задание было выполнено. Самолет продолжал полет и благополучно долетел до своих.

Кстати сказать, Герой Советского Союза полковник в отставке В.В. Пирогов живет в Москве. Продолжает работать. Мы с ним поддерживаем связь, переписываемся. А в том, 1944 году, после героического рейса торпедоносца Францева 2 апреля, Пирогов в газете "Североморский летчик" написал:

"Можно ли считать потопление танкера простой удачей Францева? Конечно, нет. Еще до полета он рассказывал мне о двух вариантах атаки, разработанных им. Как-раз один из них он и применил в той операции. Так что дело не в удаче, не в везении, как считают некоторые. Все зависит от точного расчета, от воли и настойчивости. От мастерства, помноженного на дерзновение. Именно это характерно для Францева и является основой его

боевых успехов.”

В музее ВВС Северного флота хранится рукописная книга В.В. Пирогова - боевой путь его самого, однополчан; размышления Владимира Васильевича о войне, поражениях и победах, о потерянных друзьях и товарищах. Много посвящено Евгению Францеву. Здесь я пересказываю те места рукописи, где Пирогов дал оценку подвига Францева и его товарищей по экипажу, поведал о том, как они возвращались на свой аэродром.

Высокое искусство летчика

Из рукописной книги В.В. Пирогова.

Наиболее замечательной иллюстрацией вдумчивой и тщательной подготовки, высокого профессионализма в нашем деле - летчик Е. Францев. В этом молодом человеке поражало необыкновенное упорство и целеустремленность. Умен, тверд в решениях и независим в суждениях. И в то же время внимательно присматривался к методам торпедных атак старших, более опытных товарищей. Подробно, до мелочей, расспрашивал о каждом интересном вылете. Сохранил это правило и тогда, когда уже имел собственный опыт. Стремился летать на "свободную охоту", или как тогда у нас было принято называть, "крейсерские полеты".

Францев хорошо понимал, что успех "свободной охоты" возможен только тогда, когда выработаны необычные, новые приемы атак и поиска. И вот у него рождается замысел глубокого проникновения в тыл врага. Он его разработал и осуществил.

2 апреля 1944 года Е. Францев уничтожил танкер 10000 тонн водоизмещением в районе Тромсе. Торпедирование танкера - большая победа. Но в районе Тромсе, за пределами района действия самолета-торпедоносца, просто уникальна. Танкер шел одиночно, без охранения, днем. Фашисты не предполагали, что советский торпедоносец может появиться в данном районе. Это они полностью исключали.

Дело в том, что на "свободной охоте", одиночно мы летали морем вне видимости РЛС, установленных фашистами на северном побережье Норвегии. Е. Францев летел туда морем, прошел незамеченный, нашел танкер и атаковал его. Нужно возвращаться, но лететь уже морем нельзя: не хватит горючего. Остался только один путь - напрямую, через горные районы север-

ной Норвегии.

Но здесь много препятствий. Первое - аэродромы немецких истребителей в городках Лаксельвен, Киркинес и другие. Они могут перехватить торпедоносец. Чтобы не дать себя обнаружить, необходимо лететь на малой высоте, бреющим полетом, в обход аэродромов.

Тут вторая трудность. Район гористый и долины не совпадают с курсом обратного полета. Надо четко знать, где пролететь над хребтами, где лучше пересекать их, не отклоняясь от генерального направления на базу. Короче, требовалось знание не только основных контрольных ориентиров, но и детальная ориентировка по всему маршруту.

Францев и его штурман умело преодолели все препятствия и уверенно завершали полет. Но уже перед линией фронта Евгений все-таки уклонился от расчетного курса и неожиданно выскочил на бреющем полете прямо на аэродром фашистов. Вначале у немцев был, видимо, просто шок от такой наглости советского самолета.

Но шок быстро прошел, и вот уже дежурная пара немецких истребителей поднимается в воздух. Францев однако успел развернуть торпедоносец и повел его на север, в тундру. Между тем немцы бросили на перехват советского самолета истребителей и с других ближних аэродромов. Но наш ас обхитрил их.

От аэродрома он полетел на север, это зафиксировали все наземные службы немцев. Но через пару минут, когда немцы его уже не видели, Францев резко развернул лайнер и устремился прямехонько на восток. Этот маневр сбил с толку истребителей, которые рвались на север, а за кем гнались, тот уже был далеко в стороне.

Торпедоносец пересек линию фронта и подлетел к своему аэродрому с юга, что было редкостью. После посадки в баках самолета осталось горючего всего на 8-10 минут полета, только "на второй заход на посадку", как говорят летчики.

Не раз с Евгением обсуждали его этот, можно сказать, уникальный полет. Он выдающийся и, вместе с тем, закономерный, не случайный. Как потопление крупного транспорта, так и сложный рейс на свой аэродром. Все действия экипажа были детально продуманы.

Маршрут рассчитан на дальность и расход горючего, разработана таблица использования бензина и режимов работы моторов. Полет в горах изучен по картам с консультациями опытных разведчиков, летавших в тех районах. Рассчитаны и проложены

маршруты по нескольким вариантам. Предусмотрены различные действия на случай встречи с истребителями противника или неожиданного выхода на аэродром этих истребителей. Что как раз и случилось.

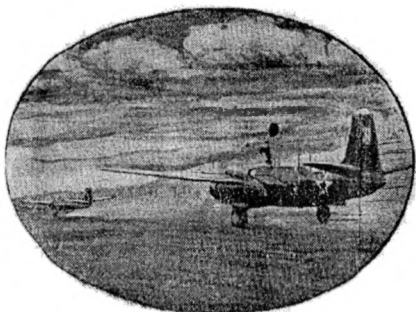
Но так как схема действий уже была намечена, этот опасный сюрприз не застал летчика врасплох, и он не потерял ни секунды

на обдумывание и поиск лучшего решения. А сразу выполнил то, что было предусмотрено. Обманный маневр был в запасе. Он явился запланированной “заготовкой”. Во всем Францев действовал по всесторонне подготовленному плану, причем плану необычному по своей главной задаче - бить врага там, где он не ожидает; действовать таким образом, какой неприятель представить не может. Выигранные мгновения позволили торпедоносцу уйти из зоны видимости немцев раньше, чем взлетели немецкие истребители. И они уже действовали наобум.

Вместе с тем полеты Францева сопряжены с большим риском. Они на грани предела во всем: дальности полета, использования горючего, решительности атак. Но эту грань он не переходит, он четко чувствует ее и точно выдерживает. Действия его неожиданны и безумны для неприятеля, но не для него. Отсюда вывод - его успехи закономерны и заслуженны, но никак не случайны.

Что такое случайность? Необдуманый вариант возможных явлений и действий. Случайность возникает, как правило, тогда, когда исполнитель всесторонне не подготовился, что-то не додумал. То есть не учел всего многообразия обстановки. Это, к тому же, порождает поверхностную оценку неожиданности в бою и неудач в делах. Часто можно слышать от людей, стремящихся не обременять себя “лишними” часами анализа и продумывания предстоящего дела, такое мнение: импровизированные, удачные действия - результат везения и случайности, а не глубокой многогранной подготовки.

Конечно же, это ошибочное мнение. Недаром великий полководец Суворов на такую оценку успехов его действий ответил:

Торпедоносцы уходят в полет.

“Везение? Но когда-нибудь нужно и умение”.

Вот еще одно мнение скептиков. А как быть с неординарными действиями, импровизацией, риском, наконец, дерзостью?

Конечно же, все это необходимо, без этого на войне не бывает. И этим отличаются наши лучшие летчики. Но какова цена дерзости и риска, если они не подкреплены опытом и не обоснованы анализом, не взвешены до деталей. Мне думается, риск - это предельно допустимая вероятность успеха, продуманные действия до предельной черты. Переступить ее - значит все потерять. А в бою - зачастую и жизнь. Значит, надо четко уяснить и рассчитать этот предел.

Неординарные действия близки к импровизации, когда воин без предварительной подготовки, сходу, неожиданно выполняет новый тактический прием. Теоретически - да. Но на практике, в бою все-таки, если заранее многое не продумано, не подготовлена хотя бы схема - основа этого приема не рассчитана, то это опять авантюра. Правда, раз-другой может и получится удачно, но это будет уже случайностью.

В полетах Францева подобного никогда не было. Все его действия подготовлены глубоким анализом, а в бою дополнены умелой и неожиданной импровизацией.

Это - высокое искусство летчика, основанное на умении, разуме, отваге.

Бомбовые удары

День 2 апреля 1944 года стал днем славных побед и других летчиков. Экипаж Францева еще находился в полете, когда разведка донесла, что в одном немецком порту стоят на разгрузке транспортны. Командование решило срочно уточнить эти данные.

Разведку поручили летчикам-истребителям лейтенанту Лапину и младшему лейтенанту Дмитрику. Вернувшись, они подтвердили - да, в порту немецкие транспорты.

Их сообщение ожидали уже подготовленные штурмовики. Без промедления они взмыли в воздух, ведомые лейтенантом Шейкиным. Летели морем, высоко. Приблизившись к порту, развернулись и вышли на цель со стороны солнца. Поэтому увидали их немцы не сразу, а когда штурмовики уже были над ними. Зенитчики ближайшей батареи, спохватившись, открыли было огонь, но тут же на них обрушились снаряды и бомбы с самолета младшего лейтенанта Васина, задача которого как-раз и состояла в подавлении батарей неприятеля.

Остальные штурмовики спикировали на суда и осыпали их бомбами. Сильные повреждения транспорту, водоизмещением 2000 тонн, нанесли бомбы, сброшенные с самолета лейтенанта Якубовича. А грозные “подарки” неприятелю младшего лейтенанта Суворова пустили на дно буксирное судно. Обрушив смертоносный груз, самолеты полетели домой и только тогда волею им заговорили полуразбитые немецкие батареи.

Для уточнения данных о результатах удара и дополнительной разведки уже в сумерках была послана новая разведка - пара тех же истребителей, Лапина и Дмитрика. На этот раз летать было сложно. Истребители отсутствовали долго и о них уже стали беспокоиться, тем более, что стало темно, посадка самолета осложнялась. Но вот раздался гул самолетов и оба “ястребка” искусно опустились, хотя уже наступили густые сумерки, а подсвечивание отсутствовало.

Выслушав доклад летчиков, командир объявил им благодарность. Данные оказались ценными. Основываясь на них, командование сразу же организует новый удар по врагу.

С рассветом, чтобы застать противника врасплох, без дополнительной разведки, в бой поднялась группа штурмовых само-

летов под командованием капитана Синицина. Еще перед подходом к порту ведущий увидел на рейде два транспортных корабля, один водоизмещением 3000 тонн, другой поменьше.

- Внимание, вижу цель, перестраиваться в правый пеленг, - передал Синицин летчикам, летевшим следом.

И вот через несколько мгновений из-за небес, словно крылатые стрелы, штурмовики понеслись на суда и порт врага. Капитан первым ввел самолет в пике, за ним ринулись вниз штурмовики летчиков Суворова, Васина, Якубовича. Синев атаковал судно, стоящее в стороне, а Марьянов - склады, расположенные на причале. Град бомб окатил суда и порт. Повсюду взрывы, огонь, дым. И хотя зенитные батареи немцев открыли огонь, защитить они уже ничего не смогли. Транспортный корабль водоизмещением 3000 тонн был потоплен, повреждены другие суда и склады порта.

А вот наши самолеты были под надежной защитой: в обоих вылетах их сопровождали истребители летчиков Бойченко, Кужанова и Малиновского.

Славный рейд экипажа Францева 2 апреля, его фотоснимки привлекли особое внимание командования. Когда проявили пленку в штабе флота, командующий пригласил экспертов, в частности подводников, которые четко определяют класс любого корабля и его водоизмещение. Во всяком случае, моряки лучше знают суда, чем летчики.

И на этот раз они уверенно определили, что данное судно - танкер, трехтрумный, водоизмещением 10000 тонн. Добавим, что впоследствии это подтвердили и разведданные.

После этого имена Евгения Францева, Павла Галкина и Семёна Антипичева стали известными не только на Северном флоте, но и на других. О них писали в газетах. Отважные ребята! Топят не только корабли врага, уничтожают даже подводные лодки.

В газете "Североморский летчик" 4 апреля две первые страницы посвящены достижениям францевского экипажа. Передовая статья - "Настойчиво искать и топить корабли врага", и выступление Францева "Результаты атак на пленке" со снимками. На второй странице статьи "Находчивость гвардии лейтенанта Францева" - рассказ о потоплении танкера и фотография героев - командира и штурмана.

А газета "Краснофлотец" свой номер за 7 апреля целиком посвящает боевым делам прославившегося экипажа.

В музее Героя Советского Союза Е. Францева в школе №9 города Чернушки все эти газеты имеются. Есть там и листовка с

фотографиями членов экипажа и результатов фотосъемок торпедированного танкера 2 апреля 1944 года.

Вскоре, после успешных действий летчиков, о которых, было рассказано выше, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1944 года 9-й гвардейский минно-торпедный авиационный полк был награжден орденом Красного Знамени.

В конце апреля на Северный флот приезжал Народный комиссар Военно-Морских Сил флота адмирал Н.Г. Кузнецов и начальник Воздушно-Военных Сил генерал-полковник авиации С.Ф. Жаворонков. Нарком отметил успехи авиаторов флота в боях с врагом.

Тогда же особое внимание стало уделяться воспитанию у авиаторов духовного подъема, уверенности в скорой победе, стремления наращивать боевые успехи. Девиз: “Каждая торпеда, каждая бомба и снаряд, посланные в цель, приближают нашу общую Победу” стал боевым призывом летных экипажей.

Настрой, подъем духа были очень важны, ибо война шла тяжелой дорогой, забирала много жертв, люди гибли и переносить все это было очень трудно.

Ейск, 21 апреля 1993 года. Вспоминает П.А. Галкин.

Были победы, но были и большие потери. Так в нашем полку только за один год, с сентября 1943 года по сентябрь следующего, личный состав обновлялся трижды. Набирали из Ейского и Николаевского училищ молодых летчиков. Один - два - три вылета совершат - и все. Месяца два - три пройдет, останутся считанные экипажи. Опять набирают молодежь, и вновь прежняя картина. Нередко получалось так: вылетало на торпедирование 12 торпедоносцев, а приземлялось на аэродром только пять или шесть.

У летчиков истребителей положение было другое. Они несли гораздо меньшие потери. Иные до сорока вылетов совершали, и ничего, целы. Если уходило в полет 30 истребителей, из них не возвращались лишь два - три. Было даже такое мнение, что разведчиком можно всю войну пройти благополучно. Но это только на первый взгляд. На самом деле, зачастую, не так бывало.

Расскажу о таком случае. Два товарища прибыли из училища. Один постарше, инструктором был. Когда они уловили, что на торпедоносцах летать опасно, раз - два и тебя нет, решили схитрить и каким-то образом перешли на истребители, в разведчики. Правда, стали опытными летчиками, умелыми разведчиками, хотя и осторожными. И что же? Оба были сбиты в самом конце войны. Никто не застрахован.

Самолет-факед врезается в корабль

Гибли люди, падали в море самолеты. В полку все меньше оставалось торпедоносцев и экипажи отправлялись в Москву, вернее в Подмоскowie, на Измайловский аэродром за новыми самолетами. Летал за ними и экипаж Францева. Об одной из этих командировок Евгений пишет в мае 44 года бывшей одно-класснице Зине Акуловой.

“Приехал из Москвы к себе на Север. Получил большую пачку писем. За месяц накопилось около 30. Не знаю, как начать отвечать, решил для начала всем открыточки послать.

В Москве был с 25 апреля по 12 мая. Погулял хорошо, был в театрах почти каждый вечер, хотел москвичей догнать в театральном искусстве. В Большом театре слушал оперы “Князь Игорь”, “Снегурочка”, “Сказка о царе Салтане”. В малом видел “Пигмалион”, “На всякого мудреца довольно простоты” и другие. Но больше всего понравилась оперетта “Педиколла”.

Да, видел сестреночек Юлю и Милочку после четырехлетнего расставания. Вот радость!”

Как рассказывал П.А. Галкин (Ейск, 21 апреля 1995 г), в конце мая экипажи Францева, Пирогова и два звена (5 самолетов) вновь посланы за новыми машинами в Москву. Получили их, приняли как положено, облетали, опробовали и отправились на них в свой Североморск. Останавливались в Архангельске и Мурманске. Но вот и наш аэродром.

Садимся на поле и видим самолет Гнетова, мотор уже запущен, рядом торпеды. Экипаж готов занять свои места в машине. Понятно, уходят в боевой полет.

Мы поприветствовали их через форточки и стекла кабин. Гнетов и его ребята тоже помахали нам, поздравили с возвращением. И вот они уже в кабине торпедоносца, взревел мотор и самолет, пробежав аэродром, взлетел, скрылся вдали и где-то там остался навсегда...

А произошло вот что. 26 мая наши разведчики засекли большой караван гитлеровцев в Тана-фиорде. Он вышел из Киркинеса, проследовал Варангер-фиорд и поплыл дальше. Штурмо-

вая авиация с трудом могла его настигнуть, далеко. Однако, получив эту информацию, командующий все-таки приказал нанести удар.

Без промедления стала готовиться боевая группа из всех полков дивизии. Основную ударную силу составили торпедоносцы и штурмовики. Их прикрывали истребители. Первая пошла в бой эскадрилья 9-го гвардейского полка. Вел ее мастер торпедных ударов капитан К.Ф. Шкаруба. Рядом выдерживал строй парторг эскадрильи лейтенант О. Губанов.

Приблизившись к кораблям конвоя, самолеты неожиданно вынырнули из облаков почти к самой воде и один за другим, выбросив торпеды, взмыли вверх. Немцы открыли шквальный огонь. Но водные снаряды уже неслись к ним и поразили эсминец и транспортный корабль. Оба ушли на дно. Однако и немецкие снаряды угодили в два торпедоносца, которые упали в море.

На наши самолеты набросились к тому же и истребители. Один из них пулеметной очередью повредил самолет Губанова. Тяжелое ранение получил стрелок А. Чередниченко. Но, собрав все силы, осыпал “мессера” градом пуль и тот кое-как унес ноги.

Капитан Шкаруба поспешил на помощь товарищам. Прикрыл поврежденный самолет сзади и отбивал атаки фашистов. Губанов с едва действующими рулями высоты на одном моторе, с трудом дотянул торпедоносец до аэродрома. Вернулись же далеко не все.

Несмотря на потери, была составлена новая эскадрилья и ее решил вести сам командир полка гвардии подполковник Борис Павлович Сыромятников. Он знал, что идет, возможно, на верную гибель, но настолько был силен порыв самоотверженности и энтузиазма, душевный взлет вожака, что он без колебания решился на это. Но разве можно оставить полк без опытного командира? И Петр Гнетов обратился к старшему начальнику.

- Разрешите, я поведу группу вместо Сыромятникова.

- Разрешаю.

Как ни возражал командир полка, на опасное задание полетел все-таки Гнетов. Прикрывали его группу истребители из соседнего полка. Лететь пришлось долго. И когда позади осталось больше половины пути летчик с ведущего истребителя передает по радио, что у него израсходовано уже половина горючего и если лететь дальше, то на обратный путь не хватит.

- Что делать, возвращаться?

Даже по строгим законам военного времени Гнетов, лишившись прикрытия, имел право возвратиться. Потому что истре-

бители не могут продолжать полет. Возможно, Гнетов бы и повернул, но...

- Вижу корабли! - крикнул он по радио ведущему истребителей. - Вы возвращайтесь, а я атакую!

Те развернулись и полетели домой. А три торпедоносца во главе самолета Гнетова ринулись к каравану. Навстречу выскочили "мессершмитты". К их пулеметам присоединились корабельные орудия. Шквал огня окутал советские самолеты. Но они, словно одержимые, неслись к цели, хотя один за другим получали орудийные и пулеметные пробоины. Уже огонь бушевал на плоскостях, охватывая машины все сильнее и сильнее. Следом тянулся густой шлейф дыма. И вот один из этих огненных факелов врезался в корабль. Второй и третий упали в море.

Все это видел пилот нашего разведчика. Видел он и то, что торпедированное не торпедой, а самим торпедоносцем транспортное судно и военный корабль взорвались и затонули.

И не успели гитлеровцы на остальных кораблях перевести дух, как из-под небес пикировала на них восьмерка штурмовых бомбардировщиков. Вновь загрохотали орудийные залпы, залились пулеметные очереди. Эта адская музыка усиливалась шумом фонтанов от взрывающихся на воде бомб; тучи брызг превратили поверхность моря в жаркое поле беспощадного, ужасного сражения, поглощающего корабли, самолеты и ... человеческие жизни.

В этот неистовый смерч, как последний аккорд трагической симфонии, ворвалась новая восьмерка ИЛов - пошли в атаку топмачтовики эскадрильи капитана Д.В. Осыки. (Сущность топмачтового бомбометания заключается в том, что самолет-бомбардировщик идет на цель бреющим полетом, или, как выражаются летчики "цепляясь за мачты судна". Самолет проносится над целью в двух-трех десятках метров, принимая огонь на себя в упор. Этот способ хотя и был весьма эффективным, но очень сложным в исполнении и предельно опасным.)

Прижимаясь к воде, самолеты проскочили над боевыми кораблями и устремились к транспортным судам. Командир атакующей группы самый большой из них; бомбы угодили в борт, разворотили его, хлынула вода и судно пошло ко дну. Пустили к рыбам штурмовики и один боевой корабль. А завершили удар несколько групп истребителей-бомбардировщиков.

В итоге операции враг потерял два транспортных судна, два эскадренных миноносца, два сторожевых корабля и восемь самолетов.

Мой друг Петр Гнетов

Тяжело переживал гибель своего друга Петра Гнетова Евгений. В газете “Североморский летчик” от 1 июня 1944 года напечатан его рассказ под названием “Мой друг Петр Гнетов”.

Читайте его.

“В начале войны курсант авиационного училища Петр Гнетов был принят в партию. Вернувшись с партийного собрания, Петро - так друзья звали Гнетова - сказал мне, своему ближайшему товарищу:

- Война - это величайшее испытание для страны и народа, величайшая проверка для каждого гражданина нашей Родины. Я рад, что вступаю в войну членом партии. Выходя в бой, мы будем с тобой не только выполнять свое профессиональное дело военного летчика, не только выполнять свой долг советского гражданина, но в каждом бою нам надо будет оправдывать звание коммуниста.

Все мы хотели скорее попасть на фронт. Когда мы закончили “У-2”, Петру пришла мысль ходатайствовать об отправке нас на фронт в качестве связных. Разумеется, нам отказали. Петро не скрывал от меня своей тревоги:

- А вдруг, Женька, война закончится без нас? Мы так и не успеем с тобой подраться с немцами.

* * *

По окончании училища, пробыв некоторое время в запасной части, мы попали в перегонный полк.

Однажды мы прилетели с новыми машинами на Северный флот.

На заполярном аэродроме увидели, как поднимаются в воздух боевые машины и уходят в море, к вражеским берегам, и почувствовали, что не можем возвращаться в тыл: наше место здесь, на летном поле, среди северных скал и сопок.

Командование удовлетворило нашу просьбу, и мы были зачислены в гвардейский полк.

Командир полка вручил нам гвардейские значки, и мы прико-

лоли их к кителю. Но когда вернулись к себе в землянку, Петро отстегнул свой значок и бережно спрятал его в карман.

- Понимаешь, Женя, - сказал он, - пока мы не воюем, неловко считать себя гвардейцами - подумай, какие герои добывали полку это почетное звание, какие замечательные подвиги они совершали! А что сделали мы с тобой?

Он не носил гвардейского значка до тех пор, пока его не встретил парторг полка и убедил, что значок гвардейца выдается не только, как свидетельство совершенных заслуг, но и как напоминание о том, что каждый летчик гвардейского полка должен воевать так, как подобает офицеру-гвардейцу.

Воевать так, как воюют гвардейцы, стало единственной целью жизни Петра Гнетова.

Нашими учителями в полку были Островский, Макаревич, Величкин, Адинсков.

Гнетов учился с присущей его характеру серьезностью и настойчивостью, но очень переживал, что пока-что в боях на участвует.

* * *

Осенью прошлого года Гнетов и я стали летать на свободную охоту.

С каким неистовством искал противника Петро!

Штурманом в экипаже Гнетова был младший лейтенант Грачев, до военной службы - человек самой мирной профессии - агроном. И Грачеву, и третьему члену экипажа стрелку-радисту сержанту Боброву передалась эта жажда боя, которая владела Гнетовым, жажда встречи с врагом, которого нужно уничтожать, настойчивая воля и непоколебимое упорство летчика-торпедоносца. Петро бесстрашно водил свой самолет в самые опасные районы, в самые заповедные фиорды, стараясь во что бы то ни стало обнаружить фашистские корабли.

Но на первых порах ни Гнетову, ни мне не везло: кораблей мы не находили.

В тот день, когда мне удалось одержать свою первую победу и потопить немецкую подводную лодку, Гнетова постигла неудача. Находясь, как и я, в крейсерском полете, он обнаружил вражеский конвой. Атаковать транспорты, шедшие в сильном охранении, было очень рискованно, но Гнетов, не обращая внимания на сосредоточенный по нему одному огонь, смело ринулся в атаку. Торпеда его, однако, в цель не попала.

Всю ночь ни Петро, ни его штурман не сомкнули глаз.

Искренне, как только может радоваться настоящий друг, Пет-

ро радовался моей удаче. Но то, что первая сброшенная им торпеда прошла мимо цели, казалось ему неопишмым позором, который он обязан немедленно, на следующий же день смыть.

И действительно, на следующий день Гнетов доказал, что ему бесконечно дороги честь и традиции родного гвардейского полка. Вылетев на свободную охоту, он встретил конвой противника, шедший в составе 18 единиц. Три пояса охранения окружали фашистские транспорты, и дула зенитных орудий с 18 кораблей повернулись в сторону одного самолета, как только он оказался вблизи конвоя. Но был бы огонь сильнее в десять раз, все равно Петро с боевого курса ни за что не свернул бы...

Гнетов шел в атаку на самый крупный транспорт в конвое, преодолевая трехпоясный заградительный огонь. Еще на подходе к цели пробоины усеяли машину. Прямое попадание снаряда страшно тряхнуло самолет, и Гнетов видел, как полетели с плоскостей металлические ключья, но он продолжал вести машину на цель. Он сбросил торпеду, транспорт взорвался и затонул. И, находясь на израненной машине в гуще огня, громко и радостно закричал: "Ура! Транспорт тонет..."

Радость победы, которую испытал Гнетов, была сильнее чувства опасности. Он не боялся опасности, он жаждал победы!

Я видел изрешеченную машину, на которой вернулся Гнетов на аэродром. Я видел, как подхватили на руки и стали качать Гнетова техники, когда, подрулив к стоянке, он выбрался из кабины.

Спустя несколько дней Гнетова и меня вызвал командующий Северным флотом и вручил нам обоим ордена Красного Знамени.

Мне Петро, когда мы возвращались от командующего на аэродром, говорил:

- Где-то я читал. Офицеру вручили орден, и офицер этот очень правильно сказал: одну половину ордена мы заслужили, а другую нам надо еще отрабатывать... Очень правильные слова, Жень, и нам с тобой еще надо отрабатывать наш орден.

В этих словах я вновь почувствовал необычайную скромность моего друга, который никогда не преувеличивал своих заслуг, всегда считал, что сделал еще слишком мало в сравнении с тем, что ему следует сделать.

* * *

Гнетов гордился тем, что он морской офицер.

- Морской офицер, - не раз говорил Гнетов, - всегда отличался подлинным мужеством, воинским умением, большой культурой.

Он воспитывал в себе мужество, никогда не переставал учиться воинскому мастерству и постоянно расширял свой культурный кругозор.

Он много читал. Его увлекали эпические картины Отечественной войны у Льва Толстого. Он с упоением читал “Вильгельма Телля” Шиллера. Ему нравились публицистические статьи Ильи Эренбурга - едкий сарказм писателя, обличавшего тупого немецкого душегуба, находил живой отклик в душе Петро. Многие стихи Симонова Гнетов переписывал в блокнот и заучивал наизусть. Он считал, что героями будущих литературных произведений будут герои-современники: Сафонов, Покрышкин, Гарбуз, Киселев...

- Я очень люблю жизнь, - сказал мне как-то Петро, - но пока идет война, я живу только для того, чтобы уничтожать немцев.

На портсигаре, с которым Гнетов никогда не расставался, он написал:

“Если я увижу перед собой неминуемую смерть, то вместе со собой вгоню в нее столько немцев, сколько их будет впереди меня”.

Однажды он шел в группе, вылетевшей для нанесения торпедного удара по конвою. Случилось так, что ведущий не заметил корабли и отвернул в сторону. В строю произошло замешательство. И в этот момент летчики, среди которых было несколько молодых товарищей, услышали уверенный голос Гнетова:

- Спокойно... Вижу корабли... Идем в атаку.

* * *

Недавно отдельные летчики нашего полка совершили ряд ошибок и промахов.

Гнетов был парторгом эскадрильи, и на партийном собрании коммунисты слышали преисполненные гнева горячие слова офицера-большевика, напоминающего о долге каждого гвардейца - от боя к бою покрывать новой славой священное знамя полка.

Партийное собрание состоялось в эскадрильи и накануне последнего вылета Гнетова. На этом собрании мы принимали в партию стрелка-радиста его экипажа сержанта Боброва.

- Пойдем в атаку - с курса не свернем, - обратился к коммунистам парторг Гнетов. - Если не потопим торпедой, пойдем на таран...

Эти слова оказались пророческими.”

Воздушные удары все сильнее

Лето 1944 года началось с ненастных дней. Первая половина июня выдалась неблагоприятная по погодным условиям для полетов, поэтому авиация Северного флота вела ограниченные боевые действия.

Но вот распогодилось. 17 июня воздушная разведка обнаружила в районе Киркинеса морской караван немцев. С наших аэродромов поднялось более двухсот самолетов - торпедоносцев, штурмовиков, истребителей. Часть из них нанесли демонстративные бомбовые удары по артиллерийским батареям на линии обороны врага на сухопутном фронте, другие самолеты (их было большинство, около 150) обрушили свой смертоносный груз на морские караваны.

Массированные налеты наших воздушных сил на неприятеля становились повседневными. Постоянно бомбили Киркинес. Самые мощные нападения были проведены 27 и 28 июня. В первый день над неприятелем появились 20 торпедоносцев, 12 истребителей-бомбардировщиков, 8 штурмовиков и 10 самолетов П-3. Их прикрывали более сотни истребителей.

Эта лавина железных птиц покрыла все небо над городом и обрушила смерч бомб, снарядов и пуль на неприятеля. Были разрушены различные военные объекты, в том числе рудодробильный завод, железнодорожная ветка между заводом и портом, причал. Взорваны и пущены на дно крупный транспортный корабль, тральщик, два военных катера и другие суда. Фашистские истребители пытались не допустить наши самолеты к городу, но, потеряв в воздушных боях шесть машин, отступили. Зенитный же огонь вражеских батарей достиг лишь одного нашего "ястребка". Он оказался единственным потерянным самолетом.

На другой день, 28 июня, наши самолеты вновь взлетели над городом. Их было более сорока. Еще не утихли пожары от предыдущего налета, как над портом и на военных объектах от взры-

вов бомб взметнулись новые языки пламени и поднялись столбы дыма. Особенно большие разрушения и пожары достались порту. Затонули три транспортных судна, общим водоизмещением 21 тысяча тонн. Повреждения получили еще три судна.

Вновь было пытались напасть на штурмовиков мессершмитты, но были прижаты к сопкам и большей частью уничтожены советскими истребителями.

Какова же роль в этих боях была у наших героев - экипажа Е. Францева? Необходимо отметить, что к этому времени Евгений был повышен в офицерском уровне: 20 мая ему присвоили звание гвардии старшего лейтенанта. В аттестации, в частности, помимо боевых заслуг отмечалось: "Летает днем в сложных метеорологических условиях. Летать любит, летать умеет, техника пилотирования хорошая. Общителен. Опрятен. Строевая выправка хорошая, требователен к себе и подчиненным. Над собой работает. Заочно изучает иностранный язык."

Утром 28 июня экипаж Францева в едином строю самолетов полка поднялся в воздух и летел ведущим эскадрильи. На его торпедоносце и других машинах были подвешены 500-килограммовые бомбы. Небо было безоблачное, видимость отличная. Самолеты летели на высоте 4 километров.

До города оставалось совсем немного, когда навстречу ринулись фашистские истребители. Но наши самолеты охранения отважно противостояли им, не подпускали к бомбардировщикам. Отдельные мессершмитты все-таки прорывались, сближаясь со штурмовой авиацией, но тут их встречал дружный огонь стрелков-радиостов торпедоносцев.

Францев направил самолет к порту, где у причала стояли транспортные суда. Вот они уже рядом. Галкин установил данные на прицеле и приготовился к нанесению удара. Самолет уже вышел на боевой курс, когда перед ним появился вражеский истребитель и ринулся на торпедоносец. Он сумел войти в сектор недосягаемый для нашего стрелка. Антипичев не мог обстрелять "мессер", - мешали детали конструкции самолета. А Францев не мог маневрировать, так как необходимо было строго выдерживать расчетный режим полета. Что предпринять? Мгновения были критические: мессершмитт уже в сотне метров и открывает огонь из пулемета. И тут на пути его трассы неожиданно появляется наш истребитель, принявший огненную очередь фрица на себя. Это единственное, что он мог сделать для спасения ведущего бомбардировщика.

Ястребок получил серьезные повреждения, но удержался в воз-

духе, к нему на помощь подоспели другие, и фашист поспешил исчезнуть. Летчиком, принявшим удар на себя, был Герой Советского Союза Владимир Бурматов.

А Галкин продолжил свои действия: навел прицел на крупный транспортный корабль, стоящий у левой стенки причала и сбросил бомбы. По его сигналу выпустили на судно грозные “гостинцы” и остальные самолеты эскадрильи. Через несколько секунд внизу загремели взрывы.

Галкин нажал на кнопку фотоаппарата. Было сделано несколько снимков. Два из них хранятся в школьном музее Е. Францева.

Эскадрилья возвращалась домой морем. Когда до берега оставалось километров 15, истребитель, который прикрывал самолет Францева, начал терять высоту, а потом стал резко падать. Рядом летел истребитель молодого летчика лейтенанта Зайцева, ведомый капитана Бурматова. Он видел, что “ястребок” командира лег в крутой вираж и уходит в море.

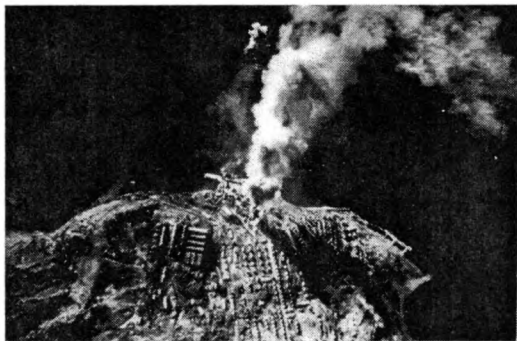
- Иду на вынужденную, - услышал Зайцев голос Бурматова.

- Прикрою, - ответил он командиру.

Имея запас высоты, Бурматов в планировании сумел развернуться к берегу Рыбачьего. Но дотянуть до него не смог. Зато удалось плавно посадить самолет на воду и, пока тот погружался, вылезти из кабины со спасательной желтой шлюпкой. Видя все это, Галкин по радио сообщил координаты затонувшего истребителя. Летчик Зайцев, снизившись, пролетел над шлюпкой и удостоверившись, что его командир в безопасности, направил самолет к берегу. Он знал, что поблизости база торпедных катеров. Моряки всегда приходят на помощь летчикам при их вынужденной посадке в море.

Когда над базой появился красноезвездный ястребок, кружа и порываясь в море, его быстро поняли. Зайцев видел, как к причалу побежали моряки, затем в море вышел катер. Истребитель покачал крыльями и направился к шлюпке. Катер полным ходом несли следом. Вот и шлюпка. Ее уносило в море. Истребитель стал кружить над ней, а через несколько минут тут был и катер. Обессилившего в борьбе с волнами летчика подхватили дружеские руки моряков. По закону войскового товарищества поступили летчик Зайцев и моряки катера.

Работая в Центральном Военно-Морском архиве, я нашел материал, рассказывающий за что Бурматов был удостоен звания Героя Советского Союза. Привожу выдержку из Наградного листа, подписанного командиром 5 МТАД ВВС СФ полковником Кидалинским 25 апреля 1944 года.

Бомбардировка порта Киркинеса. Снимок сделан экипажем Францева

“За образцовое выполнение боевых заданий, за сбитые лично в воздушных боях 12 самолетов противника, одного в паре и 7 предположительно, за 57 успешных вылетов на сопровождение наших торпедоносцев, в результате которых обеспечил потопление 8 транспортов

противника, 1 танкера, 1 сторожевого корабля, 1 катера, 3 самоходных баржи, а также повреждение 6 транспортов, 2 танкеров, 1 сторожевого корабля и проявленные при этом отвагу, мужество, доблесть и героизм достоин представления к высшей правительственной награде - присвоения Звания Героя Советского Союза.”

Указ о присвоении этого звания Владимиру Александровичу Бурматову был подписан 31 мая 1944 года.

Но вернемся к рассказу о тех событиях. Через несколько часов после возвращения эскадрильи воздушный разведчик сфотографировал результаты бомбометания. На снимке отчетливо видны горящие склады, портовые сооружения, корабли. Пожары продолжались более суток. Причалы вышли из строя. Для своих судов противник вынужден был искать новые пункты разгрузки.

Но непогода время от времени не давала подниматься в воздух самолетам. Летчики отдыхали. Францев, однако, не предавался бесцельному времяпровождению. Он садился за стол, анализировал свои боевые действия и товарищей, отбирал ценное, интересное, записывал свои размышления. Тогда и рождалась статья “Тактические приемы крейсеров-охотников”.

В один из таких нелетных июльских дней командующий Северным флотом вице-адмирал А.Г. Головкин вручил командиру полка торпедоносцев подполковнику Б.П. Сыромятникову гвардейское знамя и орден Красного Знамени. Награда была заслуженной. На боевом счету полка значилось свыше девяти десятков пущенных на дно Баренцева моря транспортных и военных

судов противника, общим водоизмещением около четырехсот пятидесяти тысяч тонн. Летчики-истребители сбили сто пятьдесят четыре вражеских самолета.

Возросшая активность нашей авиации заставила противника становиться все более осторожным. Немцы перестали отправлять суда в Петсамо и Линахамари. С весны 1944 года их морские коммуникации прекращались в Киркинесе. Дальше грузы перевозились к линии фронта сухопутным транспортом.

Естественно, что Киркинес стал главным объектом нападения нашей авиации. Массированный налет был произведен 4 июля, в котором участвовало 130 самолетов, половину которых составляли торпедоносцы, штурмовики, истребители-бомбардировщики. Враг смог выставить на защиту лишь 15 истребителей. Наши соколы перехватили их заранее, семь сбили, остальных отогнали. Так что наша авиация без особых помех как следует "обработала" бомбами военные объекты, порт и рейд. Два транспорта пущены ко дну, мощные взрывы разметали несколько складов, возникло множество пожаров.

В журнале боевых действий за 4 июля есть такая запись.

"Группа в составе 5 самолетов "ДУГЛАС А-20Ж", ведущий гвардии капитан Гусев, его заместитель гвардии старший лейтенант Францев, ведомые гвардии старший лейтенант Казаков, гвардии младшие лейтенанты Лукашев и Василенко под прикрытием 8 самолетов "Аэрокобр" 2 ГКИАП в 19 ч. 32 м. вылетели на бомбоудар по порту Киркинес.

20 ч. 14 м. По заводской и Северо-Западной пристаням порта сброшено 10 бомб. Из атаки вышли левым разворотом с курсом 50-60° со снижением. Экипажи наблюдали: взрыв огромной силы в складских помещениях Северо-Западной пристани, сопровождавшийся сильными пожарами, которые экипажи наблюдали с полуострова Рыбачий. Так же три меньших взрыва на заводской пристани. Часть бомб рвалась у транспорта, стоявшего у заводского причала, водоизмещением 12-15 тысяч тонн."

Пожар продолжался и в последующие дни. В документах указано 6 очагов пожара.

Впоследствии я поинтересовался у Галкина о судьбе капитана Петра Ивановича Гусева.

"... В июле 44 года стало известно, что к Киркинесу подходят конвоем крупные транспортные суда немцев. Еще немного и они пройдут на свою базу. Упускать их - значит дать врагу возможность получить боеприпасы и продовольствие объемом в несколько железнодорожных составов. Командующий отдает при-

каз - поднять торпедоносцы и под прикрытием истребителей атаковать караван.

Обычно, когда Гусев и его товарищи вылетали на “охоту”, они брали по одной торпеде. Редко две, только для очень важных целей. На этот раз Гусев вооружился двумя торпедами.

И только самолеты взлетели, как техник по вооружению докладывает командиру полка.

- Товарищ командир, мы же не успели ввернуть пиро-патроны!

Это механизм, обеспечивающий сбрасывание торпеды. Небольшой патрончик, который при нажатии на кнопку, производит действие по запуску торпеды. И вот этот пиропатрон забыли вставить в замок. Значит, торпеда не вылетит.

Что делать? Было над чем задуматься командиру полка. Ведь Гусев со своей эскадрилей летит в ад и ... почти безоружным! Возвращать Гусева было невозможно, он уже выходил на рубеж атаки. К тому же был ведущим, отвечал за всю эскадрилью. Конечно, его можно было бы вернуть, а за него повел бы эскадрилью его заместитель. Но для этого уже не было времени.

Гусев повел своих товарищей в атаку. Сам пошел на корабль, но сколько не нажимал на кнопку, торпеда не вырывалась, а в самолет летели пули и снаряды. Один угодил в мотор. Пожар, к счастью, не возник, но мотор вышел из строя. Гусев вывел самолет из боя и потянул к Рыбачьему. Зато его однопольчане потопили два корабля, хотя и сами понесли потери.

Гусев, между тем, из последних сил вел самолет на одном моторе. Две торпеды (это две тонны) висят тяжелым грузом. И самолет не выдержал нагрузки, километров 50 оставалось до Рыбачьего, когда он опустился на воду. Мотор перегрелся, его заклинило.

Между тем самолеты, ведомые Гусевым, вернулись на свой аэродром. Они видели гибель нескольких своих товарищей и посчитали, что и их командир оказался среди них.

Но Гусев благополучно посадил самолет на воду, штурман и радист были ранены. Гусев вытащил штурмана через верхний люк, а потом вдвоем вытянули из кабины и радиста. Сели в резиновую лодку. Самолет обычно на воде держится до 15-20 минут. На этот раз он ушел под воду минут через 7. Летчики стали грести в сторону Рыбачьего. Лодка трехместная, надувается автоматически, есть необходимый запас воздуха и весла.

Гребут час, другой. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется над ними немецкий истребитель. Сделал кружочек, покачал крыль-

ями, показал направление на свою территорию - на Киркинес. Направление различалось далеко неточно, примерно, градусов 40-50. Потом летчики рассказывали: мы изменили направление и стали грести туда, куда показывал летчик. Когда же самолет, сделав несколько кругов, скрылся, мы вновь стали грести в нашу сторону.

Помогал ветерок, дул на восток. А истребитель появился еще раз и вновь стал указывать направление на Киркинес. Но едва улетел, летчики опять направились на восток. Сколько упорства, терпения, силы воли надо было проявить, чтобы почти безостановочно грести часов 30! Больше суток.

Наконец, лодка попала в поле зрения наблюдателей с полуострова Рыбачий. Срочно выслали катер и подобрали летчиков. Впрочем, они уже сами к берегу подплывали.

В тяжелом состоянии оказался радист - случилась психическая травма, сошел с ума. Штурман выдержал. У него были лишь поверхностные раны на лбу. Через несколько дней пребывания в госпитале он вошел в строй. Ну, а Гусев физически несколько не пострадал, только сильно утомился.

После нескольких дней отдыха прошел обследование в госпитале, вернулся в полном здравии, сел за штурвал, совершил контрольный полет и бодро доложил.

- Все нормально. Чувствую себя хорошо, - а потом, усмехнувшись, добавил. - Только как вылетел на море, дрожь охватила. Начинает всего трясти - и коленки, и руки. Ничего не могу с собой поделать.

Сказалось предельное нервное напряжение. Море действовало на него теперь как что-то непреодолимо страшное и, конечно, Гусев уже не мог над ним летать. Командование приняло решение использовать его опыт и знания для обучения молодого пополнения. Под Архангельском располагался аэродром, где в учебно-авиационном полку познавали летно-воинские методы выпускники училищ, прежде, чем их ставили в строй боевой части. Они совершенствовали свои знания в обстановке, приближенной к боевой, отрабатывали технику пилотирования над сушей и морем, познавали особенности полетов в суровых условиях Севера.

Летный и воинский багаж Гусева оказался весьма полезным здесь. Все, кого обучал он, вспоминают о нем с благодарностью.

В кругу родных и любимых

“Получил твое письмо, очень рад, - пишет Евгений бывшей однокласснице Зине. - Хорошо, когда летом видишь лето! Горячее, приветливое солнышко, прохладная тень развесистых деревьев, манящая влага речки, живительный воздух леса, веселое щебетание птишек, трели соловья, зелень, тепло, цветы, ягоды, грибы... Как хорошо!

Ты можешь понять мой восторг, если я другую картинку нарисую. Сегодня 10 июня. Моросит дождь, временами мелкий снежок вьется в воздухе. Бр-р! Низкие бородастые, серые тучи важно проходят, задевая космами за сопки...

И смотрят уныло камни, чуть покрытые лишайником, хмурятся чахлые березки, прижимаясь к земле, печалются сосны. Сурово смотрят сопки своими ледяными вершинами.

Но у меня не от того печаль в душе засела. Как ее выбить? Даже заболел немного. Друга лучшего я потерял... Мы с ним еще до войны были вместе и потом всегда вместе - и в перегонном полку, в командировках, воевали бок о бок, награждались вместе, звания получали и рядом спали. Даже мысли наши были одними. Он однажды Кате написал в ответ на присланную ей вырезку из газеты (она нас все просвещает). Не было секретов у нас, не было зависти, всегда душа в душу.

А без хорошего, настоящего друга, трудно жить.”

Добавим - особенно на войне. Чистая, откровенная душа Евгения глубоко переживала такую потерю и никак не могла смириться с ней. Но все-равно рвалась к жизни, светлой и возвышенной: он был еще молод, романтичен, верен высоким идеалам.

И далее в его письме уже другой тон. “Получил Катину письмо с листочком и картинками. Так обрадовался! А вышел на улицу - снег идет... Ничего, Зиночка, все будет хорошо.”

Как ни тяжела потеря - ушел навеки друг - жизнь продолжается. И даже такой маленький луч приятного, как Катина письмо с листочками и картинками, растопило душу и вдохнуло надежду.

Особенно это почувствовалось в большом послании Екатери-

Вокзал железнодорожной станции Чернушка

Снимок 40-х годов

не, которое Евгений написал девушке на другой день, 11 июня.

“Горячо благодарю тебя, родная, за заботу. Получил твой “Привет с Урала” с засохшими, но ароматными цветочками. Когда я распечатал конверт -дохнуло родным, близким, нежным.”

Солдату, жизнь которого нередко

балансирует на грани жизни и смерти, полна тревог и неожиданностей, подчинена только приказам сверху - ласковое слово от нежной подруги - самый сладкий эликсир.

И хотя Евгений изливает душу по потерянному другу, он в этом находит и утешение, уверенный, что его поймут и успокоят. А утешения, сочувствия он жаждал, как ребенок, потому что, будучи предельно искренним и душевным, он понимал горе других и сам нуждался в теплоте.

В конце письма Евгений добавляет - когда был в Москве в командировках, собирался заехать в Калинин, к сестрам Миле и Юле. “Ждут, говорят, все-равно должен скоро приехать - очередь подошла. Верно, уже все были в отпусках, я один остался. Мне самому очень хочется съездить домой, к тебе, Катюша.”

И вот это произошло. Почти четыре года Евгений не был в родных местах и тут - отпуск. Он сразу едет в Москву, а оттуда шлет в Чернушку несколько телеграмм, что приезжает с таким-то поездом. С каким? Он и сам точно не мог предвидеть, так как поезда ходили без расписания, постоянно случались остановки. Связь работала далеко не четко и в телеграммах оказались неточности.

Одним словом, Евгения не встретили, чему он был крайне удивлен, но не опечален. Радость встречи с родными переполняла молодого офицера до краев, тем более, что он вез очень приятную новость.

...В пути на каком-то полустанке в окно вагона бросила де-

Дом, в котором жили Францевы в годы войны.

раз десять! Значит, теперь она, Варвара Васильевна Францева, героиня!

Родная моя, как она там... Как отец, как младшие - Тамара, Слава, Галя. Трудно, конечно, приходится им, это ясно, но в письмах не жалуются. Францевская закалка.

И вот, наконец, показался станционный домик с неприметной, но какой же родной надписью "Чернушка". Ничего, что ничего из своих не видно на перроне. Увижу всех дома.

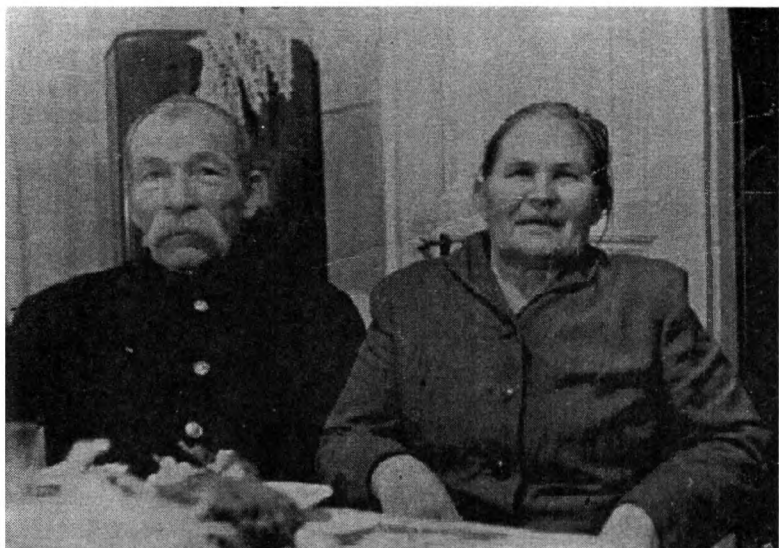
Евгений выпрыгивает из вагона, еще и еще раз оглядывается, и едва сдерживая радостную улыбку быстрым шагом спешит к родному дому.

Было раннее утро. Слава ночевал на сеновале. Проснулся, слышит радостные взвизгивания младшей сестренки, всхлипывания мамы, и изменившийся, по настоящему мужской голос, Евгения. Слава никогда не прыгал с сеновала, а тут, словно на крыльях, слетел прямо на Евгения. А тот высокий, крепкий, кружил на руках маму. Счастливые часы встречи.

Евгений очень сожалел, что дома были далеко не все. Гостила Юля, но уже вернулась в Калинин и увезла юную Наташу. Иван Дмитриевич был в поездке по своим служебным ревизорским делам. А когда вернулся, с гордостью любовался сыном-летчиком. Да и все родные не могли оторвать взор от статной фигуры в форме морского офицера, с кортиком и сверкавшими на груди двумя орденами Красного Знамени. Домик Францевых наполнился светом улыбок, радости, смеха, счастья.

Время было голодное. Хлеб по карточкам, кормились за счет огородов и сборов в лесах. В основном спасали картошка, да овощи. А тут Евгений устроил настоящий пир, выложил на стол тушенку американскую, белый хлеб, шоколад.

вушка букет цветов, обернутый газетой и среди сводок Совинформбюро на первой странице прочитал Евгений указ об учреждении звания матери-героини. Это право получали те, кто вырастил и воспитал для Родины десять и более детей! А их-то у матери как-

Иван Дмитриевич и Варвара Васильевна Францевы. Снимок 1948 года.

День Евгений провел с родными. К вечеру его жаждущая женской нежности чувствительная душа, его пылкое, горячее сердце уже стремилось к встрече с теми, о ком он столько мечтал в аэродромных землянках длинными полярными ночами, кто ему снился. Но к кому больше тянулось все его существо - Вере или Кате? Обе были ему дороги в эти дни, потому что он не столько жаждал их как женщин, сколько рвался к ним, как к подругам.

Сейчас не будем анализировать отношения Евгения и девушек. Не потому, что это очень сложно и легко впасть в ошибку. Просто, в данный момент изложим только факты, а сердечные тайнства, которые таковыми являлись, пожалуй, и для самого Евгения, оставим на совести тех писем, в которых наш герой открывал далеким феям самое сокровенное и которые приходили ему от них в ответ. Эти послания во второй части книги.

Итак, вечером сестра Тамара проводила его до районного Дома культуры и вернулась домой. Как Евгений повеселился в ДК - мы не знаем, только ни Веры, ни Кати там не было. А на другой день... Об этом уже рассказывает в воспоминаниях Вера Плеханова.

“Я с учениками работала на погрузке дров в вагоны на разъез-

*Евгений Францев в дни отпуска.
Август 1944 г.*

де Бикбарда. Приехала домой за продуктами. Была уже ночь. Я легла спать. Вдруг стук в окно. Выглянула. Ба! Женья в военной форме. Беден мой язык, чтобы описать встречу. Ходили до утра по берегу реки Стреж, сидели на берегу, не могли наговориться. О себе ничего не рассказывал, хотя совершил немало подвигов. Скромный!

Ночь прошла, как мгновение, как приятный сон. Договорились встретиться через день у нас дома, в 12 часов. Потому, что сегодня уезжала, а через день должна была приехать за продуктами снова. Но все поезда в тот день прошли че-

рез наш разъезд без остановок и только в 10 вечера я смогла сесть в поезд, а в 11 приехала в Чернушку. Шел дождь. От станции до дома в селе Березника дошла сильно уставшая и уже не думала ни о какой встрече. Тем более, что ночь была глухая и какая-то тревожная. Подхожу к дому. В нашей комнате горит свет. Это, видимо, ждет мамочка. Захожу: Женья! Ждал меня с 12 дня! Какое счастье! Об этом говорил весь мой облик и Женья, несмотря на то, что я была грязная и мокрая, принялся меня обнимать и целовать. И сам вымазался. Посмотрели мы друг на друга и расхохотались.

Я переоделась, пили чай, затем вышли на крыльцо. Присели (Кстати сказать, это крыльцо сохранилось. У последнего дома, ближе к железной дороге, справа, если идти от моста, дом Санниковых).

Моросил дождик. Пахло цветами, рядом цветник. Даже пели соловьи, словно по заказу. Говорить не хотелось, просто было так приятно сидеть рядышком. Однако усталость взяла свое и я незаметно уплыла в сон. Как я жалела потом об этом! Ведь так о многом можно было поговорить. А Женья не разбудил... Так и

Катя Мартазова.

Вера Плеханова

просидели до утра.

Потом пошли к нашим двум березкам на поляну, у которых до поступления в авиационное училище часто беседовали. Но на поляне стояла только одна - Женину кто-то срубил. Было нехорошее предчувствие у обоих. Но Женя свел все на юмор: "Моя березка ушла фашистов бить". А через два месяца Женя погиб.

Это была последняя встреча.

Женя был в Чернушке считанные дни, а я не смогла приехать, так как оставлять детей одних на разъезде было нельзя. Тем более, что из Свердловска приехала Катя Мартазова, которая была в нашей дружной компании 10 класса. Любой человек тянется к красоте, особенно после казарменной, неустроенной жизни. Катя работала секретарем райкома комсомола, приехала при всем параде, после городских чистых и уютных кабинетов. Женя проводил время с ней.

Провожали Женю его родные, Катя и моя сестренка Галя. Я уезжала на разъезд этим же поездом с двумя школьниками и была в рабочей одежде. Ехали мы на подножке вагона. Остановка в Бикбарде одна минута. Соскочили с подножки. Поезд тронулся. Я смотрела на уходящий вагон. Женя стоял на подножке и махал форменной фуражкой, пока я видела его...

Тогда я остро почувствовала, что теряю его навсегда. И не потому, что уйдет к другой (чувство ревности мне незнакомо).

Наступил сентябрь 1944 года. Писем от Жени не было и я почему-то перестала их ждать. Жила прошлым, перечитывала его

многочисленные письма...”

Это рассказ Веры Плехановой. А вот воспоминания Кати Мартазовой о пребывании Евгения во время отпуска в Чернушке и об их встречах, к сожалению, нет... Правда, из последнего письма Евгения Катерине (12 сентября 1944 г.) видно, что в Чернушке у них были серьезные разговоры об отношениях друг к другу и даже претензии, но до конца не выясненные. Екатерина собиралась что-то рассказать про “41 год”, но не рассказала. “Ругаться или сердиться на тебя не буду. Потом поговорим - заявляет Евгений, а в другом месте пишет. - Приехал из отпуска на Север. Получил все твои письма сразу, был очень рад. Между прочим, был почему-то уверен, что увижу тебя в Москве, так как в письме из дома мне сообщили, что ты собираешься в столицу. Ждал, но не дождался.”

А будучи еще дома, в дни отпуска, Евгений как-то раскрыл свой дневник, а в нем раздел адресов. Вот координаты Кати, не раз менявшиеся и неизменный адрес Веры. На одной из страниц запись: “Эх, если бы дожить до свадьбы! Так хочется дожить...”

Маме своей, однако, сказал.

- Жениться пока мне нельзя. Если же что случится, аттестат и все прочее на вас перешлют.

В годы войны в Чернушке находилась школа летчиков первоначального обучения ВМФ, Евгений побывал в ней. Рассказывал курсантам о боевых делах, делился опытом воздушного аса.

Высокая награда

Прощай родной дом, прощайте отец, мама, брат, сестры, любимые девушки. Тяжело было уезжать Евгению. Как быстро пролетели эти упоительные дни сладких встреч.

Но он не сразу отправился на фронт. Ему сделали поощрение: путевку в Сочи. И это явилось весьма кстати. Отдых летчику был необходим.

А пока он восстанавливался и набирался сил, в полку, где он служил, издан приказ о назначении Францева заместителем командира авиаэскадрильи. 10 августа в состав экипажа введен еще один воздушный стрелок, сержант И.В. Фомин. Антипичев же назначается старшим воздушным стрелком и радистом.

День Советской авиации явился для Францева и Галкина двойным праздником. Вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 года о присвоении звания Героя Советского Союза Е.И. Францеву, П.А. Галкину и их однополчанину капитану К.Ф. Шкарубе.

Все они знали еще ранее, что представлены к этой высокой награде, но знали также и то, что от представления до утверждения зачастую проходит не один месяц. Когда вышел Указ, оба героя были еще в отпуске. Приехали в Москву, увидели Указ в газете. Вручение состоялось 29 августа.

Указ был подписан Калинин, а удостоверение первым его заместителем Шверником. Вручал же награду Председатель Верховного Совета Латвийской республики.

Приводим данные из Наградного Листа на летчика 2 авиаэскадрильи 9 гвардейского МТАП 5 МГАД ВВС СФ (Минно-торпедного авиационного полка, 5-й Морской Гвардейкой авиационной дивизии Военно-Воздушных Сил Северного Флота).

ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА И ЗАСЛУГ

В Отечественной войне участвует с июля м-ца 1943 г. За этот период на своем боевом счету имеет 26 боевых вылетов, в ходе которых:

21.01.44 г. в р-не о-ва Инге атаковал, торпедировал и потопил подводную лодку противника.

За образцовое выполнение боевого задания, за лично потопленную подводную лодку противника и проявленную при этом

отвагу и мужество награжден орденом Красного Знамени.

После награждения:

4.03.44 г. в р-не севернее о-ва Квалей обнаружил 2 подводные лодки в охранении 1 миноносца противника, умелым маневром, несмотря на интенсивный огонь с кораблей противника, вышел в атаку и с короткой дистанции торпедировал и потопил вражескую подводную лодку. При отходе от цели после атаки самолет был подвержен исключительно интенсивному обстрелу ЗА, в результате чего получил прямое попадание в правый борт фюзеляжа, осколками была повреждена правая мотогондола, пробит пневматик правого колеса и стрелок-радист, гвардии старший сержант АНТИПИЧЕВ легко ранен в правую ногу. Несмотря на повреждение, полученное машиной, обладая отличной техникой пилотирования, т. ФРАНЦЕВ, отлично выполнив боевое задание, привел самолет на аэродром. За вторую потопленную подводную лодку противника, за проявленные при этом отвагу и мужество представлен к награждению вторым орденом Красного Знамени.

Кроме этого:

3.03.44 г., вылетая в группе низких торпедоносцев под командованием гвардии капитана ШЕБАНОВА для удара по конвою противника в р-не Варангер-фиорд, торпедирован и потоплен транспорт противника водоизмещением в 8000 тонн.

8.03.44 г., вылетая в паре с экипажем гвардии капитана ГУСЕВА для нанесения торпедного удара по кораблям противника методом “свободная охота” в районе Маккурсан-фиорд, торпедирован и потоплен транспорт противника водоизмещением в 8000 тонн.

14.03.44 г., в районе северо-восточнее Хелнес обстрелял и потопил вражеский мотобот и торпедировал транспорт противника водоизмещением в 1500 тонн.

2.04.44 г., выполняя боевое задание по поиску и торпедированию кораблей и транспортов противника путем “свободной охоты” в районе Тромсе атаковал, торпедировал и потопил транспорт противника водоизмещением в 10000 тонн. Благодаря своей настойчивости, решительности в своих действиях т. ФРАНЦЕВ, несмотря на наличие ИА противника неподалеку от района цели, произвел вторичный заход для фотографирования момента взрыва танкера противника, и это ему блестяще удалось. Искусно выполнив боевое задание, он не только уничтожил врага, но и отлично сфотографировал его гибель. Огромный взрыв, разлетающиеся обломки немецкого танкера, его погружение в

воду настойчиво и до конца наблюдал т. ФРАНЦЕВ. Об этом же говорит и сделанный им фотоснимок. В бензобаках самолета горючего оставалось ограниченное количество. Отлично изучив, овладев в совершенстве материальной частью, взяв расчет на наличие бензина, т. ФРАНЦЕВ маршрут для возвращения на родной аэродром избрал наиболее коротким - через материк, через вражеские сухопутные объекты, тем самым, умело рискуя жизнью и жизнью экипажа, привел самолет на аэродром.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования, за лично потопленные 2 подводные лодки противника, 1 танкер в 10000 тонн водоизмещением, 1 мотобот, 1 торпедированный транспорт водоизмещением 1500 тонн и потопленные в группе 2 транспорта противника общим водоизмещением 16000 тонн и проявленные при этом отвагу, мужество, доблесть и героизм достоин представления к высшей правительственной награде - присвоению звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

п.п. ВРИО КОМАНДИРА 9 ГМТАП 5 МТАД ВВС СФ
ГВАРДИИ МАЙОР - ЛИТВИНОВ

5 апреля 1944 г.

Достоин представления к высшей правительственной награде - присвоению звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

п.п. КОМАНДИР 5 МТАД ВВС СЕВЕРНОГО ФЛОТА
ПОЛКОВНИК - КИДАЛИНСКИЙ

4 апреля 1944 года.

II. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩИХ НАЧАЛЬНИКОВ.

Ходатайствую о представлении к высшей правительственной награде - званию ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

п.п. КОМАНДУЮЩИЙ ВВС СЕВЕРНОГО ФЛОТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АВИАЦИИ - АНДРЕЕВ

5 апреля 1944 года.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ФЛОТА.

За проявленное мужество, храбрость и отвагу, ходатайствую в соответствии с приказом НК БМФ № 294 от 8.X.43 г. раздел 8 параграф 16 о присвоении гвардии лейтенанту ФРАНЦЕВУ Евгению Ивановичу высокого звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

п.п. КОМАНДУЮЩИЙ СЕВЕРНЫМ ФЛОТОМ
АДМИРАЛ - ГОЛОВКО

п.п. ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА СЕВФЛОТА
КОНТР-АДМИРАЛ - НИКОЛАЕВ

7 апреля 1944 г.

После торжества награждения сестра Евгения Людмила шла вместе с героями по Москве. И все любовалась ими. Оба подтянутые, красивые, с Золотыми звездами на груди. И все, кто попадались навстречу, невольно обращали внимание на офицеров-молодцов.

Счастливые долго гуляли по столице. Вечером отправились в гости к десятикласснице Надежде. Впоследствии она стала Надеждой Артемовной Францевой, потому что разделила супружескую жизнь со старшим братом героя. Вот так распорядилась жизнь.

С удовольствием вспоминает она тот вечер.

- Оба они были очень счастливы, - говорит Надежда Артемовна о Евгении и его боевом друге. - В какой-то момент, я это пре-

Удостоверение героя.

красно помню, вдруг начался салют в честь взятия нашими войсками города Констанцы. С балкона было все прекрасно видно. И тут Женя заявляет: а мой брат ведь где-то в тех местах воюет. Мы, в общем, это отметили и стали искать на карте где и что.

Евгений, несмотря на то, что первый раз был у нас, вел себя спокойно и уверенно. Все веселились от души. Получилось уютно, по-домашнему, хотя на столе ничего особенного не было.

Во время получения награды на радио было записано выступление Евгения Францева, которое прозвучало в эфире 2 сентября 1944 года. К сожалению, эту запись потеряли. Так же без-

Павел Галкин (крайний слева) и Евгений Францев в гостях у сестры в Калининe, после получения звезд Героев Советского Союза.

возвратно канули около 20 писем Евгения, посланные Вере Плехановой. В конце августа 44 года в Чернушку приезжал корреспондент “Комсомольской правды”, чтобы подготовить материал о Францеве. Обещал написать очерк и вернуть Вере письма. В результате ни очерка, ни писем.

... Но вот снова суровое небо Заполярья. Здесь Евгений дважды встречался с бывшим одноклассником Петром Швецовым, который служил военным фельдшером. Приезжал летом в Североморск по командировке и случайно увидел в Доме офицеров Евгения. Оба страшно обрадовались. Провели вместе вечер.

В начале осени вновь был в Североморске, заехал к Евгению, ночевал у него. Рассказал о том, как погиб их товарищ по 10 классу Василий Патраков. Он, как и Швецов, в 1941 году выучился на военного фельдшера, попал на Балтийский флот, в десант. Швецов тоже попросился, но его не назначили.

Расставаясь, Швецов и Патраков дали слово, если доживут до победы, первого сына назвать именем друга. В газете “Красный Балтийский флот” за ноябрь 1941 года напечатана статья “Он погиб как герой”, в которой рассказывалось о подвиге Патракова.

Под Петергофом, часть в которой он служил, несколько раз безуспешно атаковала позиции врага. Все офицеры погибли. Ка-

залось, верное поражение. Но вот взял на себя командование Василий Патраков. В батальоне его любили за веселый, добрый нрав, за проникновенную игру на баяне. С яростью повел он солдат в последний бросок, ворвался на позиции неприятеля и был смертельно ранен. Победа одержана дорогой ценой.

Как потом подсчитано, в огне Отечественной отдали свои жизни десять одноклассников выпуска 1940 года. Швецов выполнил обещание, сына назвал Василием.

Эту тайну хранит море

В 1995 году я побывал в Ейском Высшем военном авиационном училище (ранее Военно-морское авиационное училище), из стен которого вышел Евгений Иванович Францев, встретился с его бывшим боевым другом штурманом Павлом Андреевичем Галкиным, ныне полковником запаса. Его рассказ записал на диктофон.

Затем была поездка в Центральный военно-морской архив в Гатчине Ленинградской области, встреча с Вадимом Ивановичем Мигулинным в Москве, в Международном фонде поддержки авиаторов. Работал я в Центральной военно-морской библиотеке и Центральном военно-морском музее в С.Петербурге. Прочел много документов, подшивки фронтовых газет “Краснофлотец”, “Североморский летчик”, “Красный флот”.

Ценные сведения имеются также в музее военно-воздушных сил Северного флота, в музее Ейского высшего авиационного училища.

... С волнением читал я тексты пожелтевших страниц документов и газет и в сознании всплывали события последних дней боевой жизни Евгения Францева.

14 августа был издан приказ: допустить к вывозке ночью после провозных и проверки под колпаком и в зоне на самолете Ил-4 Францева Евгения Ивановича. До этого, как мы знаем, он летал на американских самолетах.

14 сентября в 23 часа 45 мин. командир авиадивизии приказал утром следующего дня послать самолет А-20Ж гвардии старшего лейтенанта Францева в крейсерский полет для поиска и торпедирования кораблей противника на предельный радиус от мыса Харбак и дальше на запад.

15 сентября. Время 4 часа 40 мин. Получен приказ от майора Сайганова: вылететь Францеву в 5 часов 5 мин.

5 час. 10 мин. Взлет самолета А-20Ж.

6 час. 25 мин. Возвращение самолета и посадка: в воздухе сорвало стабилизатор торпеды.

15 час. 15 мин. Экипаж Францева - Легкодымова - Антипичева - Фомина приготовился к полету.

Сразу надо объяснить, что штурманом на этот раз полетел не Галкин, а лейтенант Василий Ефимович Легкодымов. Ему было 25 лет. В 41 окончил Ейское училище. Служил воздушным стрелком на бомбардировщиках в Черноморском флоте. В 42 году направлен на Северный флот. Учился на Высших спецкурсах состава ВМФ, после назначен начальником минно-торпедной службы 2-й авиаэскадрильи. Обычно на эту должность ставили штурманов по образованию.

Вспоминает П.А. Галкин.

- Легкодымов жил в том же приземистом помещении, где и наш экипаж. Землянка была большая, разделенная на комнаты экипажей на пять. Жили мы дружно. Однако Легкодымов летал редко, у него были другие обязанности. Но если пожелал бы, то как начальник мог полететь в любом экипаже. Несколько раз просил меня.

- Паша, давай слетаю вместо тебя на “охоту”.

Но я всегда был против. Ведь, как правило, если экипаж разъединяется, то есть летчик летит с другим штурманом или штурман с новым летчиком, успеха добиться бывает гораздо сложнее. Потому что исчезает выработанная слаженность действий, теряется чуткое отношение друг к другу или, как говорят пилоты, слетанность. Штурман и летчик должны понимать друг друга с полуслова, с полужука, чутьем. Как-то я сказал Францеву.

- Женя, ох и четко ты понимаешь мои команды, не успею слово произнести, а ты уже выполняешь!

- А я их и не слышу. Я их чувствую. - ответил Евгений.

К тому же у Легкодымова было мало практического опыта - 11 часов 39 минут полетов. Сравним с Евгением - 302 часа 41 минута. Из них ночью свыше 13 часов и 17,5 часов по приборам.

Тут же случилось так, что мне пришлось попасть в госпиталь: повредил палец и сделали операцию, удалили часть кости. Но Францев не мог лететь без штурмана. Вот этим и воспользовался Легкодымов. Когда я был жив-здоров такой возможности у него не было.

- А мог бы Францев отказаться от полета, потому что штурман, с которым он хорошо сработался, лететь не может? - спросил я у Галкина.

- Такое право имел, конечно. Тем более на “свободную охоту”. Другое дело, в составе эскадрильи или полка, при массированном вылете всей массой самолетов - здесь главное уже не

желание летчика, а приказ командира соединения. Ну, а в одиночном, “крейсерском” полете экипаж определяет командир самолета и при отсутствии своего штурмана может отложить операцию. В данном случае полет выполнялся с полного согласия всего экипажа, Легкодымов был дружен с нами, боевой товарищ. И то, что все решено было с общего полного согласия, нет никаких сомнений.

Однако, необходимо особо подчеркнуть, что этот полет по сложности был особенным и исключительно опасным. Францев решил отправиться в район Порсангер-фиорда, на норвежском берегу, где в длинном, скалистом заливе уже давно стоял авиатранспорт, а неподалеку находился аэродром немецких истребителей. Было решено нанести удар по авиатранспорту.

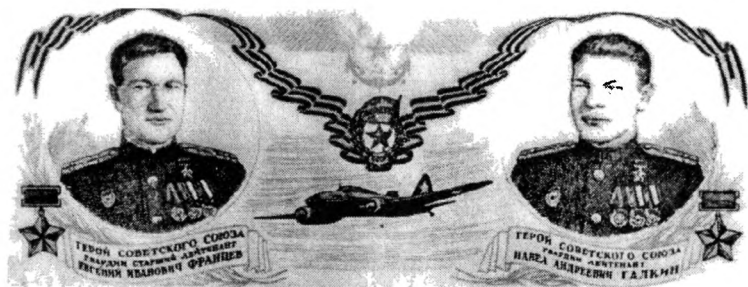
- Однажды мы уже были там, - рассказывает Павел Андреевич. - Этот фиорд километров 80 уходит в Скандинавские горы. Извилистый, то шириной километров до 15, а то сужается до 7 - 8. Справа и слева скалы, высотой до 400 метров. Летели мы тогда словно в трубе. К тому же появилась облачность. Опустили самолет почти к самой воде. А из нее тут и там торчат скалистые островки. Прямо скажем, место гибельное. При плохой видимости, как дважды-два, можно налететь на скалы или врезаться крылом в береговые горы.

Завел туда я самолет и сам не рад. Туман все ниже и ниже, облачность тоже до самой воды опускается. Вода от глаз скрылась, хотя летели над ней метров 30 - 50. Тут уже не приходится думать об атаке, ничего вокруг не видно, не говоря уже о транспорте. В такой обстановке одно наверняка - врезаться в скалы. И тогда даю команду:

- Разворот на 180 немедленно! С максимальным креном, как можно круче!

Евгений сразу стал разворачивать самолет. А я весь сжался и жду - вот-вот раздастся треск и мы превратимся в пыль. Знал, какое тут опасное место лучше Евгения и Семена, потому что вел прокладку. Справа на какое-то мгновение туман потемнел, значит, вплотную к скалам приблизились, но не задели их, проскочили. Дальше посветлело, и мы вылетели в море.

- Все. - сказал я командиру. - В следующий раз пойдем сюда только тогда, когда облачность не ниже 150-200 метров над водой. Чтоб истребители не могли взлететь и на нас наброситься, а мы бы смогли атаковать транспорт и спокойно полететь мимо скал. Все это нужно очень хорошо знать и четко вести прокладку в фиорде.

Листовка политуправления о Е. Францеве и П. Галкине.

Откуда мог все это детально представлять Легкодымов? И почему Францев серьезно не подумал об этом?

Видимо, ему не терпелось, на мой взгляд, после того, как мы получили Золотые Звезды героев, отдохнули, набрались сил, проявить себя. Это его вдохновляло и толкало поскорее совершить что-нибудь выдающееся.

И, пожалуй, еще появившаяся теперь уверенность, убежденность в победе.

Правда, поскольку у меня была разработана эта операция, обсудили ее с Евгением, тщательно подготовили, то он посчитал, что и с Легкодымовым четко ее выполнит.

В тот день, 15 сентября, наша авиация буквально обрушилась на фронтовые позиции врага, различные объекты, военно-морские базы и корабли. Было совершено 240 самолето-вылетов. У немцев всего 27, и в основном только для противодействия наших налетов.

На морских коммуникациях неприятеля были потоплены транспортное судно, сторожевой корабль и четыре малых боевых корабля. А повреждены два больших транспорта, танкер, самоходная баржа и несколько мелких судов.

- В тот день я позвонил из госпиталя дежурному по части, - продолжает свое повествование Павел Андреевич. - Поинтересовался делами эскадрильи.

- Все в полете, - отвечал дежурный. - А твой командир отправился на "свободную охоту" с Легкодымовым.

У меня сразу мелькнула мысль: вот воспользовался моментом и наверняка в тот фиорд сунутся. А это очень сложно и очень опасно. Попытались мы уже, да с тем и вернулись: потому что ничего не смогли сделать, а решились бы - там бы и остались.

Атака в том фиорде может быть успешной только при необходимых погодных условиях и с ювелирным исполнением предельно точных расчетов.

Через час звоню вновь дежурному.

- Нет, не вернулись, - отвечает он.

Проходит полчаса и тут принята радиограмма: "Порсангер-фиорд. Атаковал транспорт". Через пару минут: "Транспорт затонул. Возвращаюсь." Причем передано открытым текстом. Радиограмма принята в 17 часов 20 минут дежурным капитаном Левченко. Эти документы хранятся в Центральном Военно-Морском архиве.

Далее в журнале боевых действий такая запись: "Посадка самолета № 28 экипажа Францева в 20 час. 40 мин.". Но это была ошибка оперативного дежурного, посадку совершил другой самолет под номером 36.

А самолет Францева ждали еще час, другой, третий. По расчетам, горючего уже не осталось. Но надежда еще брезжила, хотя в журнале и сделали запись "С боевого задания не вернулся".

Никто не хотел верить в гибель экипажа этого выдающегося летчика и замечательного человека. Многие готовы были поверить в самое необычное: мол, могли приземлиться на норвежской земле и как-то существовать. Могли прыгнуть с парашютом и спасательной лодкой, а немцы подобрали их...

Могло быть все. Но тайну случившегося с самолетом А-20 Ж № 28 и его отважным экипажем во главе героя-командира Евгения Францева более полувека хранит студеное Баренцево море.

Есть только одна возможность обрести истину - поискать в немецких архивах. Если торпедоносец сбили истребители, то наверняка это зафиксировано в документах. 15 сентября в тех местах сбит лишь один советский самолет. Известно время, известен район, где торпедирован авиатранспорт.

Родственники несколько раз обращались в вышестоящие организации. Они не исключают, что норвежская береговая охрана могла подобрать тела погибших и предать их земле. В 1994 году Николай Иванович Францев получил ответ от военно-морского атташе Российского посольства в Норвегии. В письме говорится, что 16 сентября 1944 года на военном кладбище Хавойсунд, что в Норвегии, были похоронены два советских летчика.

Один из них, Василий Дмитриев, 1920 года рождения. Имя второго неизвестно. Родственники не исключали, что им мог быть Евгений Францев или кто-нибудь из его экипажа. По их просьбе

я занимался уточнением этих данных в Музее ВВС СФ и Центральном Военно-Морском архиве. И узнал, что это был другой экипаж.

16 сентября 1944 года в 9 часов 54 минуты взлетел экипаж в составе: Литвак Дмитрий Яковлевич - зам командира 3-й авиаэскадрильи, гвардии ст. лейтенант; Дмитриев Василий Ефтевич - штурман, гвардии лейтенант; Игнатьев Иван Яковлевич - старший воздушный стрелок-радист.

И они погибли.

Акты расследования причин гибели экипажа Францева и Литвака подшиты вместе. Родственникам просто сообщили, что экипаж не вернулся с боевого задания: то есть пропал без вести. А летчики-то, оказывается, похоронены на норвежском кладбище.

Сколько таких безымянных могил, о прахе покоящемся в которых родственники ничего не знают! Печальна участь этих погибших воинов, и бесконечна грусть по павшим родных, близких, любящих...

В 1996 году Екатерина Николаевна Францева побывала в Норвегии, встречалась с официальными лицами, пыталась что-либо узнать о своем дяде, но никаких следов не нашлось.

В официальном акте расследования причин потерь в частях Воздушно-Морских Сил ВМФ в боях летом 44 года, подписанным командиром 9 минно-торпедного полка подполковником Сыромятниковым и начальником штаба майором Бородавко есть запись: "Предположительно перехвачен истребителями противника и сбит. Экипаж в составе четырех человек погиб." Речь шла о самолете Францева.

Привлекла внимание следующая запись из этого акта.

"Самолетам-крейсерам, выполняющим задание по поиску и торпедированию кораблей противника, доносить о результатах своих действий по радио в целях предупреждения подобных потерь в будущем только уйдя от района атаки в море."

Иными словами то, что Францев передал радиодонесение "транспорт затонул" открытым текстом, к тому же в районе атаки, посчиталось возможной причиной его гибели. Немцы заперенговали донесение и бросили на самолет истребители.

Могло так и случиться.

Но ходило и другое мнение. О нем я сказал Галкину.

- Могло быть, что самолет загорелся, Францев направил его на авиатранспорт и взорвался вместе с ним?

- Вряд ли. Мнений таких в моей памяти не осталось. А забыть я их не мог, ведь это очень важно. Радиообмен фиксируется чет-

ко. Всегда только два-три слова, коротко и ясно, так заведено у летчиков. В первой радиограмме: “Порсангер-фиорд. Атаковал транспорт.” Через две минуты вторая радиограмма: “Транспорт затонул. Возвращаюсь.” Вот и все.

Если с самолетом что-то случается перед атакой, летчик обязательно сообщает “имеются повреждения”, “на борту пожар” и так далее. Здесь же было только одно слово “возвращаюсь”. Это - ясная информация, она рассказывает всю картину во время атаки и сразу после нее.

Но что произошло потом - неизвестно. Посылали разведчика. Он зафиксировал, что транспорт, который там стоял и который атаковал Францев, утонул. Экипаж Евгения свою задачу выполнил, его донесение было достоверным. А что случилось потом, можно только гадать.

Три возможных варианта могло быть.

Первый. Сбили истребители противника сразу после атаки, там же, у цели. Ведь аэродром располагался неподалеку. Наш самолет, по существу нападал на транспорт на виду у истребителей, а им в такой обстановке сбить торпедоносец или бомбардировщик несложно.

Второй. Неподходящие погодные условия, плохая видимость. Тем более штурман полетел впервые. Скалы высокие, над головой, а атакуешь на высоте метров 50. Большая вероятность столкнуться со скалой.

Третий. Уже на обратном пути перехватили истребители или сбили зенитки где-то ближе к линии фронта.

Я не удержался от вопроса, который мучил меня долгие годы. От многих слышал - в Москве, Североморске, в Музее Ейского авиационного училища, что если бы Францев полетел с Галкиным, полет мог быть благополучным. Ведь оба вместе совершили 30 боевых вылетов.

После некоторого раздумья Павел Андреевич ответил, будто рассуждая сам с собой, неторопливо, углубленно. Все это на магнитофоне.

- Экипаж - это как единое существо. Поэтому замена одного из членов экипажа создает его неполноценность, особенно в сложных обстоятельствах. В простой обстановке это почти не сказывается, а в сложной - очень. Здесь же, в этой атаке, у меня уже были свои принципы, мнения, твердые расчеты. И я, конечно, не допустил бы ошибки, если это от меня зависело. Все было учтено, и, конечно, действий наугад я бы не допустил, на авось бы не пошел. Решился бы только на такие шаги, которые навер-

няка принесли бы только успех. Ну, а чем все-таки закончилась бы атака, если я был штурманом - откуда мне знать? Война есть война.

Но одно бесспорно, Францев и Галкин понимали друг друга не только с полуслова, а улавливали мысли и предчувствовали действия. Достигнуть этого заставил вопрос жизни и смерти и плюс высокий профессионализм.

По существующим правилам вещи погибшего отправлялись посылкой его родным. В данном случае отцу Евгения Францева - Ивану Дмитриевичу. И случилось так, что опись вещей и их отправку произвел капитан Левченко, который принял последнюю радиограмму от Францева 15 августа 1944 года.

Всего было собрано 57 вещей. Учтена каждая мелочь, вплоть до спичек (5 коробков), мыла (5 кусков), папирос (20 пачек), носков, носовых платков (14 штук), подворотничков (15 штук) и т.д. Из одежды - шинель, китель, брюки (двое), рубашки (две), нижнее белье. Обувь - ботинки (2 пары) и галоши к ботинкам.

Как видите, гардероб офицера-летчика не был богатым. Весьма скромный.

А "похоронку" родители Евгения получили 9 октября. Сохранилось письмо, написанное после этого Славой Францевым Кате Мартазовой.

"...У нас большое горе. Погиб Женя. Не знаю, как мы все вынесем это. Потерять такого сокола - Героя Советского Союза - это выше всяких сил..."

Письмо Екатерины Мартазовой Павлу Галкину.

"Здравствуй, Павлик!

Живу в Чернушке, приехала отдохнуть, рассеять горе. Да разве рассеешь! На душе постоянная скорбь. Все прошлое вспоминается. Ведь совсем недавно были с Евгением вместе. И вот я одна... Хожу по тем местам, где мы гуляли во время его приезда. Тяжесть на сердце.

Дорогой Павлик! Я уже не знаю, отчего мой рассудок подсказывает не верить тому, что Жени нет. Иногда я бываю даже убеждена в этом. Тогда мне становится легче, особенно в трудные минуты. Родители Жени получили его вещи, документы, но все равно ждут хорошей вести. На днях мама и папа Жени были у меня..."

Горе матери и отца было безысходным, но молчаливым. Не слезинки не уронили они при детях. И долго не могли поверить в гибель сына. А когда в канун Победы по Всесоюзному радио второй раз прозвучало выступление Евгения, Варвара Василь-

Павел Андреевич Галкин - полковник в отставке. 1995 год.

евна с просветлевшим взглядом, убежденно сказала:

- Вот видите, сын жив. Вы сами не знаете правды.

Форменный китель и шинель Евгения Варвара Васильевна приспособила для Славы. Они славно послужили ему в годы студенчества. А летнее пальто Евгения Иван Дмитриевич носил еще долго. После его кончины в 1955 году пальто висело в дровянике. А в 1984 году по просьбе учащихся пальто передали в школьный музей.

Отдали жизнь ради Победы четверо молодых летчиков. Одни из многих и многих, ушедших от нас в страшное военное время.

Галкин сообщил о гибели Евгения знакомым, написал Кате Мартазовой, отослал родным его вещи и фотографии. Себе ничего не оставил. Поэтому у Павла Андреевича нет фотографий того периода, кроме двух - потопления танкера и бомбоудара по Киркинесу.

Выйдя из госпиталя и оставшись без летчика, Галкин не пожелал ни с кем летать, а в конце 1944 года его послали на Высшие офицерские курсы. После учебы направили в Балтийскую авиацию, где он и встретил завершение войны.

Немного удалось узнать о двух новичках экипажа: В.Е. Легкодымове и И.Ф. Фомине.

Василий Ефимович родился 21 января 1919 года в селе Убинское Павлодарского района Казахстана. После школы 29 октября 1939 года поступил в ВМАУ им. Леваневского. Военную присягу принял 23 февраля 1940 года. После выпуска из училища офицером направлен в распоряжение ВВС Черноморского флота, где стал воздушным стрелком бомбардировщика. В конце 1942 года переведен на Северный флот. Служил в 1 и 2 авиаэскадрильях 24 авиаполка. Затем Василий Ефимович стал слушателем Высших спецкурсов комсостава ВМФ. 20 октября 1943 года был назначен начальником минно-торпедной службы 2 и 3 авиаэскадрильи, а 9 июля следующего года - вновь 2-й.

Был женат. Супруга - Прасковья Фоминична жила в г. Каган

Узбекской ССР.

Еще меньше сведений о Фомине. Родился он в 1920 году, в деревне Грековка Никольского сельского совета Куркинского района на Тулышине. Перед войной получил среднее образование. Стал кандидатом в члены КПСС в военное время. 13 октября 1943 года награжден медалью “За отвагу”.

Вот и все.

Еще один документ.

Дата. 25 сентября 1944 года. Начальнику 2 отделения ОК ОС ВВС СД капитану Харченко.

При этом представляю ордена, медали и документы погибших.

1. Орден Ленина - 1 шт. № 19104.

2. Медаль “Золотая Звезда” - 1 шт. № 4047.

3. Орден Красное Знамя - 3 шт. №№ 81084, 05010, 22195.

4. Медаль “За отвагу” - 1 шт. № 305194.

Начальник строевого отделения 9 ГМТАКП 5 МТАД ВВС СФ гвардии старший лейтенант административной службы Косулин.

Долгое время мы не знали, где находятся награды Е. Францева. Оказывается по законам того времени они были сданы в штаб флота, а Удостоверение Героя Советского Союза и Орденская книжка отправлены в Чернушку, родителям.

* * *

Награды хранят святую память: светлые и мучительные воспоминания, чувство неизмеримой благодарности судьбе за таких, как Евгений, и веру, что они покидают нас лишь телесно, а духом и идеалами - вечно с нами.

Письма

Письма, зачастую, дают более глубокое представление о человеке и его поведении, чем многие другие источники. Благодаря письмам Евгения Францева и посланиям, которые он получал от Веры Плехановой и Екатерины Мартазовой, можно еще лучше представить характер нашего героя и глубже, яснее обрисовать его отношение к этим девушкам, которые почти поровну занимали его воображение.

Обе они были ему очень дороги, хотя в разное время далеко не в одинаковой мере властвовали в его сердце. Это зависело от многих обстоятельств, и, конечно же, в значительной степени от того, как девушки отвечали на внимание Евгения к ним, как улавливали его чувства, мысли, взгляды, настроение.

Судя по всему, о чем рассказывалось в книге выше, Евгений в 10 классе дружил с одноклассницей Катей Мартазовой в прямом смысле этого слова. На более глубокие и близкие отношения еще не было и намека, хотя, конечно же, молодые люди нравились друг другу.

Но вот перед юношей появилась Вера Плеханова и его сознание наполнилось новым светом: Евгения охватило ощущение, которое жаждет каждое молодое сердце, это было предчувствие любви.

Однако оно по-прежнему, как и его друга Михаила Глухова, а также обоих девушек не заходило дальше чисто дружеских отношений. И только когда, резко повзрослевшие, после окончания школы, все они разъехались в разные стороны, их чувства обозначились четче и острее.

Впрочем, все равно понадобилось время, чтобы Евгений уяснил свою определенную увлеченность, а девушки поняли, что посвящать себя одному и тому же юноше и, вместе с тем быть подругами, почти невозможно.

Воображение Евгения все больше захватывал образ Веры, но Катя все-равно оставалась в сознании хорошим другом и приятной девушкой и, как Вере, он ей тоже постоянно отправляет искренние, душевные послания. Но девушки, хотя и стремились воспринимать эту двойную дружбу без предвзятости, быть как бы выше струнок ревности, невольно попадали в сети соперничества и, разумеется, какая-то из них уходила в тень. В первое

время учебы Евгения в училище отошла в тень Катя Мартазова. Верой Евгений был увлечен сильнее.

Это заметно по письмам всех троих. Публикуем мы их в хронологическом порядке. Однако, если послания Евгения к девушкам, в большинстве сохранились, как и Веры к нему, то вот весточек от Кати Евгению до 1943 года почти не осталось.

* * *

Чернушка. 3 сентября 1940 г.

Вера, здравствуй!

Горячий привет и обилие самых лучших пожеланий. Город Молотов тебе не нравится? Просто смешно: областной центр окрестила “городишком”. Еще смешнее, что мне (и Михаилу тоже) не понравился город Москва. Мила нас за это окрестила именем “убежденных провинциалов”. На самом деле - все не так. И Молотов, и Чернушка, и всякая другая Грязнушка не понравятся с первого взгляда. Но русский человек тем и славится, что он умеет жить в любых условиях и привыкнуть (и даже полюбить) какую-нибудь Чернушку и ее жителей.

Поверь, Вера, что твое первое впечатление сгладится и г. Молотов тебе будет близким и родным. Вспомни свои первые впечатления о первом посещении “достопримечательностей” Чернушки. Она тебе казалась глухим болотом, диким лесом, непроходимой глушью. Но теперь ты ее вспоминаешь, как близкую тебе и дорожную.

А теперь последние новости. Катя Мартазова живет в Чернушке. Видел ее дня три тому назад. Почти не говорил. Она не сдала, вернулась. Вот сглупила! Ведь есть в Москве не один текстильный институт, а еще много других. Вот и все.

* * *

Чернушка. 14 сентября 1940 г.

Здравствуй, Вера!

Получил твое письмо и был очень рад. Давай-ка не будем унывать. Жизнь свою надо устраивать хорошо, хоть в Молотове, хоть в Чернушке. А тут я тебя не узнаю, вечно веселую, жизнерадостную.

Ну, а я живу только одним - скорее в училище, к ребятам, с которыми успел познакомиться и близко сойтись.

Катя живет здесь, но я ее видел всего два раза. Никуда она не уезжает, будет работать в Броду учительницей. Вот и все.

Зачем бес сводит людей не так, как надо бы? Что она мне не нравится - не могу ответить, потому что не знаю, но что-то есть. Может быть и наоборот, что ничего нет. Может поэтому мы и не

встречаемся. А ходить в клуб и не быть с ней - еще обидится. Вот так на сердечном фронте.

А ты почему упорно отказываешься от М. Г. (Миша Глухов), я плохого ничего не вижу, если любить хорошего человека. Чего греха таить, сам однажды попал в переплет. . .

* * *

Чернушка. 5 октября 1940 г.

Здравствуй, Вера!

Твое долгожданное письмо получил и был очень рад, что ты все же не забываешь "своих".

Получил твое письмо, но не мог сразу ответить на твой вопрос: "Как долго будет наша переписка?" Я вспоминал, чем мог тебя обидеть, чтобы ты так спрашивала. Вообще, этим вопросом ты меня ошарашила.

* * *

Ейск. 8 декабря 1940 г.

Здравствуй, Вера!

В тебя я действительно верю. В том, что ты хороший товарищ - это не стоит доказывать; что ты хороший друг - тоже бесспорно, и только. Что ты можешь сказать по этому поводу? Ставлю на голосование, как понимать: "Верь". Ответь, хоть в шутку.

Почему молчишь так упорно. Всякое терпение может лопнуть. Пиши, уважаемая. С горячим приветом. Твой Евгений.

* * *

Ейск. 10 января 1941 г.

Вера, как встречала Новый год? В вихре вальса или в вихре снега?

А мы Новый год справляли. . .

О, что было! . . .

Отбой в 11.30. И мы все почти спали, когда радио оповестило о торжественных церемониях: подняты бокалы, пробило 12 и . . . пошло веселье. Вальс, фокстрот и туман хмеля все больше и больше охватывает голову и тело. Крутишься во все стороны, чувствуешь близко девушку, любимую, стройную и послушную в танцах. Чувствуешь так близко, так крепко держишь ее. И эта девушка - ты. И проснувшись, я долго не мог поверить, что все это лишь сон. . .

* * *

Ейск. 15 января 1941 г.

Добрый день, Веруська!

Признаться, я не могу ничего толком написать сейчас - так ты ошарашила меня своим письмом. И мне все время лезут в голо-

ву нехорошие мысли о здешних девушках и дамочках, которые сами льнут к курсантам. Мне казалось чудовищным, когда рассказывали об этом старшие. А когда сам увидел это “порочное” знакомство на один вечер, стало на душе совсем тяжело.

И все же я живу хорошо, замечательно. Все вошло в свою колею: учеба каждый день, физ. подготовка, изредка строевая.

* * *

Ейск. 23 февраля 1941 г.

Здравствуй, Вера!

Письмо твое получил. Я так долго ждал! Благодарю за внимание, но не благодарю за заключение, которым ты кончила письмо.

Чем ты так обижена? Я тебя уважал. Потом тобой увлекался, но не мог ничего предпринимать, так как был в хороших отношениях с М.Г. и знал многие его “тайны”, то есть ваши отношения. Мы с ним часто говорили об этом. Я знал, что он тебя любит.

Одному всегда надоедает шататься. И стал я трепаться, грубо говоря. Что было делать? Потом с Катюшей. Знаешь, по секрету говоря, она в письме с месяц назад объяснялась в любви. Я стал в тупик. Но решил сказать ей всю правду. А что отвечать? Отписаться? Она еще и ревнует.

Ну, а чем тебя обидел? Почему пишешь: “если хочешь, это будет последнее письмо”?

Что я от тебя хочу? Главное, чтобы ты по-дружески поддерживала в трудные минуты мой дух.

Ты представляешь, какая у нас обстановка? Она требует душевного равновесия. Надо чтобы ничто не тревожило, когда поднимаешься в воздух. Это наш закон. Ну, да ладно.

* * *

Ейск. 28 февраля 1941 г.

Здравствуй, Катерина!

Прости, что долго не писал, не мог. Сдал 3 зачета. В марте - еще 4 или 5. В общем придется опять заниматься. Скорей бы в лагерь!

Все письма твои получил. И карточку, за которую - большое спасибо.

А о первом письме хочу сказать, чтобы больше так не писала. Я как будто не заслужил, чтобы крыть меня на чем свет стоит.

Не знаю, что тебе обидело в моем письме? То, что я “буду моряком”.

Ничего нехорошего в этом не вижу.

Евгений.

* * *

Чернушка, 15 марта 1941 г.

Евгений, здравствуй !!!

Катю М. Не видела уже давненько, но она на меня сердится (хотя сама не сознается в этом). Думаешь из-за чего?

Из-за тебя! Она вероятно ревнует тебя ко мне, раз мы с тобой переписываемся. Ну и чудачка! Она тебе наверное пишет что-нибудь о нашей переписке? Но на меня ничего не подействует, все равно буду писать. (Это - личное желание).

Пока сами не рассоримся.

Вера.

* * *

Ейск. 28 июля 1941 г.

Здравствуй, Катя !

Получил твою открытку. Очень рад за тебя, что твоя мечта осуществилась - ты уехала в Свердловск.

Немного о себе.

Учусь, летаю, работаю.

Готовлюсь вступить в ряды Действующей.

А ты чем помогаешь фронту?

Ну, всего хорошего.

Больше писать не могу - не имею времени.

* * *

Чернушка. 1 сентября 1941 г.

Дорогой Евгений! !!

Только что получила от тебя письмо и спешу ответить. Большое, большое спасибо за него.

Женечка! Ты ждешь от меня обширного письма. Ну что я могу написать? Перед этим я послала письмо, которое затеряться не должно. В нем я кое-чего написала. Не знаю, понравится оно тебе или нет. Только ты должен написать откровенно. Хорошо?

Крепко, крепко целую тебя. Вера.

* * *

Чернушка. 30 октября 1941 г.

. . . Евгений! Сегодня 30 октября. Ты помнишь в этот день утро. Мы простились с тобой у вагона. Прошел год! Я как сейчас тебя вижу, словно вчера простились. Передо мной твоя фотокартонка. Смотрю на нее, рассуждаю вслух и пишу тебе письмо. Настроение - замечательное, будто с тобой разговариваю. От Кати Мартазовой не получила ни одного письма, как уехала она в Свердловск. Ты с ней не переписываешься случайно? Если

да, привет ей от меня. Недавно получила от Михаила Г. письмо. Спрашивает, где ты находишься. Вот его адрес: Орджоникидзевский кр. Г. Моздок, п/я 20.

Целую крепко. Вера.

* * *

Ейск. 25 ноября 1941 г.

Здравствуй, Вера!

Давно получил твою открыточку и все ждал письма, но увы - не дождался.

А какой красивый восход солнца был 7 ноября. Исключительный, праздничный, торжественный и величавый. Я нес "почетную вахту" - стоял ночь в карауле.

Откуда-то нарастал гул моторов. Вот вылетела туча самолетов различных типов-истребители, штурмовики, бомбардировщики - это летчики торопились в столицу на парад. Не в Москву, а в новую столицу - Куйбышев. Вечером был митинг. Потом потянулись будни: занятия, полеты, различные работы и зачеты по теоретическим предметам. Я все сдал на 5. Но для нас заводы еще не сделали самолетов. И кто знает, сколько времени еще придется здесь коптить небо. С М. Глуховым мы разъехались окончательно. И где только нет сейчас наших! М.Г. где-то на Кавказе. Если у тебя есть его адрес, пришли.

* * *

27.XII.41г.

Ура! Сегодня получил сразу 2 письма, а вчера - телеграмму. Вот радость! Оказывается, еще есть друзья. Сразу настроение улучшилось.

Эх, Верочка, если бы ты знала, как здесь надоело. Я так часто вспоминаю бывшее, во сне вижу, будто я приехал домой, встретил тебя. Между прочим, часто тебя я вижу в двух вариантах: сначала веселую, простую, добрую; потом - веселую и хитрую, с какой-то тайной мыслью. Потом начинаю припоминать все наши встречи. Хотя мы с тобой были только товарищи, но именно ты мне была самой близкой из всех чернушан.

* * *

Чернушка, 28 июня 1942 г.

Здравствуй, Евгений!

Шлю горячий сердечный привет. Напрасно ты пишешь, что я скрытная. Возможно писать не следовало бы. Ну что же, выслушай. Я вначале первого полюбила тебя, Евгений, не обращая внимания на М. Г. У нас с ним были товарищеские отношения,

разговаривали даже с ним редко. Он за мной ухаживал, но стеснялся. Потом незаметным образом мы сдружились, он мне стал больше нравиться. Дружила с ним, но ты мне нравился. Поэтому я написала тебе, что в душе к Вам относилась почти одинаково.

Сейчас понятно или нет? Я не умею описывать такого рода вещи, но написала как было на самом деле. С Михаилом мы дружим и сейчас. Но я с удовольствием читаю твои письма и пишу тебе.

Вот, Женичка, таковы дела.

Может быть ты больше переписываться со мной не будешь, прочитав это. Дело твое. Но мне не хочется терять переписку с тобой.

Целую крепко - Вера.

* * *

Село Преполовенко, 12 августа 1942 г.

Дорогая Катюша ! Добрый вечер !

Получил сразу два твоих письма. Сердечно благодарю, милая подруга! Я всегда рад твоим письмам. Ты упорно вспоминаешь прошлое. Ну, что ж выслушай. В последнюю встречу и вообще после приезда из Москвы - ты была слишком холодная и сдержанная. Я подумал, что я тебе надоел. Начал с ребятами в шахматы резаться, отвлечь себя игрой от мыслей о тебе. Если в первых двух случаях был целиком виноват я, то здесь - половина - твоя вина. Правда? Катя, какая ты скромная, застенчивая девушка! Не могла уж сказать тогда! И я - тоже шалопай порядочный был! Такой медведь.

Твой Женя.

* * *

Чернушка, 1 октября 1942 г.

Здравствуй дорогой Евгений !!!

Да, все было так, Женечка, как ты пишешь. Интересно получилось: Миша твой товарищ и Катя моя подруга, и вдруг такая "чепуха". Только благодаря этому мы скрывали друг от друга свои чувства. А сейчас как-то невольно все это вылилось. Я очень жалею те дни, когда мы могли встретиться и поговорить откровенно. И что нам мешало, я сама не знаю. Когда вернулась из Молотова, дала себе слово, что расскажу все откровенно и тебе, и Михаилу. Когда ты с Катей пришел к нам (на второй день после моего приезда, помнишь?), я передумала. А Михаилу все же сказала, что ты мне нравишься и пр. Он многое пережил, мы с ним рассорились. И только перед самым его отъездом помири-

лись. Если все тебе написать, что было из-за тебя между нами, так смех и горе. Хотя бы такой случай. Когда мы проводили тебя, то мне очень было тяжело. Домой с ним шли вместе. По дороге я не смогла сдержать слезы и заплакала. Он рассердился и ушел на 3 дня. А потом сам же пришел мириться.

Женя! Я думала, что можно делиться с Мишей, но нет абсолютно никакого желания. Он, оказывается, не такой, каким я его представляла. Делиться с тобой я готова всегда, но почему-то мне думается, что мои письма только обременяют тебя.

Женечка! Я согласна с тобой, что мы останемся лучшими друзьями. С Катей дружбу бросать не думай, она хорошая девушка. Только напрасно ты думаешь, что я передам ей то, что ты мне пишешь. Мы с ней почти не переписываемся. Как она уехала в Свердловск, я получила только одно письмо. Я не знаю, почему она не желает мне писать. Надеюсь, и ты ничего ей не сообщил. Если только она узнает, какие я тебе письма пишу, конечно рассердится. Женя! Давай договоримся, о чем пишем друг другу, пусть между нами и остается.

Крепко, крепко целую тебя - Вера.

* * *

Ст. Мыльная, 10 октября 1942 г.

Милая Вера ! ! !

“В одну минуту ты мне стала всех дороже,
Чужой недавно - самой близкой и родной...”

Как хорошо любить и быть любимым! Дорогая! Чего ж теперь жалеть прошедшие дни, их уже нет. А впереди! Как много впереди хорошего, светлого. И - обязательно встретимся! Как я соскучился по тебе! Я почему-то всегда думал, что ты не можешь забыть Михаила, что только его любишь (двоих трудно любить!). Никакие намеки я не хотел понимать и чтобы не обманывать себя дальше - написал все тебе. И, хорошо, оказывается, сделал. Ты бы не решилась, правда?

* * *

Ст. Безенчук, 10 декабря 1942 г.

Здравствуй дорогая Катя ! ! !

Благодарю за письмо. Был очень и очень рад. Не получал от тебя писем больше месяца. Ты все обещала прислать фотокарточку, потом и обещать перестала, а я так соскучился.

Крепко жму руку и горячо целую, Женя.

* * *

г. Молотов, 17 июня 1943 г.

Дорогой, любимый Женечка ! ! !

Неужели ты будешь в Чернушке, а я здесь! Просто ужас, плакать хочется, даю тебе честное слово... Знаю только одно, что хочу видеть тебя хотя бы на один час, поцеловать первый раз в нашей жизни. Женя, милый, неужели ты этому не веришь? Это так и больше никак. Я считаю тебя самым близким другом, к которому летят все мои мечты и стремления. Пора это понять обоим...

Крепко, крепко целую тебя - твоя Вера.

* * *

г. Свердловск, 19 июня 1943 г.

Дорогой мой, все скучаю о тебе.

После разгрома немцев мы с тобой встретимся по-настоящему, для тебя заготовлю “ликера” - (ты наверно научился выпивать) выпьем как на выпускном вечере выпивали и у меня на прощальном.

А уж прощальный вечер не забуду никогда, когда Вера Плеханова основательно влюбилась в тебя и не обращала внимания на Михаила.

Я ее не осуждаю, она не виновата, что у нее такой характер, но нужно иметь постоянство. Я все поняла сразу, но еще глупа была, плохо разбиралась в этих вопросах. Вот только сейчас отвечаю: я хотела дать полную возможность дружить вам с Верой. С ней же я переписывалась, потом, когда она проезжала через Свердловск из Молотова я раскрыла в ней всю душевную фальшь (присущая ряду многих девушек). Будучи мне подруга, нашла частичку подхалимства, обмана и проч., и вот представь себе я не могу писать после этого ей писем.

Прошу тебя не счесть за глупую ревность, я презираю “бабью привычку”, но сердце подсказывает не делать того, что делала раньше.

Безусловно Вера тебе могла понравиться, она была неплохая девушка; поэтому я дала вам полную волю и вот сейчас получаю от тебя объяснительные письма, где ты пишешь о моей пассивности, ты думал, что надоел мне и т.д. причиной этому - вышеизложенное...

Целую крепко, твоя Катя.

* * *

Чернушка, 9 августа 1943 г.

Женечка, родной мой, как я соскучилась о тебе. Побывать бы с тобой хоть один час вместе. Два года мы не встречались, но переписывались аккуратно. Бумага и перо закрепили нашу дружбу. А что будет дальше - не знаю. Но я бы желала, чтобы наша

дружба закрепились. Ты можешь меня спросить, а Миша Г.?
Презних отношений у нас не осталось, хоть изредка переписываемся.

Крепко и горячо целую тебя, твоя Вера.

* * *

г. Свердловск, 30 сентября 1943 г.

Здравствуй дорогой Женя!

Ты представь: я ездилa домой в Чернушку!

Здесь я вспомнила всю свою жизнь. Все те места, где мы с тобой были, что говорили. Вот наши ворота, около которых простаивали часами в лунную ночь. Сходила на Танып. Была там, где мы с тобой сидели, ворожили на ромашку, цветы собирали, где стояли под кустами, спасались от дождя, помнишь тот выходной день?

Приходила Вера Плеханова, но общего языка мы не нашли. Говорю откровенно тебе, если переписывается, крепко скованы письменными отношениями, продолжайте, но я больше не могу восстановить с ней дружбу, хотя ты на себя берешь вину в наших отношениях с ней. И, если, Женя, друг, родной, ты ей пишешь, разрыв с ней будет большой тяжестью для тебя, то прошу тебя напиши мне от чистого сердца, я не буду занимать твоего времени своими письмами, хотя и очень тяжела для меня эта просьба, я думаю лучше закончить переписку тогда нам с тобой. Вот такой вывод я сделала из встречи двух, когда-то неразрывных подруг.

Катя.

* * *

8 октября 1943 г.

Здравствуй дорогая Катюша!

Горячо целую тебя, очень рад твоему письму. Благодарю, милая, за письмо и платочек. Ты всегда вспоминаешь прошлое, про наши отношения. Хорошо, напишу коротко, но понятно. Мы с ней (Верой) переписывались и переписка была довольно дружеской, даже интимной, в конце 42 г она особенно усердствует, после чего сообщает, что поругалась с Михаилом, что он не пишет ей, потом будто стал писать, но она не отвечала. Мне это очень не понравилось, что она мудрит и так плохо, нескладно лжет. Я стал ей писать суше, вызывая на правильные отношения, чтобы она не заблуждалась. Она допытывается, в чем дело, на что я обижаюсь. Я решил еще резче написать, что я испортился, что стал много пить, курить и ругаться, что здорово изменился в худшую сторону. И тогда она начинает меня утешать,

что это ничего, что я знаю меру и пр. Противно мне стало слышать от нее, проповедника нравственности и этики, культуры и скромности - она же уговаривала меня не курить и не пить - монахом, мол, будь! - другую песенку. С тех пор я не стал ей писать. Тебя я не посвятил в эти дела, не нужно, по-моему, было. Но раз ты хочешь - изволь, читай эти строки.

Твой Женя.

* * *

15 октября 1943 г.

Привет, дорогая Катюша!

Вчера разговорились мы с Колей о своих девушках.

Я ему рассказал про тебя, Катя, про нашу дружбу, про то, что только в разлуке я по-настоящему крепко полюбил тебя.

* * *

20 октября 1943 г.

Привет, дорогая Катюша!

Катя, милая, ты для меня дороже всех, тебя, одну тебя я часто, очень часто вспоминаю с любовью и теплотой. Что было - то было, вспоминать не будем, хорошо? Вере я больше писать не буду.

Недавно видел постановку "Давным - давно", вспоминается один куплетик:

..."В бою - ведь это не в постели,

Погибнуть нам здесь суждено.

Попы наверное нас отпели

Давным - давно, давным - давно."

* *

1 декабря 1943 г. Свердловск.

Здравствуй Евгений !

Вот пришла Татьяна, видит, что я доканчиваю писать тебе и решила сама что-то тебе черкнуть..

Пишет Вам правда не знакомая для Вас девушка, но хорошо знающая Катю. Катя мой лучший друг. Она, хотя малость и капризная, но славная девушка. Если Вы ее любите, то есть за что. Это исключительно самостоятельная и нравственная девушка, выглядит просто замечательно, стала полненькая.

* * *

11 декабря 1943 г.

Здравствуй дорогой Евгений!

Сегодняшнее известие ошеломило меня. Получаю уже второе анонимное письмо, в котором написано: "Что ты напрасно ждешь и веришь Евгению, ведь Вера его ждет".

Целую крепко твоя Катеринка.

* * *

18 декабря 1943 г.

Дорогой и родной мой, Женечка!

Вот опять долго нет от тебя весточки. Уже 16 дней! Был бы здесь, за уши надрала. А пишешь: “Скучаю ... верю и т.д.” Так бы поругала тебя, да рука не поднимается, немножко жалковато становится, ведь ты такой вредный парасенок (по уральски), ругать-то нельзя тебя, а стоит, забываешь?

Целую твоя Катеринка.

* * *

31 декабря 1943 г.

Милая Катеринка!!!

Получил твое письмо с фотографиями. Я едва узнал по этим карточкам, худенькую Катю - мне безразлично улыбается светская дама, как всякому незнакомцу в ответ на приветствие. И это выражение лица очень шло к тону письма, в котором ты “веришь и не веришь” и твои “сомненья”, и “я живу только мыслью о тебе”. Что это за комедия, милая моя? Я тебе писал, что Вере я совсем не пишу, ты это место не прочитала или не поняла?

Ты себе, Катя, когда-нибудь веришь? Почему другу один раз не поверишь.

* * *

21 апреля 1944 г., Чернушка.

Здравствуй, Евгений !

Шлю горячий сердечный привет.

Прошел довольно большой промежуток времени с тех пор, как мы не стали переписываться. Из-за чего? Этот вопрос я часто задаю себе, но ответы остаются загадочными. Неужели мы переписывались 3 года ради того, чтобы сразу ее кончить? Почему нельзя было продолжить товарищескую переписку? Сегодня меня охватило какое-то нетерпение и я решила написать тебе.

Женя, напиши откровенно, почему все получилось между нами так, а не иначе.

Крепко жму твою руку, Вере.

* * *

19 сентября 1944 г.

Здравствуй, дорогой Женя!

Вот уж 55 дней от тебя нет ни звука. Получила газету. В указе Президиума твоя фамилия и в газете “Красный Флот”. Сегодня получила письмо от твоего папы, а потом от мамы. Они пишут о твоём выступлении по радио, очень жалела, что не слышала. Мы

очень рады твоим успехам. Герой наш! Старики, чувствуется из письма, очень рады, еще бы! Только очень беспокоились твоим молчанием.

Целую тебя Катя.

* * *

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

12 сентября 1944 г.

Дорогая Катя!

Приехал на Север к себе, встретил своих боевых друзей, вошел в “свою семью”, в обычную колею жизни.

Здесь получил все твои письма сразу, был очень рад.

Катеринка! Не волнуйся, все будет хорошо. Про последний вечер ты начала и не окончила.

А я был неопределенным потому может, что сейчас положение пока неопределенное. Ведь война-то еще не кончилась, а я солдат Родины.

Крепко, крепко целую Женя.

* * *

31 октября 1944 г. Катя - Павлу Галкину

Живу в Чернушке уже неделю, приехала отдохнуть, рассеять горе. А разве рассеешь его? На душе скорбь, но она совместными разговорами немного легче переносится...

Я уже не знаю, правду ли подсказывает мне мой рассудок, но я до сих пор убеждена в себе, что Женя жив.

Родители получили все его вещи, документы, извещение. Они были у меня, выпили за Женю, тоже ждут его, тоже не верят своему горю.

Очень Вас прошу, если имеется возможность (а основное - желание), пишите мне хоть редко. Ваше письмо такое же дорогое, как и Женино. Не верю я, что не получу больше от него весточки.

* * *

Вот и еще одно несбывшееся счастье, одно из миллионов, которое разбила война. А оно “было так возможно, так близко...”

Записан в книгу бессмертия

На станции Чернушка у школы, на постаменте - памятник Герою Советского Союза Францеву. Сильный, красивый, устремивший взгляд в небо - навстречу солнцу и ветру, он будто снова собрался в полет. И застыл навеки. Приходят сюда и молодые, и старые. Отдать дань памяти Герою, подвигу, совершенному им.

Рождению славной традиции, связанной с поисковой работой, мы обязаны энтузиастам. Ими собран огромный материал. А корни поисковой работы уходят в военные годы. Первые школьные сочинения о Францеве написаны учениками 10 класса, когда учителем литературы был Федор Ульянович Деревянных. Эти сочинения хранятся в школьном музее.

В военные годы стал выпускаться и рукописный историко-литературный журнал с громким названием "Заря Урала". Было очень трудно, но журнал выходил, правда, в единственном экземпляре. И каждый номер становился событием не только для школы, но и для всей станции.

Журнал задумали с размахом! Как литературно-публицистическое, историко-краеведческое и научно-популярное издание. И "штаты" были: главный редактор, технический редактор, три редактора по направлениям и, конечно же, - ответственный секретарь. Да еще помогали несколько корреспондентов-организаторов - активистов ученического научного кружка, который создал энтузиаст-учитель В.Х. Харитонов. Он был и общим руководителем журнала.

Главная тема - война. Ученик Эрнест Чернышев являлся ответственным секретарем, писал стихи. В журнале рассказывалось о шефстве тимуровцев над семьями фронтовиков, больницей и детдомовцами - ведь в Чернушку были эвакуированы дети из Ленинграда. Самые первые очерки о подвигах бывших учеников школы, летчиков Евгении Францеве и Сергее Красноперове, удостоенных звания Герой Советского Союза, появились именно в этом журнале. Авторами их были недавние соученики, братья и сестры. Так ученик 9 класса Славва Францев написал о

своим брате и Сергее Красноперове.

Молва о школьном журнале разошлась по всей области. Издание затребовали сначала в Казань, а потом в министерство, на выставки, просмотры...

...Из поколения в поколение передавали свою эстафету поиска пионеры и комсомольцы школы. Разысканы родственники Героя (они уехали из Чернушки в 1946 году). Служивший на Северном флоте ученик железнодорожной школы В. Колов прислал флотскую газету "На страже Заполярья" со статьей бывшего техника самолета подполковника запаса И.В. Овсянникова. Потом был найден адрес штурмана экипажа Францева - П.А. Галкина. Началась переписка с авиаторами-североморцами. Со временем зародилась мысль - поставить у школы памятник ее выпускнику - Герою.

Сначала обратились к скульптору Ю.П. Клещевникову из Нижнего Тагила, автору памятников воина-освободителя в Чернушке. В июне 1981 года после разговора со вторым секретарем райкома партии В.В. Перевозчиковым я отправился на встречу со скульптором. Если бы не поддержка Владимира Владимировича, то такого памятника Францеву у нас не было бы, да и других тоже. Дело в том, что Перевозчиков большой знаток истории нашего края, энтузиаст многих патриотических начинаний в Чернушке. Приехал он в Чернушку из города Трубчевска Брянской области. В войну был связным в партизанском отряде. Работая в Чернушке, мысленно сопоставлял наш район и Трубчевский. Примерно одинаковые по населению, там и здесь двенадцать Героев Советского Союза. Но в Трубчевске было хорошо организовано патриотическое воспитание, на деле осуществлялся принцип "никто не забыт, ничто не забыто". Всем двенадцати Героям поставили бюсты на аллее Боевой Славы. Инициатором был секретарь Трубчевского райкома партии Федор Федорович Бородуллин, бывший летчик-штурмовик. Встречаясь с ним, Владимир Владимирович проникся любовью к патриотической работе.

Скульптор Клещевников принял предложение и будучи в Чернушке приходил в школу, смотрел документы, фотографии и место, где предполагался памятник. Взялся за работу. Был подготовлен эскиз. Но художественный совет не утвердил вариант бюста, на котором мы настаивали. Дело заглохло...

Однако осенью того же года мы с Перевозчиковым вышли на пермского скульптора А.А. Уральского. Он согласился на вариант бюста из листовой меди. Пришлось все начинать сначала.

Вот как вспоминает свою работу над созданием образа Францева Анатолий Александрович.

- Первым этапом был сбор фотоматериала. Он поступил от школы, от брата героя Вячеслава Ивановича, от сестры, живущей в Риге, Людмилы Ивановны. Фотографии были разных периодов. Особо ценны - военного времени. В них отчетливо проявлялось напряженное состояние душевного величия людей, ввергнутых в страшный водоворот войны. Жизнь летчиков на войне, как правило, была коротка. Не случайно так мало их дожило до конца войны. Каждый боевой вылет мог быть последним. Успех воздушного боя решали доли секунды. Жизнь авиаторов пролетала яркой кометой. Смотришь на любую фотографию: от лиц этих людей веет отвагой, орлиной хваткой. Красивое племя! Все это и воодушевляло на создание образа, достойного таких людей, как Францев.

Десятки субботников провели учащиеся, отчисля средства на создание памятника. Три раза ездили к скульптору в Пермь, уточняли детали, согласовывали. Бюст был готов к концу октября 1982 года, а постамент установлен в сентябре. За памятником ездили в конце ноября. Планировали открытие приурочить к дню рождения Францева, 8 марта 1983 года. Но это день праздничный, и назначили новую дату - 11 марта.

Вернулся к стенам родной школы

На открытие памятника приехали родственники и боевые друзья Евгения Францева - те, кого ребята так долго искали и от которых получали письма, фотографии, книги, некоторые личные вещи героя, составившие часть школьного музея. Прибыли сестры Евгения А.И. Померанцевская, Л.И. Шподарюк, Т.И. Францева, Н.И. Сырых и брат - Вячеслав Иванович. Из Ейска - полковник запаса, бывший штурман экипажа Францева, П.А. Галкин, из Орла - подполковник запаса, кавалер четырех орденов Красной Звезды, бывший техник самолета Францева И.В. Овсянников. Из Свердловска Герой Советского Союза летчик-штурмовик полковник запаса Павел Степанович Шаров. Приехал выпускник военных лет майор запаса Михаил Никитович Вишницкий. Был гость из Москвы - полковник Вадим Иванович Мигулин - преподаватель Военно-политической академии им. Ленина, бывший летчик и замполит полка героя послевоенных лет. Из родственников Францева не смогли приехать по болезни его братья - Николай и Владимир и сестра Мария Бадяева. В то время уже не было в живых сестры Евгения Юлии. А родители ушли из жизни уже давно: Иван Дмитриевич в 1955 году, а Варвара Васильевна - в 65-ом.

Многие чернушане, присутствующие на открытии памятника, хорошо помнят большую и дружную семью Францевых. Иван Дмитриевич был удостоен звания "Почетный железнодорожник", а Варвара Васильевна - звания "Мать-героиня". Трое их сыновей - Николай, Евгений, Владимир и дочь Людмила сражались на фронтах Отечественной. Младший Вячеслав стал руководителем клиники сердечно-сосудистой хирургии Московского областного научно-исследовательского института имени Владимирского. Он доктор медицинских наук, лауреат Государственной

премии, Заслуженный деятель науки. Чернушане присвоили ему звание Почетного гражданина своего города. Хорошие специалисты - сестры героя: зоотехник - Тамара, преподаватели - Александра, Людмила, Наталья. Из разных городов страны поспешили они в Чернушку на открытие памятника брату.

Гости выступали перед учащимися, их слушали жадно, аплодисментам не было конца. А на митинге первое слово взял В.В. Перевозчиков. За ним брат героя В.И. Францев, потом П.А. Галкин, И.В. Овсянников, секретарь райкома комсомола А.И. Филимонов, секретарь комсомольской организации школы М. Вострцова.

Право открыть памятник было предоставлено брату героя В.И. Францеву, П.А. Галкину, выпускнику школы военных лет М.Н. Вишницкому и райвоенкому С.С. Шемякину. Под трехкратный оружейный салют с бюста спало покрывало...

Закончив в 1940 году эту школу, Евгений Францев шагнул в большую жизнь, к подвигу. А спустя сорок три года, он вновь вернулся к стенам родной школы, вернулся в бронзе, встав на высокий постамент. И как лучшая оценка творения скульптора прозвучали слова Галкина, обращенные к автору памятника.

- Таким я его и запомнил перед тем роковым полетом, в который я не попал по случайности.

Среди чернушинцев, пришедших на открытие памятника, ребята из 80-й школы (теперь, как и раньше №9) чувствовали себя, пожалуй, самыми счастливыми. Еще бы! В их школе учился такой герой! И они первыми начали поиск материалов о нем. Их пионерская дружина уже 25 лет носила имя славного летчика, настойчиво боролись учащиеся и за присвоение имени Е. Францева школе. Долгое время учащиеся собирали макулатуру, металлолом, выходили на субботники, чтобы на месте маленького обелиска встал настоящий памятник герою. После его открытия, наконец, и школе присвоили имя героя.

Среди гостей были и школьники 40-х годов - В.В. Артюшина - заведующая отделом прозы журнала "Урал", журналист из Омска Э.Г. Чернышев, первая золотая медалистка района, кандидат наук из Москвы М.С. Егорова и другие.

С большим интересом и нетерпением в эти дни ждал П.А. Галкина директор краеведческого музея В.Г. Хлопин. В музее была экспозиция, посвященная герою, и картина художника Леонида Птицына "Подвиг Е.И. Францева". Птицын известен не только в нашей стране, но и за ее пределами. К тому же он славится своим мужественным, необычайно стойким характером.

В день открытия памятника герою 11 марта 1983 года. У монумента - родственники, однополчане и соученики Евгения Францева, авторы памятника, учителя и выпускники школы.

Осенью 1944 года ему и другим допризывникам, после краткосрочного обучения саперному делу, в военкомате вручили двухметровые щупы-миноискатели. Парни должны были участвовать в извлечении мин и фугасов из земли (это было на Псковщине), начиненной коварной смертью фашистскими захватчиками при их бегстве на Запад. Леонид обезвредил и вытащил из земли семьдесят мин, семьдесят первая оказалась ловушкой. В пятнадцать лет остался он без обеих кистей рук, а мечтал стать художником. Превозмогая физическую и душевную боль, приспособив карандаш и кисти к изувеченным рукам, Леонид Васильевич переборол все трудности и совершил почти невозможное, стал замечательным художником.

И первым обращением Хлопина к Галкину была просьба осмотреть картину.

- Напоминает ли картина один из эпизодов вашей боевой жизни?

Петр Андреевич рассматривал картину с особым интересом. Ведь в ней был и он.

- Художник точно воспроизвел все, что пережили мы, - произнес он с особым чувством.

И подробно рассказал историю той атаки. Рядом стоял бывший техник самолета Иван Васильевич Овсянников.

На вопрос о том, что боевая судьба любого человека на фронте может быть трагична, Павел Андреевич ответил:

- Когда мы летели на боевое задание, то почти что не думали об этом, хотя отлично знали, что риск очень велик, что нас могут сбить. Как-то сказал об этом Евгению. А он вот как ответил:

- Если машину подобьют, я ее направлю на врага, чтоб умереть с большей пользой. Вот какой обладал отвагой!

В весенние каникулы 1984 года ребята поисковой группы совершили поездку в Североморск. Они побывали в гарнизоне, где служил Францев, в музее ВВС Северного флота и привезли оттуда интересный материал. Вместе со школьниками ездила сестра Евгения Тамара Ивановна Францева. Всего же за 10 лет состоялось четыре поездки поисковцев.

Авиаторы-североморцы и поныне изучают опыт и мастерство Францева. За высокую морскую и воздушную выучку летчикам и морякам вручается памятная листовка "Возьми себе в пример героя" с портретом Евгения Францева.

В войсковой части 87268 в конце 80-х годов было организовано соревнование за право внести свой полет в летную книжку Героя Советского Союза Е.И. Францева. Этим ярко выразилось стремление молодых авиаторов-противолодочников во всем следовать примеру героических защитников Заполярья, глубокая дань уважения к их беспримерному подвигу.

Цель соревнования - воспитание авиаторов-североморцев на примерах и опыте ведения боевых действий североморской авиации в годы Великой Отечественной войны. Наиболее эффективно оно проводится и организуется при проведении летно-технических учений, выполнении задач боевой службы на кораблях одиночного и группового базирования флота, когда личный состав находится в непосредственном соприкосновении с кораблями и авиацией вероятного противника, действует в усложненной обстановке. В таких условиях опыт старших поколений необходим. Он способствует поиску новых тактических приемов, повышению профессиональной подготовки молодых летчиков и штурманов.

Право внести свой полет в летную книжку Францева предоставляется экипажу, который:

- обнаружил подводную лодку вероятного противника;
- с отличным качеством выполнил задание в сложных метео-

условиях, проявив при этом мужество и героизм, боевые качества, летное мастерство.

Результаты соревнования отражаются на специально созданном стенде “Верность принципам храня”. В левой его части - фотография Францева, биографические данные и описание боевого подвига. В центральной части - фамилии командиров экипажей, которые удостоены почетного права занести свой полет в летную книжку Героя.

Так, к примеру, в ходе выполнения задач боевой службы в 1987 году на ТАКр “Киев” экипажами капитанов А.А. Салекова и В.В. Долгополова были обнаружены подводные лодки вероятного противника. Экипажи удостоены почетного права и награждены памятными листовками.

В период празднования 50-летия ВВС Северного флота с авиаторами-североморцами встречались прибывшие на юбилей участники войны, ветераны ВВС флота. Среди них был П.А. Галкин. Он сделал памятную запись в летной книжке своего боевого командира и наказал нынешнему молодому поколению авиаторов-североморцев быть достойными славы героев.

Вот его запись:

“Снова и снова гляжу я на полученный из Североморска конверт. И вижу взрывающиеся к небу от разрывов снарядов водяные столбы - зловещие спутники торпедных атак. И как хорошо, что нет сейчас этих столбов. Знаю, тому, что их нет, наша Отчизна обязана и вам, молодые североморцы. Вам Родина доверила замечательную, боевую технику. Учитесь владеть ей в совершенстве, так как владели оружием ваши отцы. Будьте достойными продолжателями славных боевых традиций старшего поколения североморцев.”

В 1994 году я дважды побывал в Североморске. В первый раз посетил музей ВВС для сбора материалов о Е.И. Францеве, познакомился с его письмами Вере Плехановой. В свое время Вера Васильевна передала их в дар музею. Внимательно работал я с уникальными документами. Взял их в Чернушку, ксерокопировал и отослал обратно.

Вторая моя поездка состоялась во время осенних каникул в составе делегации активистов поисковой работы, учителей Ф.Ф. Галлямовой, Р.К. Ширяевой, Н.А. Ощепковой и тринадцати учащихся. Три дня гостили мы в частях ВВС. Внимание к нам было особое. Ибо наша школа единственная в России, создавшая музей одного из героев североморцев и постоянно поддерживающая тесную связь с ВВС Северного флота. В четвертый раз юные

посланцы уральского городка приехали к авиаторам флота.

На этот раз встреча была особенно радужной. Была предложена интересная программа пребывания делегации, в составлении которой участвовал командующий ВВС Северного флота генерал-майор авиации Н.А. Мордовалов. Где только мы не побывали, чего только не увидели. Ребятам показали как новую технику, так и времен Отечественной войны. Осмотрели подводную лодку К-21, которая в годы войны вывела из строя вражеский линкор-транспорт “Тирпиц”. Побывали в тренировочном центре одного из корабельных противолодочных полков. Вертолетчики полка принимали участие в спасении атомной подводной лодки “Комсомолец”, затонувшей близ Североморска. Ребята с удовольствием залезали в кресла боевых машин. Им подробно рассказали о том, как вертолеты ведут поиск подводных лодок и уничтожают их.

В тот же день после обеда пошли на аэродром противолодочной авиации. Хотя дул сильный ветер со снегом, летчики ждали нас. Показали боевую технику, разрешили посидеть в кабинах машин.

Но следует отметить, что наши школьники приезжают на Северный флот не только как туристы, а также для поисковой работы. И на этот раз мы привезли в дар музею различные документы: копии газетных статей “Североморский летчик”, “Краснофлотец” за 1944 год, номера районной газеты “Маяк Приуралья” с материалами о поисковой работе и жизни школы, пленки с радиопередачами о Е. Францеве. А 1 ноября в музее состоялась встреча с командующим ВВС Северного флота генерал-майором Н.А. Мордоваловым. Он ответил на вопросы ребят, поблагодарил их за поисковую работу, заверил, что флотские авиаторы дорожат дружбой с земляками героя-североморца. В заключение командующий подарил музею школы свою фотографию с дарственной надписью, обращение к учителям и учащимся школы им. Е.И. Францева, пригласил делегацию школы на празднование 300-летия Российского флота и 60-летие ВВС Северного флота в 1996 году.

...Долго чернушинские ребята будут вспоминать Заполярье, доброе отношение офицеров-авиаторов и работников музея. Особенно понравился им майор Александр Викторович Собокарь, офицер отделения воспитательной работы ВВС (с 1996 г. он - подполковник). Все три дня он был гидом, заботился о нашем пребывании, держался весело и приветливо. У школьников завязались с ним дружеская переписка. Восьмиклассницы На-

Делегация школьников и учителей в музее ВВС Северного флота

таша Карманкова и Гуля Тюмисова посылали ему поздравления с праздниками, писали о школьных делах.

А перед отъездом мы пришли на галерею Героев, постояли у бюста Е. Францева, еще раз поклонились его подвигу.

По пути, в Москве, наша делегация была принята Президентом Международного фонда поддержки авиаторов В.И. Мигулиным, у которого мы были и по дороге на Север. На встречах он рассказал много интересного из жизни Францева, так как в послевоенные годы служил летчиком, а затем замполитом полка, в котором был Францев. Вадим Иванович - ученый-историк, преподавал в военной академии, а теперь президент Международного фонда.

Высокая благодарность

А вот оценка поисковой работы школьников и учителей нашей школы. Благодарственный лист.

Уважаемые учителя и ученики средней школы № 80 им. Героя Советского Союза Е.И. Францева!

Командование военно-воздушных сил Краснознаменного Северного флота, авиаторы-североморцы выражают вам глубокую благодарность и сердечную признательность за большую и нужную работу по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, по увековечению памяти нашего прославленного летчика-торпедоносца Героя Советского Союза Евгения Ивановича ФРАНЦЕВА.

Проводимая вами работа заслуживает уважения и внимания, помогает на примере жизни и боевого пути вашего выпускника Евгения ФРАНЦЕВА воспитывать нынешних защитников Отечества. Авиация Северного флота внесла значительный вклад в разгром немецко-фашистских войск в Заполярье. Не счесть подвигов верных сынов Родины, до последней капли крови сражавшихся в суровом небе Заполярья и прославивших на века морскую авиацию.

Никогда не будут забыты те, кто не дожил до великой Победы, кто навсегда остался в скалистых сопках Заполярья и в студеных водах Баренцева моря.

Они всегда будут жить в нашей памяти.

Мы горды тем, что нам выпала большая честь продолжать героические боевые традиции авиаторов - фронтовиков, учиться у ветеранов мужеству, искусству побеждать. И мы верны этим традициям.

От всей души желаем вашему коллективу дальнейших успехов в работе по патриотическому воспитанию молодежи, крепкого здоровья, оптимизма, удач и свершений.

С уважением

КОМАНДУЮЩИЙ ВВС СЕВЕРНОГО ФЛОТА

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ

Н. МОРДОВАЛОВ

1 ноября 1994 года.

Ценный материал для книги я получил в феврале 1995 г. от бывшего летчика и начальника разведки дивизии, ныне журналиста и поэта Василия Ивановича Выхристенко. При посещении музея ВВС Северного флота я прочитал статью “Вижу корабль. Атакую”, автором которой и был Василий Иванович. Директор музея И.М. Глубокова дала мне его адрес. Я написал ему. И вот долгожданный ответ и ценный материал. Обрадовали уже первые строки его послания: “...Получил Ваше письмо и сразу отвечаю. Рад, что все то лучшее, что было в прошлые времена - сохраняется, и что есть люди, делающие это по велению сердца, - значит не все так плохо еще в наших державах...”

Вот они бесценные реликвии - газета “Североморский летчик” и “Краснофлотец” за март и апрель 1944 года с материалами о Францеве. Меня поразило еще то, что сохранилась фотолистовка, выпущенная в полку сразу после потопления танкера водоизмещением 10000 тонн, да еще с подлинной фотографией результатов торпедирования. Снимок-то сделан экипажем Францева!

Была и фотокопия с листовки, где рассказывается о Францеве и Галкине. Прислал Выхристенко сборник своих стихов “Крылья над полем” с дарственной надписью, с благодарностью за светлую и добрую память о нашем прошлом. “Да и какое оно прошлое, если оно в ваших сердцах...” - написал он.

Крылья над полем - это метафора и реальность одновременно. Есть на земле поле хлебное и летное, паковое поле полярных льдов и, к сожалению, поле боя. А для автора все это вместе взятое - поле жизни.

Василий Иванович после окончания в Николаеве военно-морского авиационного училища служил в той дивизии, где и Евгений Францев. Летал с того же аэродрома, над теми же полярными морями. Тогда и начал писать стихи, очерки.

Штурман Галкин сегодня

Очень полезной оказалась моя поездка в апреле 1995 года в Ейское авиационное училище, к боевому товарищу Евгения Францева Петру Андреевичу Галкину. Не поехать я не мог: без встречи с ним книга много бы потеряла.

Директор нашего районного музея В.Г. Хлопин поручил навести справки о преподавателях школы летчиков, которая располагалась в годы войны в Чернушке и Кuede. Действительно, как я узнал в Ейске, например, в доме над квартирой Галкина живет один из этих бывших преподавателей - В.П. Тонкошкура.

Перед поездкой я позвонил в Ейск Галкину, разговаривал с его супругой Надеждой Ивановной, оказавшейся очень приветливой. При встрече она произвела на меня еще лучшее впечатление - своим гостеприимством, приятной внешностью, доброжелательностью. Обращаю на это внимание потому, что без ее участия моя поездка, возможно, и не состоялась бы.

С Павлом Андреевичем я встретился в училище. Прежде это было высшее авиационное ордена Ленина училище летчиков дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР В.М. Комарова. После распада СССР оно потеряло статус самостоятельного учебного заведения и стало филиалом Качинского высшего авиационного училища. А буквально в дни моего пребывания стало филиалом Краснодарского высшего авиационного училища. Павел Андреевич работал заведующим учебно-методическим кабинетом.

Высокий, статный, сохранивший выправку, хотя и в гражданской форме - таким я увидел его 20 апреля 1995 года. Потом он предстал в полковничьей форме, с наградами. Предстояло фотографироваться с ветеранами училища, так как был канун юбилея Победы. А я в это время с его внуком Володей побывал в музее училища, ходил по учебным лабораториям и кабинетам.

Вечером началась "работа", ради которой я приехал. У меня был диктофон, удалось записать весь разговор. Достаточно большой материал из беседы включен в эту книгу.

После войны Павел Андреевич окончил Военно-воздушную академию. В конце шестидесятых годов ему предложили преподавательскую работу в Ейском училище. Согласился. В Ейске живут также его младший сын и дочь с семьями. А старший сын - в Чебоксарах, преподает в университете. Оба сына и дочь - с высшим образованием.

Здесь, в училище, Павел Андреевич стал полковником. Но высокое звание не сказалось на его скромной, приветливой, простой натуре. Он пользуется особым уважением коллег и курсантов. Из недр боевой обстановки грозных лет выковалась искренняя, честная душа, преданность к своим товарищам. Многие из этого проявляется в Павле Андреевиче до сих пор.

Сослуживцы подчеркивают отсутствие в нем и тени кичливости, завышенных запросов, особого положения. Живет довольно скромно, в трехкомнатной квартире... без горячей воды. Зато у него есть бесценное богатство - знания и эрудиция, умение и желание трудиться. Знает труды разных философов, много стихов, легко цитирует знаменитостей. У него - обилие книг.

Я не раз заводил с Павлом Андреевичем разговор о Евгении Францеве. И услышал много нового. Все это есть в книге. Сейчас же хочется лишь добавить следующее:

- Евгений пользовался уважением большинства летного состава, - уходя мыслями в прошлое, неторопливо, словно рассуждая, отметил Павел Андреевич. - Он очень ярко своей натурой выражал главную суть боевого товарищества - если надо, прикрыть своим телом друга. И это проявлялось во всем. И было естественным, пожалуй, даже подсознательным. Ведь у моряков, у летчиков, которые связаны вместе (одни - кораблем, другие - самолетом), святой принцип - один за всех, все за одного. Основное их правило: спасай соседа. О себе не думай. За тебя другой постоит. Вот это-то и создает, и обеспечивает безопасность. Причем, чем больше владеешь знаниями, опытом, техникой, тем лучше получается.

- А был ли страх?

- Вопрос надо поставить иначе, - поправил меня Павел Андреевич, - Как вы преодолевали страх на войне? Отвечу: когда занят очень важным делом и на нем сосредоточены все твои усилия, все твое внимание, тогда страх преодолим. Страх есть всегда, но он уходит на второй план. Не обращаешь на него внимания. Даже во время атаки, когда по тебе стреляют. Надо маневрировать, делать расчеты, смотреть - на этом все сосредоточено.

- Уважали мы хладнокровие, храбрость, мастерство и у нем-

цев, - продолжал Павел Андреевич. - Был там у них ас, Мюллер. У него на счету было более 300 сбитых самолетов! А его самого сбил наш летчик Н.А. Бокий. Мюллера взяли в плен. Когда был у нас, его не оскорбляли, никто не приходил плевать на него. Почему? Потому что и в противнике уважали достоинства, которые украшают человека на войне. Уважая сильного, умелого противника, сам стараешься быть сильным, умелым, искусным. Победить грозного врага почетнее. А какую-нибудь мразь и прочее, это, я считаю, не большая заслуга.

- Павел Андреевич, 51 год вы носите звание Героя. Сложно это? Чувствуете вы испытание славой?

Галкин усмехается.

- Отвечу вопросом: а трудно быть человеком?

- Настоящим человеком - да, сложно.

Павел Андреевич чуть задумывается.

- А трудно быть нищим или богатым? - задает он новый вопрос.

- Все зависит от многих условий, обстоятельств, - отвечаю я.

- А я бы подчеркнул - с живостью говорит Галкин, - что все зависит от самого человека, его характера, взглядов, привычек. То есть у каждого, по существу, разные подходы. Так и в положении того, кто награжден Золотой Звездой. Мне не трудно. Испытание славой на меня не действует. Я не тщеславен и к карьере не стремился.

Затем мы меняем тему разговора.

- Павел Андреевич, ваши статьи в газете "Североморский летчик" - "Слово о моем командире" и "Как Францев дружил с книгой" напечатаны в 44 и 45 годах, уже после гибели Евгения. Вас из редакции просили их написать?

- Нет, это я сам решил. Мой друг погиб и я понял, что должен отдать дань его памяти - написать о нем.

- Все его вещи, письма, фотографии вы отправили родным и друзьям? Знаю, что в 83 году передали в музей письма Мартазовой и Плехановой. Ведь кроме вас никто не мог распоряжаться всем этим и без вашего участия они могли бы потеряться?

- Возможно. Хотя у нас летчиков, выработалось правило: вещи, письма и все прочее погибшего отсылают родным офицеры штаба или друзья, соседи, с которыми он жил. Однако несколько записных книжек Евгения и письма его подруг я не стал отправлять, так как подумал, что пока не стоит. Решил оставить их для истории. И, кажется, не ошибся, - добавил Павел Андреевич с улыбкой. Помолчав, он продолжал:

- Посчитал, еще не время личное, душевное Евгения выстав-
лять на всеобщее обозрение. Сейчас, когда прошло полвека, когда
все кануло в вечность, мы можем заглянуть в самое сокровенное
нашего Евгения, познать его глубокие, искренние, чистые чув-
ства и переживания, вдохнуть атмосферу того сложного и тяже-
лого, но прекрасного своим героизмом времени.

Произнеся это, Павел Андреевич ушел в себя, его охватили
воспоминания, он опустил глаза и задумался. Наконец тихо про-
изнес.

- Потеря друга - всегда трагедия. Ведь самое большое богат-
ство для человека - другой человек, который рядом. И ничего
хуже нет, чем лишиться его. Все связанное с ним очень дорого.
Так и для меня блокноты, письма Евгения были очень ценны. И
меня корбила мысль, что существуют служаки разных органов,
которые любят покопаться в чужой душе. Я даже готов был не-
которые записные книжки и письма Евгения сжечь, чтобы их не
осквернили чужие, равнодушные, чиновничьи глаза...

Однако сам Павел Андреевич охотно рассказывал о своем
боевом друге и корреспондентам, и курсантам училища. В газе-
те Северо-Кавказского военного округа "Красное Знамя" за 9
февраля 1971 года опубликована его статья "Твой командир".

“Добро” музею

Будучи в Ейске, я обошел город, посидел на берегу Азовского моря. Встретился с бывшими преподавателями школы первоначального обучения летчиков, базировавшейся в годы войны в Чернушке и Куеде, полковником и подполковником в отставке Василием Петровичем Тонкошкурор и Григорием Поликарповичем Остапенко. А прощаясь с Галкиным, попросил его высказать мнение об учителях и ребятах поисковой группы нашей школы.

- Свою общественную работу вы ведете непрерывно, напряженно. Это неизбежно дает определенные результаты. Коллектив школы в целом, особенно музей и поисковая группа вершат большое дело - крепят фундамент патриотического воспитания молодежи. Ныне - это одна из важнейших проблем, более важная, чем просто образование. Потому что духовное воспитание - фундамент общества, основа и залог материального развития. И в этой области ваша работа поистине неоценима. Хотелось бы, чтобы она была достойно оценена, как нынешним, так и последующим поколениями наших соотечественников. Понимаю, у вас немало сложностей и трудностей, это требует особых усилий, терпения. И, если вы их преодолеваете, значит ваши достижения достойны еще более высокой оценки и вознаграждения, прежде всего, морального. Кстати сказать, это характерно для нашей интеллигенции в прошлом и, я уверен, так будет в будущем. Но о роли интеллигенции в настоящем - молчу. - Павел Андреевич смеется. Затем с воодушевлением добавляет: - Большое спасибо вашему коллективу от меня лично и от всех летчиков-фронтовиков-североморцев.

Он проводил меня до вокзала. Мне никогда не забыть эту поездку к замечательным людям Надежде Ивановне и Павлу Андреевичу Галкиным. Эту славную семью, наполненную добром и любовью, беспредельной заботой друг о друге двух немолодых людей.

В дальнейшем важным этапом в сборе материалов явилась для меня поездка в январе 96 года в Центральный военно-морской архив. Там хранился аттестат Евгения об окончании школы с отличием. Руководство архива подарило этот уникальный документ для музея нашей школы. Привез я ксерокопии и многих

других документов - наградных листов, характеристик, аттестационных листов, выписок о боевых делах Францева.

В 1994 году сестра Евгения Тамара Ивановна прислала последние реликвии - удостоверение Героя Советского Союза, орденскую книжку, подлинный дневник, который Евгений вел на фронте.

Теперь все это, как и добытое прежде, и некоторые личные вещи героя хранятся в школьном музее.

Друг Евгения - летчик-поэт

На пути из Ейска мне хотелось заехать в Краснодар, навесить поэта Кронида Александровича Обойщикова, с которым Евгений Францев служил в перегоночном полку в 1943 году. Но не пришлось. А с поэтом я переписываюсь, иногда мы разговариваем по телефону. Накануне моей поездки в Ейск поэту-фронтовику исполнилось 75 лет.

Закончив в 1940 году военное училище, Обойщиков вместе с кубиками лейтенанта получил звание штурмана самолета. Служить начал в городе Котовске, у самой южной границы, в полку новейших, засекреченных тогда, бомбардировщиков-штурмовиков СУ-2. Сейчас пишут, что наша авиация у западных границ 22 июня 1941 года была разгромлена врагом. А вот полк СУ-2, в котором служил Обойщиков, на рассвете того дня в полном составе поднялся в воздух и бомбил колонны танков и мотопехоты врага, вторгнувшихся на нашу землю.

Самолеты СУ-2 явились неожиданностью не только для неприятеля, но даже для наших летчиков из других соединений. Они их принимали за вражеские. Однажды даже случилась трагедия - прославленный ас Покрышкин, не распознав, сбил самолет СУ-2, который вел командир эскадрильи. Так что опасность оказывалась двойной.

Кронид Обойщиков, как штурман, умело определял координаты, хорошо владел тактикой полета и атаки, давал точные команды. Самолет, на котором он летал, поразил немало немецкой техники и живой силы. В один из полетов, недалеко от Киева, у переправы через Днепр, он заметил скопление вражеских воинских частей без противовоздушной охраны (многие солдаты даже купались) и с напарником, на бреющем полете пронесся над ними. Ударили из пяти пулеметов по команде штурмана.

Однако боевые вылеты вырывали из полка самолет за самолетом. После боев под Киевом в полку осталось только три машины. И Обойщикова послали в Иркутск за штурмовиками ПЭ-2. Вернулся в Москву, другой приказ - пересесть на штурмовик

ПЭ-3 и лететь в Архангельск для охраны конвоев союзников. Сопровождая их, приходилось быть очень внимательным, следить за морем, чтоб вражеские подводные лодки не торпедировали корабли союзников. Это целая повесть боевой жизни отважного летчика.

В 43 году Обойщиков получил новое задание: перегонять с Дальнего Востока американские самолеты “Бостон”. Вот тогда с ним и встретился Евгений Францев.

Обойщиков уже сочинял стихи. Одно из первых было напечатано еще в 1936 году в газете “Армавирская коммуна”. Потом Кронид долго не брался за перо и лишь в пожаре войны заносил в тетрадь экспромтом рожденные строки. Некоторые из них Францев переписал в свой блокнот. А я узнал об Обойщикове после того, как Николай Иванович Францев прислал мне вырезку из газеты “Кубанские новости” за 9 мая 1992 года со статьей Кронида Александровича “Мы сто лет проживем”.

Предлагаю выдержку из нее...

Он погиб, чтоб жили мы

“Однажды смотрел с внуком кинокартину “Торпедоносцы”. Хотелось показать Косте, как жили летчики в годы войны за Полярным кругом. Этот художественный фильм заканчивался фотографиями североморцев - Героев Советского Союза. И вот неожиданно для меня во весь экран возник портрет Францева.

- Женька! - забывшись, где нахожусь, крикнул я. Впередисидящие оглянулись, а внук дернул меня за рукав:

- Дедушка, ты что?

- Друг, мой друг, понимаешь!

Так, почти через полвека, красивый, спокойный и застенчивый Женя Францев, как живой, встал перед моим взором. Вспомнился недавний разговор с комиссаром нашего полка Михайловым:

- Вот ты, Кронид, стал писателем. И хорошо, что пишешь о своих кубанских хлеборобах и доярках. Они достойны похвалы. Но кто же должен рассказать о наших замечательных летчиках и техниках, наших однополчанах?

Глядя в кинотеатре на портрет полкового товарища, я решил написать о нем стихи или очерк...”

Еще во фронтовой газете таким, как Евгений, поэт Н. Дубинин посвятил стихи:

Мой дружок, герой - торпедоносец
Любит поохотиться порой.
Только он ружье с собой не носит,
А торпеду держит за спиной.

Чуть восток рассветом озарится,
Наш охотник “лазит” по портам.
Бьет он не оленя и не птицу -
“Дичь” гвардейца - вражьи транспорта.

Справедливо тут подметил кто-то:
Чтоб скорей победы нам достичь -

Выходите чаще на охоту
Добывайте покрупнее “дичь”.

А другой поэт, погибший на фронте, Николай Майоров ска-
зал:

И пусть не думают, что мертвые
Не слышат,
Когда о них живые говорят.

Да, им, идущим на подвиг, нужно, чтобы живые услышали
последний стук их сердца, помнили о них. О Евгении Францеве
мы помним свято. Он навечно зачислен в списки воинской час-
ти, его имя носят школа, улица, поселок. И через много лет ма-
лыш, который будет жить на этой улице, спросит:

- А кто этот Францев?

И в ответ услышит.

- Герой. Он погиб, чтобы жили мы...

Прощальное слово о герое

В истории Евгения Францева еще не поставлена последняя точка. До сих пор неизвестно, как погибли он и его экипаж. Этот факт даже задержал издание приказа министра обороны о зачислении Францева навечно в списки 2-ой эскадрильи войсковой части 26886. Ибо нашлись большие “чины-перестраховщики”, выдвинувшие чудовищную версию: а вдруг Францев с экипажем сел на норвежский аэродром и остался там?

Однако здравый смысл взял верх: сомнений в гибели экипажа не осталось. Приказ министра обороны был подписан. Фамилия героя высечена на мраморной доске в Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации. Установлены мемориальные доски на здании школы и доме, где он жил.

Родственники Евгения Ивановича не раз пытались узнать, как он погиб и где покойся его прах. Ответ всегда был один - нет сведений. Особенно много усилий в этом прилагал старший брат Евгения - Николай Иванович. Сейчас его уже нет среди нас, он ушел из жизни в 1997 году.

Это был удивительно инициативный, деятельный человек, с прекрасной памятью и работоспособностью. Простой, добрый, отзывчивый, как все из семьи Францевых. Николай Иванович много сделал по увековечению памяти брата-героя, постоянно переписывался с нашей школой, с членами поисковой группы, присылал материалы.

Жил он в Москве. С ним дочь, Екатерина Николаевна, его активная помощница, подстать отцу во всем. Она представляет уже третье поколение семьи Францевых. После окончания института культуры поступила в аспирантуру и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В настоящее время - доцент, преподает на военно-дирижерском факультете Московской консерватории. Пишет методические пособия. Изданные в Москве в 1993 году “Миниатюры Ф. Шопена, Р. Шумана, А. Скрябина, С. Прокофьева в классе общего фортепьяно” Екатерина Ивановна подарила Чернушинской му-

зыкальной школе. Этот свой труд она посвятила отцу: “Милому моему батюшке, Николаю Ивановичу Францеву”.

Когда я бывал у них в гостях, всегда завязывался интересный разговор, возникали дискуссии, споры о настоящей жизни и прошлой, о нынешнем молодом поколении и нашем (ведь мы с Екатериной Николаевной ровесники), о войне и героях. Вспоминали и о ее герое-дяде, которого она видела только на фотографиях.

В неугомонном стремлении постигнуть тайну гибели брата последний раз Николай Иванович обращался к начальнику историко-архивного и военно-мемориального Центра Генерального штаба вооруженных сил Российской Федерации полковнику И.Н. Венкову. Это было в июне 1993 года.

Ответ пришел от военно-морского атташе Российского посольства в Норвегии в котором говорилось, что 16 сентября 1944 года на военном кладбище Хавотсјунд были захоронены два советских летчика: Дмитрий Васильев, 1920 года рождения, имя второго неизвестно.

Когда, я уезжал в Североморск, Николай Иванович и Екатерина Николаевна, попросили меня навести справку об этих летчиках: вдруг второй окажется Евгением.

В музее ВВС выяснилось, что это был другой экипаж, он погиб 16 сентября. В его составе летчики Литвак, Дмитриев, Игнатъев.*

Этот экипаж вылетел на “свободную охоту” 9.54 утра 16 сентября. И не вернулся.

В журнале актов боевых потерь и происшествий есть расследование причин потерь в частях ВВС ВМФ за лето 1944 года. Там лежат рядом акты о гибели экипажа Францева и Литвака.

* Работая в Центральном Военно-Морском архиве, я, конечно, заинтересовался их судьбой. И из книги учета потерь личного состава 9 ГМТАП выписал такие данные:

Литвак Дмитрий Яковлевич - заместитель командира 3 авиаэскадрильи, гвардии старший лейтенант, член ВКП (б). Родился на станции Широкая Гребня в Винницкой области. Женат, дочь 1941 г. рождения.

Дмитриев Василий Ефтеевич - штурман, гвардии лейтенант, 1920 г. рождения. Актюбинская обл. ст. Джурум, ул. Ленина, 5.

Игнатъев Иван Яковлевич - гвардии ст. сержант, воздушный стрелок-радист, 1913 г. рождения. Из села Заозерье, Калининского района, Калининской области. Жена - Игнатъева Анастасия Михайловна, живет в Москве по ул. Рождественская в доме № 12, кв. 22-а.

Составлены они в один и тот же день, 22 сентября. Отправлены в штаб с сопроводительными документами. Родственникам сообщили: не вернулись с боевого задания. Что случилось - неизвестно.

Да, об экипаже Францева неизвестно ничего до сих пор. А экипаж Литвака, оказывается, погиб над норвежской землей и там же похоронен.

Что же произошло с самолетом Францева и летчиками, теперь можно узнать только в немецких архивах. Если его сбили немецкие летчики, то наверняка доложили об этом и, возможно, были отмечены. Значит это событие зафиксировано, тем более, если учитывать немецкую аккуратность. К тому же известно время последнего сообщения от экипажа Францева - 17.20 и район. Как-раз там базировался немецкий аэродром. Располагая этими данными специалистам архивов нетрудно добраться до истины.

Наш долг - найти ее.

Ведь невозможно без волнения и скорби и вместе с тем с благодарностью за мужество и отвагу, стоять у памятника 848 погибших авиаторов-североморцев, чьи тела приняли холодные североокеанские волны и опустили в глубокую, общую могилу - безбрежные воды Баренцева моря.

Послесловие редактора

Школа помнит героя

Вот и поставлена точка в книге директора моей родной школы Р.М. Габделхакова о ее выпускнике, Герое Советского Союза, летчике Евгении Францеве. Поставлена последняя точка... Но в памяти моей остались неизгладимыми дни, связанные с открытием памятника герою, встречах с его однополчанами и одноклассниками, братом и сестрами, авиаторами-североморцами, сегодняшними преподавателями и учениками школы.

Пятнадцать лет назад, в марте 1983 года, в мой адрес пришло письмо из далекой Чернушки - молодого городка нефтяников в Пермской области. Средняя железнодорожная школа № 80 (теперь № 9), где я учился в далекое военное время, приглашала меня приехать на открытие памятника бывшему выпускнику, Герою Советского Союза, летчику Евгению Ивановичу Францеву, погибшему смертью храбрых в 1944 году на подступах к Мурманску. Отложив все дела, я выехал из Омска в Чернушку...

Никогда не забыть мне торжественной линейки в Чернушинской школе в 1944 году. Шел третий год Великой Отечественной... Вихрастые мальчишки и девчонки в перелатанных, перешитых пиджаках и жакетах, в разбитых, не по размерам, ботинках и туфлях спешно выстраивались в ровную и длинную шеренгу. Директор школы Василий Харитонович Харитонов, вернувшийся в Чернушку после ранения, прихрамывая, вышел вперед.

- Ребята! - громко объявил он, - сегодня у всех нас большая радость. Выпускнику нашей школы, летчику морской авиации, гвардии старшему лейтенанту Евгению Ивановичу Францеву

Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено высокое звание Героя Советского Союза!

Разноголосое “Ура!” - загремело по школьному коридору. Герой был родным братом моего одноклассника и товарища, нашего отличника Славы Францева. Восьмиклассники дружно подхватили его на руки и, как героя, трижды подбросили в воздух. Слава, как и все мы в тот день, был счастлив...

Но не долгой была наша радость. Вскоре пришло печальное известие: Герой Советского Союза Евгений Францев погиб смертью храбрых, атакуя вражеский корабль в далеком море Баренцева. Траур охватил школу. Как могли мы утешали в те тяжелые дни Славу, его сестер, престарелых родителей...

* * *

С тех пор прошло почти сорок лет. 11 марта 1983 года я вновь возле родной школы. Звучит гимн Советского Союза, грохочет троекратный ружейный салют. Спадает наземь покрывало и взорам собравшихся на митинг открывается бронзовый бюст погибшего героя - летчика Евгения Францева. Простое, мужественное лицо, гордый, устремленный в далекий горизонт взгляд... Таким увидел Евгения и изваял его на века пермский скульптор Анатолий Александрович Уральский.

Надпись на белом мраморе пьедестала гласила:

“...Морской летчик Герой Советского Союза старший лейтенант Францев Евгений Иванович первым в истории нашей авиации торпедой уничтожил фашистскую подводную лодку.”

Первым... На митинге выступил член экипажа Евгения Францева, бывший штурман - тоже Герой Советского Союза Павел Андреевич Галкин. Он приехал в Чернушку на открытие памятника своему боевому командиру из города Ейска, что в Краснодарском крае.

- Мы с Евгением обучались в одном летном училище, вместе прибыли в Заполярье, на защиту северных рубежей нашей Родины, в 9-й гвардейский минно-торпедный полк морской авиации, - вспоминал ветеран. - Перед летчиками стояла задача - уничтожать вражеские корабли, с помощью которых фашисты доставляли никелевую руду на заводы Германии для производства броневой стали, снабжали оружием, боеприпасами, горючим и продовольствием северный участок фронта. Выполнять эту задачу было непросто...

Фашисты окружали свои транспорты двойным - тройным кольцом корабельного конвоя, а с воздуха прикрывали их истребителями. Эсминцы, тральщики и другие боевые корабли встречали

торпедоносцев ураганным шквалом огня. Десятки тысяч снарядов выпускалось по атакующему самолету, летящему над водой. Море буквально бурлило, горело и кипело впереди. И надо было, не дрогнув, прорваться сквозь эту стену огня, чтобы с высоты 20-40 метров над водой хладнокровно направить одну-единственную торпеду - этакую стальную сигару до 8 метров длиной - в борт идущего корабля. Обладая огромной взрывной силой, она нередко раскалывала его надвое...

Францев был прирожденным, великолепным летчиком. Сильный и выносливый, он обладал молниеносной реакцией, не терялся в самой сложной обстановке.

В совершенстве овладев тактикой морского боя в условиях Заполярья, экипаж торпедоносца (а он состоял из трех человек - Францева, Галкина и стрелка-радиста Семена Антипичева) стал выходить в крейсерские рейсы - "на свободную охоту". Быстро рос боевой счет экипажа. Менее чем за год торпедоносец уничтожил две подводные лодки, танкер водоизмещением 10 тысяч тонн, транспорт, мотобот, участвовал в потоплении двух крупных транспортов. Гвардии старший лейтенант Евгений Иванович Францев и его штурман лейтенант Павел Андреевич Галкин удостоились двух орденов Красного Знамени, а в августе 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР им присвоили звание Герой Советского Союза...

Бывший замполит 9-го авиаполка, старший преподаватель Военно-политической Академии полковник В.И. Мигулин поведал землякам героя о последнем, ставшем роковым для экипажа бое над Баренцевым морем. 15 сентября 1944 года Евгений ушел в крейсерский рейс с другим штурманом - тогда врачи освободили Павла от полета. В ходе атаки на вражеский транспорт (плавучую базу ремонта самолетов), по словам очевидцев-норвежцев, торпедоносец будто бы загорелся. Но он не свернул с курса. "Атакую", - радировал Францев. Донесли и последние его слова: "Транспорт потопил"... Но самолет не вернулся на базу.

"Мы, боевые друзья, тяжело переживаем эту утрату, - написал в письме родным героя командир военчасти П.П. Гусев. - Светлая память о нем будет вечно жить в наших сердцах".

И как бы в подтверждение этих слов на открытие памятника герою в 1983 году съехались в Чернушку его боевые друзья, родные и близкие, прославленные летчики, бывшие выпускники и преподаватели средней школы. Среди них - однополчане героя: штурман экипажа Е.И. Францева, Герой Советского Союза Па-

вел Андреевич Галкин, техник его самолета, подполковник запаса, кавалер четырех орденов Красной Звезды Иван Васильевич Овсянников. Из разных городов страны приехали в Чернушку на открытие памятника брату доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР Вячеслав Францев, сестры Тамара Францева, Александра Померанцевская, Людмила Шподарюк, Наталья Сырых.

* * *

...В школьном музее есть давняя, довоенная фотография. Выпускники далекого 40-го года (среди них и Евгений Францев) вместе со своим любимым учителем В.Х. Харитоновым собрались на зеленом лугу возле школы. В руках у ребят и девчат - новенькие свидетельства об окончании десятилетки... Уже через год эти парни и девушки один за другим уйдут добровольцами на защиту Родины. Пусть не все из них стали героями, как Евгений Францев, но никто не дрогнул перед жестоким врагом. Многие пали в сражениях. И, думается, памятник Евгению Францеву, поставленный учениками у школы, памятник и им, погибшим в боях его одноклассникам.

Несколько десятилетий вели эстафету поиска чернушинские школьники, пионерской дружине которых еще в 1958 году было присвоено имя Е.И. Францева. Шла переписка с однополчанами, с воинской частью, в списки которой герой был зачислен навечно. Под руководством преподавателей и директора школы ученики создают музей, проводят пионерские сборы, устные журналы, пишут конкурсные сочинения о подвигах летчика.

После открытия памятника поисковая и военно-патриотическая работа развернулась с новой энергией. Трудно рассказать о всех поездках, всех встречах с однополчанами и одноклассниками героя, всех конференциях, проведенных учениками и преподавателями. Четырежды чернушинские школьники по приглашению авиаторов приезжали в заполярный Североморск, где были гостями ВВС Северного флота, летного подразделения, в составе которого числится погибший герой. Завязав тесную дружбу с музеем североморцев, они передали в дар ему новые, собранные ими документы о жизни героя, копии газетных и журнальных статей, пленки с радиопередачами о нем. Да и сами гости получили от североморцев немало интересных материалов, пополнивших школьный музей. Уже в 1987 году за плодотворную поисковую военно-патриотическую работу по решению Совета Министров России школе было присвоено имя героя Евгения Францева.

- Учиться в школе имени героя, - писала в то время в своем сочинении Дина Лукманова, - значит стремиться быть в чем-то похожим на героя, не жалеть своих сил и жизни для счастья общества, в котором ты живешь.

И с такими мыслями - делать жизнь с облика героя, быть во всем достойными его - заканчивали в последующем чернушинскую школу ее многие ученики.

Особо запомнилась мне научно-практическая конференция в школе "Время и Францев" в феврале 1998 года, посвященная 75-летию со дня рождения героя. Чтобы участвовать в ней, в Чернушку приехали посланцы Военно-Воздушных Сил Северного флота, подполковники К.Н. Костенко и А.В. Собокарь, председатель Совета Международного фонда поддержки авиаторов, бывший замполит 9-го авиационного полка Северного флота, в котором служил в годы войны герой, В.И. Мигулин, сестры Евгения Францева - Тамара и Наталья Ивановны, бывшие ученики и выпускники школы - Е.Д. Аликин - научный работник института имени Курчатова, В.В. Артюшина - заслуженный деятель культуры России, М.Н. Вишницкий - ветеран вооруженных Сил, С.В. Журавлева - дочь подруги Евгения Веры Плехановой и другие. Программа была очень насыщенной: шли беседы со школьниками города и классные уроки мужества, состоялись осмотр экспонатов городского музея, встречи с руководителями Чернушинской администрации, с художественной самодеятельностью города. К участникам конференции с приветствиями по видеозаписи обратились штурман экипажа Францева, Герой Советского Союза П. Галкин и командующий ВВС Северного флота, генерал-лейтенант Н. Мордовалов.

Во второй день конференции состоялось торжественное подписание договора о совместной деятельности Администрации Чернушинского района Пермской области и Чернушинской школы № 9 с ВВС Северного флота по героико-патриотическому воспитанию молодежи. Чернушинцы обязались организовать в школах района кружки по изучению истории ВВС Северного флота, регулярно сообщать музею североморцев о своей поисковой работе, проводить конкурсы сочинений, поделок и рисунков учащихся о жизни и подвигах Евгения Францева и других героев-североморцев, оформить в школе № 9 стенд "Вести с Севера", установить переписку с одной из школ Североморска. Была сделана и запись о выпуске этой книги с рассказом о жизни героя.

Командование ВВС Северного флота, в свою очередь, обяза-

лось ежегодно в канун Дня рождения Евгения Францева и начала очередного призыва в феврале высылать видеозапись с обращением Военно-Воздушных Сил Северного флота к учащимся и призывникам Чернушинского района, снять для школы № 9 видеофильм “История Военно-Воздушных Сил Северного флота”, видеоматериалы о проводимых военно-спортивных праздниках североморцев. Решено учредить приз командующего ВВС Северного флота для поощрения активных членов поисковой группы школьников, ежегодно принимать для прохождения службы в подразделениях флота призывников из Чернушинского района, в том числе из школы № 9.

Теперь эта обширная программа претворяется в жизнь. Как и прежде, возглавляют героико-патриотическую работу директор школы Р.М. Габделхаков, учителя Р.Г. Ширяева, А.М. Шутова, Л.В. Вахрушева, Т.А. Ничкова; отличились старшеклассники Оля Лоскутова, Света Логинова, Э. Нурбакова, десятки других учеников.

“Ваша творческая, плодотворная работа по увековечению памяти героя-североморца Евгения Ивановича Францева поистине вызывает восхищение, - заметил в своем письме в адрес директора Р.М. Габделхакова, педагогов и учащихся школы № 9 командующий ВВС Краснознаменного Северного флота Н. Мордовалов. - Низкий Вам поклон за Ваше святое дело.”

И не случайно, конечно, коллектив чернушинской школы № 9 за педагогическое мастерство, творческий поиск, успешность обучения и воспитания молодежи стал лауреатом Всероссийского конкурса “Школа года-97”, а директор ее Р.М. Габделхаков удостоился почетного звания “Директор года”. Поздравим их с этой большой победой. И пусть первая книга не будет единственной. Директор, учителя школы имени героя Е.И. Францева, наверняка, еще поделятся с педагогами, учениками других школ России своим богатым опытом героико-патриотического воспитания. Так что ставить последнюю точку сегодня не будем.

Эрнест ЧЕРНЫШЕВ,
редактор книги, бывший ученик чернушинской
школы № 9 имени Е.И. Францева.

От автора

Свою поисковую работу о герое Советского Союза, выпускника нашей школы Евгения Францева я вел два десятилетия. Основной материал был собран в 90-е годы. Думаю, что эта поисковая работа будет продолжена и дальше. Ведь никому пока не известны подробности гибели героя 15 сентября 1944 года после посланной им радиограммы в 17 час. 20 минут: "Атакую. Потопил"... Это нужно будет еще разузнать, расследовать...

А сейчас хочу искренне поблагодарить всех, кто помогал мне в поисковой работе, активно содействовал сбору материалов, документов, воспоминаний... Особенно большую помощь оказали Герой Советского Союза, штурман экипажа Евгения Францева П.А. Галкин, сестра героя Т.И. Францева, его подруга В.В. Корлякова (бывшая Плеханова), сын Екатерины Мартазовой В.Я. Толкачев, брат героя Н.И. Францев, работники Центрального Военно-Морского архива и музея ВВС Северного флота, Герой Советского Союза, однополчанин Евгения Францева, полковник В.В. Пирогов, заведующая отделом прозы журнала "Урал" В.В. Артюшина, выпускник школы, член Союза журналистов России Э.Г. Чернышев, председатель правления Международного фонда поддержки авиаторов В.И. Мигулин и многие, многие другие. В книге также использованы фотоснимки А. Лыжина, А. Озерова, бывших учеников школы. Спасибо всем им за их большую, бескорыстную помощь!

Равиль ГАБДЕЛХАКОВ.

АВТОРОМ ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:

Воспоминания братьев и сестер Е.И. Францева.

Материалы Центрального Военно-Морского архива, Центральной Военно-Морской библиотеки, Центрального Военно-Морского музея.

Материалы музея ВВС Северного флота.

Газеты "Североморской летчик", "Краснофлотец", "Красный флот" за 1944 год.

В.С. Бойко "Крылья Северного флота". Мурманск, 1976 год.

Диктофонная и видеозаписи воспоминаний П.А. Галкина в Ейске в 1995 и 1997 годах, выступление его и И.В. Овсянникова при открытии памятника Евгению Францеву в Чернушке.

Книга "За взлетом взлет" (Об истории Ейского Высшего авиационного училища).

in Handgull
Объявить чк
Р.С.С.С.
13468

15.04

М.Д.	В.Д.
15.04	44
Т.З.	IV
Войсковая часть 26886	г. Москва

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР

№ 1

20 3-56-53
и к Терминов
г. Москва

5 января 1968 г.

О зачислении Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта **Францева Е. И.** навечно в списки войсковой части 26886

Летчик 9 гвардейского минно-торпедного авиационного полка гвардии старший лейтенант **Францев Е. И.** в боях с немецко-фашистскими захватчиками проявил мужество, героизм и отвагу.

В совершенстве владея техникой пилотирования самолета и высоким искусством ведения боя с кораблями противника, гвардии старший лейтенант **Францев Е. И.** в многочисленных боях добивался победы и наносил врагу большие потери и живой силе и боевой технике. Только за период с июля 1943 года по апрель 1944 года он лично уничтожил две подводные лодки, три надводных корабля и участвовал в потоплении двух крупных транспортов противника.

За совершенные подвиги Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 года гвардии старшему лейтенанту **Францеву Е. И.** присвоено звание Героя Советского Союза. 15 сентября 1944 года при выполнении боевого задания гвардии старший лейтенант **Францев Е. И.** пал смертью храбрых за нашу Родину.

Его беззаветная преданность социалистической Родине и верность военной присяге должны служить примером для всех военнослужащих Вооруженных Сил СССР.

Приказываю:

Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта **Францева Евгения Ивановича** зачислить навечно в списки 2 эскадрильи войсковой части 26886.

Приказ объявить личному составу.

Заместитель Министра обороны СССР
Маршал Советского Союза И. ЯКУБОВСКИЙ

Первый памятник Герою у школы

Памятник Францеву в поселке Сафонова

Первоначальный проект памятника Францеву скульптора Ю.П. Клещевникова

Автор памятника Герою, скульптор А.А. Уральский

Уважаемые учителя и ученики
средней школы № 80 им. Героя Советского
Союза Е.И.Францева!

Командование военно-воздушных сил Краснознаменного Северного флота, авиаторы - североморцы выражают вам глубокую благодарность и сердечную признательность за большую и нужную работу по военно-патристическому воспитанию подрастающего поколения, по увековечению памяти нашего прославленного летчика-торпедносца Героя Советского Союза Евгения Ивановича ФРАНЦЕВА.

Проводимая вами работа заслуживает уважения и внимания, помогает на примере жизни и боевого пути вашего выпускника Евгения ФРАНЦЕВА воспитывать нынешних защитников Отечества. Авиация Северного флота внесла значительный вклад в разгром немецко-фашистских войск в Заполярье. Не счесть подвигов верных сынов Родины, до последней капли крови сражавшихся в суровом небе Заполярья и прославивших на века морскую авиацию.

Никогда не будут забыты те, кто не дождал до великой Победы, кто навсегда остался в скалистых сопках Заполярья и в студеных водах Баренцева моря.

Они всегда будут жить в нашей памяти.

Мы горды тем, что нам выпала большая честь продолжать героические боевые традиции авиаторов - фронтовиков, учиться у ветеранов мужеству, искусству побеждать. И мы верны этим традициям.

От всей души желаем вашему коллективу дальнейших успехов в работе по патристическому воспитанию молодежи, крепкого здоровья, оптимизма, удач и свершений.

Уважаемым
КОМАНДУЮЩИМ ВВС СЕВЕРНОГО ФЛОТА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ

- Н.МОРДОВАЛОВ

1 ноября 1994 года

Бюст героя в гипсе.

На встрече со школьниками. Крайние слева сестра Е. Францева, М. Сырых и Герой Советского Союза летчик П.С. Шаров. На заднем плане П.А. Галкин и В.И. Францев.

Торжественный момент.

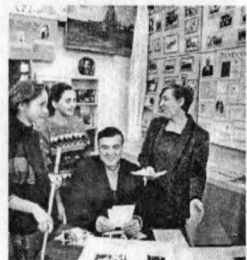
Бывший техник самолета Францева, впоследствии начальник технической части подполковник Иван Васильевич Овсянников.

И вот он вновь у стень родной школы.

Сестры и брат Героя: (слева-направо) Л. Шпондарюк, А. Померациевская, В. Францев, Н. Сырых, Т. Францева.

В школьном музее (слева-направо) учащиеся 9 класса Татьяна Викторова, Светлана Логинова, учитель немецкого языка Р. М. Хакимов и руководитель музея, краевед, организатор поисковой работы Л.В. Вахрушева.

Встреча со школьниками

Через 39 лет у памятника боевого товарища встретились боевые друзья П. А. Галкин и И. В. Овсинников.

Делегация школы на экскурсии в музее ВВС Северного флота.

Фотография командующего ВВС СФ Н.А. Мордовалова с благодарностью за высокое героико-патриотическое воспитание в школе.

На открытии памятника летчику
Е. И. Францеву у школы №80 в г. Чер-
нушке 11 марта 1983 г.

Встреча автора книги с семьей П.А. Галкина в Ейске.

ДИПЛОМ

Школа года-98

Настоящим дипломом награждается
за педагогическое мастерство, творческий поиск,
успешность обучения и воспитания

Коллектив средней школы № 9

г. Чернушка

Уфимская область

лауреат конкурса «Школа года-98»

*В школе сложились гуманные и добрые отношения
между учениками, учителями и родителями,
детям интересно учиться.*

*Учителя испытывают моральное
и профессиональное удовлетворение от своего труда.*

Директору школы-лауреата

Габделхакеев Р.М.

присвоено звание «Директор года»

Почетные звания учреждены в 1996 году
Министром общего и профессионального образования РФ,
Председателем Комитета по образованию и науке
Государственной Думы Федерального Собрания РФ,
Председателем Комитета по науке, культуре, образованию,
здравоохранению и экологии Совета Федерации Федерального
Собрания РФ, Главным редактором газеты «Педагогический
вестник».

Председатель ОРГКОМИТЕТА конкурса «Школа года»

Рубин

Л. И. Рувинский

Москва

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Выдан Францеву
Евгению Ивановичу
в том, что он окончил в 1943 году
Воспитно-Морское Академическое Училище
им. Ленинского на курсе вицеком

и эту присваивает
общее звание серженант
Присвоено ИМАУ № 07 от 8.1.43г.

Начальник ИМАУ
им. Ленинского
полковник
Михайлов
(подпись)

Начальник штаба ИМАУ
им. Ленинского
полковник
Михайлов
(подпись)

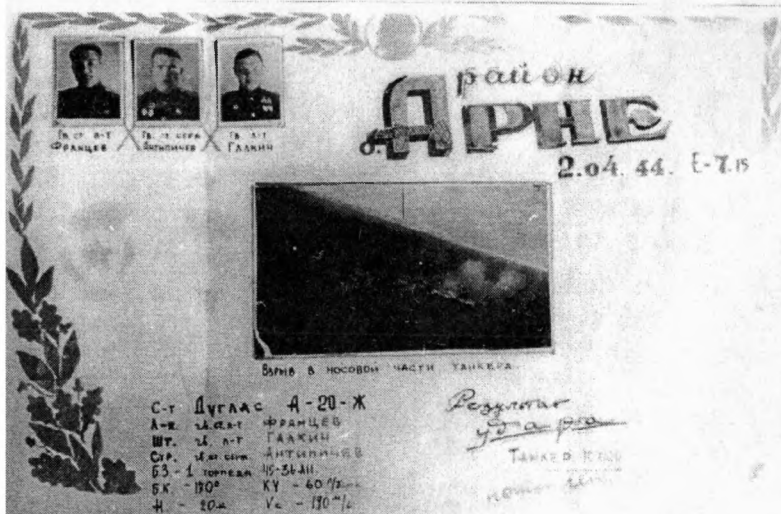
№ 25
И. И. Иваница
1943 г.

за время учебы в училище и на вы
пущенных экзаменах.

топ Францев Е.И.
в теоретической и летной подготовке
по нижеследующим предметам показал
успехи:

№№ п.п.	Наименование предметов	Оценки
1	Политподготовка	<u>отлично</u>
2	Военная дисциплина	<u>отлично</u>
3	Тактика	<u>отлично</u>
4	Матчасть самолета	<u>отлично</u>
5	Матчасть мотора	<u>отлично</u>
6	Техника обслуживания	<u>хорошо</u>
7	Теория полета	<u>отлично</u>
8	Штурманская подготовка	<u>отлично</u>
9	Воздушная стрельба и артиллерия	<u>хорошо</u>

Свидетельство об окончании училища

Фотолистовка, рассказывающая о потоплении экипажем Францева вражеского танкера 2 апреля 1944 г. В центре снимок сделанный Францевым.

Участники конференции в школьном музее.

Сестры Героя (в первом ряду) слева - Наталья Ивановна Сырых и Тамара Ивановна Францева (крайняя справа) среди одноклассников Евгения и бывших учеников школы.

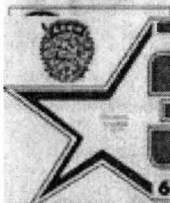

На конференции выступает бывший ученик школы, редактор областной отраслевой газеты из Омска Э. Г. Чернышев

Заключение договора о содружестве коллектива школы с Военно-Воздушными силами Северного флота. Договор подписывает представитель ВВС подполковник К. Н. Костенко

ОМСКАЯ ПРАВДА

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

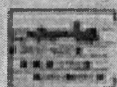
ЗВЕЗДА

6 апреля 1997 г.

ЧЕТВЕРГ

№ 35 (23147)

ВОЛЖСКАЯ

МАГИСТРАЛЬ

КРАСНЫЙ БОЕЦ

МОЛОДАЯ

ОБЛАСТНОЙ КОМ. СТУД. КИНОТЕАТРА

Пятница, 8 апреля 1997 г.

№ 42 (26409)

ГВАРДИЯ

10 страниц
апрель 1997 г. № 5 (2332)

РАБОЧАЯ

ИЗДАЕТСЯ С 1917 ГОДА
С 1997 ГОДА ПО 10 АПРЕЛЯ 1997 ГОДА ИЗДАЕТСЯ ПОД
НАЗВАНИЕМ «ОБЛАСТНОГО КОМ. СТУД. КИНОТЕАТРА»

трибуна

НА СТРАЖЕ ЗАПОЛЯРЬЯ

УРАЛЬЦЫ

За демократию и социальную справедливость

ПРИУРАЛЬЯ

Издается
с марта 1926

Среда, 12 марта 1997 г.

№ 22 (9272)

Цена договорная

АТАКА С ВОЗДУХА

На объекты мин.обороны в Чернушинском районе. Для третьих лет войны. Снаряды упали на деревню.

Робкая, торжественная атмосфера царила в Чернушинском районе. Вечером 12 марта 1945 года. В этот день в 1945 году. В этот день в 1945 году. В этот день в 1945 году.

Одновременно с началом войны в Чернушинском районе. В этот день в 1945 году. В этот день в 1945 году.

По сообщению очевидцев, в этот день в 1945 году. В этот день в 1945 году. В этот день в 1945 году.

После этого в этот день в 1945 году. В этот день в 1945 году. В этот день в 1945 году.

ПОМНЯТ УРАЛЬЦЫ ГЕРОЯ

Фоторепортаж

В память Героя Советского Союза, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района.

В память Героя Советского Союза, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района.

В память Героя Советского Союза, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района.

На свидание — в Чернушку

В память Героя Советского Союза, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района, уроженца Чернушинского района.

Директору
Чернушинской средней школы №9
им. Героя Советского Союза Е.И.ФРАНЦЕВА
ГАБДЕЛХАКОВУ Р.М.

Уважаемый Равиль Муллаханович !
Уважаемые педагоги !
Дорогие ребята !

Выражаю Вам искреннюю признательность и глубокую благодарность за теплый, искренний и радушный прием, оказанный делегации Военно-воздушных сил флота, принявшей участие в научно-практической конференции «Время и ФРАНЦЕВ».

Ваша творческая плодотворная работа по увековечению памяти героя-североморца Евгения Ивановича ФРАНЦЕВА поистине вызывает восхищение.

Низкий Вам поклон за Ваше святое дело.

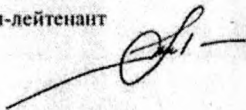
Уверен, что сложившееся в последние годы наше сотрудничество будет крепнуть и обогащаться.

От всей души желаю Вам успехов в труде, учебе, поисковой деятельности, здоровья, счастья, удачи и исполнения всех Ваших желаний.

С уважением

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫМИ СИЛАМИ
КРАСНОЗНАМЕННОГО СЕВЕРНОГО ФЛОТА

генерал-лейтенант

Н.МОРДОВАЛОВ

ДИПЛОМ

Школа года-97

Настоящим дипломом награждается
за педагогическое мастерство, творческий поиск,
успешность обучения и воспитания

Коллектив средней школы N 9

г. Чернушка

Пермская область

лауреат конкурса «Школа года-97»

В школе сложились гуманные и добрые отношения
между учениками, учителями и родителями,
детям интересно учиться.

Учителя испытывают моральное
и профессиональное удовлетворение от своего труда.

Директору школы-лауреата

Гавришаккову Р.М.

присвоено звание «Директор года»

Учредители почетных званий

КИНЕЛЕВ В.Г.

Министр общего и профессионального
образования Российской Федерации

МЕЛЬНИКОВ И.И.

Председатель Комитета по образованию и
науке Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации

РУВИНСКИЙ Л.И.

Главный редактор газеты «Педагогический
вестник»

СУДАРЕНКОВ В.В.

Председатель Комитета Совета Федерации по
науке, культуре, образованию, здраво-
охранению и экологии Федерального Собра-
ния Российской Федерации

Москва

ГАБДЕЛХАКОВ Равиль Муллаханович
Атакую. Потопил.
Документальная повесть

Составление, вступительное слово, заключительная часть
и общая редакция - **Э. Г. Чернышев**

Литературная обработка - **В. Т. Чашков**

Художник - **И. М. Стрельников**

Корректор - **В. Г. Серебрякова**

Компьютерная верстка - **И. В. Вовк**

ЛР № 010031 от 19.12.1997

ИБ 727

Подписано в печать 10.09.98

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$

Бумага офсетная

Гарнитура Times

Печать офсетная

Усл.-печ.л. 12,0

Тираж 2000 экз.

Заказ № 2132

Редакция газеты "Пульс" ("Омский строитель"):

644007, г. Омск, ул. Яковлева, 181

при участии

Омского книжного издательства

Отпечатано в
Омской областной типографии.
644070, г. Омск, ул. Декабристов, 37

Евгений Францев

Свои крупнотоннажные транспорты фашисты сопровождали усиленными конвоями. Их в два-три кольца окружали до 15-16 боевых кораблей, а с воздуха прикрывали истребители. Добавьте к ним береговые батареи, под защитой которых обычно шли караваны... Получается, в общей сложности, несколько сотен стволов.

В момент атаки все это стреляло. Море буквально бурлило, кипело и горело впереди... А нам еще предстояло снизиться над его уровнем до двух-трех десятков метров, пробиться сквозь эту плотную завесу заградительного огня и, точно прицелившись, направить торпеду в борт идущего транспорта. И, если это удавалось, транспорт был обречен...

Такая атака была под силу только мужественным людям, обладающим отменной техникой пилотирования, храбрым сердцем, холодным и трезвым умом. Именно таким и был Евгений Иванович Францев.

П.А. ГАЛКИН,
Герой Советского Союза,
бывший штурман экипажа
самолета-торпедоносца Е.И. ФРАНЦЕВА: